

Брошюры

- Открытое письмо П. А. Кропоткину
- Кровавая неделя в Москве
- Возможна ли анархическая социальная революция
- Вопросы теории и практики. Об анархистской литературе, тактике и организации
- Основы земской финансовой организации без власти и принуждения
- Старое и новое в анархизме
- Социальные задачи домовых комитетов
- Утренний гудок
- Великий опыт
- Дух погромный
- Кооперация и анархизм
- Право и власть

Открытое письмо П. А. Кропоткину

1917, источник: [здесь](#). Отд. оттиск из: *Анархия. 1917. № 7, 23 окт.*

Дорогой учитель, прочел Ваше десятое «письмо о текущих событиях»[1]*, жутко становится на душе от перечисленных зверств германского милитаризма. Вы еще упустили самое ужасное, самое кошмарное злодеяние, совершенное по указке из Берлина, это — истребление, *физическое* истребление целой нации в Турецкой Армении; нации-мученицы, которая не имела даже, подобно бельгийской, возможности и утешения самообороны от диких орд, натравленных на нее холодной логикой тевтонского расчета.

Читая об ужасах, творимых немцами на европейском театре войны, мысль моя невольно перенеслась на другой фронт, на театр военных действий кавказской армии.

Тут действовала победоносно уже наша, русская армия. Сведения мои не так богаты, как Ваши о германцах, т. к. они почерпнуты не из литературы, не из материалов, проверенных комиссиями, заслуживающими полное доверие, а из личных воспоминаний о двухлетнем пребывании на этом фронте. И тут, как везде, бог войны показывал свой тупой, алчный, искаженный зверствами лик.

Не стану останавливаться на положении военнопленных, виденных мною зимой 1914–15 гг. в Сарыкамыше, где их содержали, здоровых вперемешку с остро-заразными больными и дизентериками, в ужасающей грязи, без всякого медицинского ухода. Их, кажется, этих самых пленных, позже отправили в заключенных на замок вагонах в центральную Россию, да забыли в дороге кормить и проветривать вагоны. Где-то принц Ольденбургский нашел их на запасном пути одного из вокзалов, — нашел разлагающиеся на собственных испражнениях трупы и несколько умирающих...

Осенью 1915 г. я работал в Баязетском и Диядинском округах по оказанию помощи беженцам; это два пограничных округа за Араратом и по верхнему течению Евфрата. Был конец сентября, разгар полевых работ; тут нивы колыхались налитыми колосьями, там хлебное поле наполовину сжато и снопы сложены в скирды, а дальше, на гумне, уже начато вымолачивание, да на половине брошено. Обширные, нетронутые луга, местами сено скошено и лежит ровными полосами, а там далее собрано в стога. Безмолвствуют мельницы у шумно текущих горных речек.

Но почему нет ни людей, ни домашнего скота? Что за мертвое царство?

Это — поля и луга мирных землепашцев-курдов. Незадолго до того, *по распоряжению военных властей их всех выселили*, выселили на произвол судьбы в пограничную Персию, выселили всех: и стариков, и женщин, и детей, как неблагонадежный элемент, позволив каждой семье взять по одной голове крупного скота, по одной мелкого и сколько смогут забрать с собой имущества. *Все остальное было расхищено нашими войсками, уничтожено, разорено.* Солдаты продавали овец по полтиннику, резали, чтобы только достать почки и зажарить, часть же скота, попавшая в интендантские гурты, погибла от отсутствия ухода и надзора. Офицера тоже не отставали от солдат и с нарочными посылали тюки ковров к себе домой.

Почти все жилища, оставленные курдами и еще раньше того вырезанными или бежавшими армянами, были разорены на топливо, что не мешало офицерству получать ежемесячно 150–200 руб. и более «дровяных» из казны. В Каракилиссе я слышал на этапе опасения офицеров по поводу нахождения поблизости залежи каменного угля, эксплуатировавшейся еще турками; они опасались, как бы не стали им выдавать топливо натурой.

Позже, в уцелевших кое-где деревнях были поселены беженцы армяне и езиды, но богатая до войны продуктами земледелия страна была вконец разорена, и беженцев пришлось кормить впроголодь привозным из России хлебом.

Весной 1916 года я поехал с транспортом через Каракилиссу и Хныс-Калу в Муше, чтобы подобрать и вывезти уцелевших от резни сирот. В пути я убедился, что вся завоеванная страна была сплошь разорена нашими войсками (за редким исключением недосягаемых горных деревень) и только около военных этапных пунктов ютились жалкие обломки бывшего населения.

Один офицер, в чине подполковника, рассказал мне на одном из этапов, как повесили турецкого шпиона. Встретили крестьянина-армянина с куском проволоки в руках; очевидно было, проволока телефонная, а армянин — турецкий шпион, разгуливавший с вещественным доказательством своего преступления и... человека повесили.

На перевале, не доезжая до этапа Чарборох, я видел сотни армян-беженцев и карапахов на принудительных работах по постройке дороги. Точь-в-точь как немцы поступают с бельгийцами. Их едва кормили одним хлебом, а отпускаемая им из казны плата по 1½ рубля в день, целиком поступала в карман этапного коменданта.

Быть может, скажут, все это было при старом режиме. Ну, а теперь, при новом режиме, не наши ли войска разгромили и дотла сожгли город Урмию? А погромы в Хамадане? в Казвине? А мелкие, вынужденные грабежи и насилия, когда порой солдатам и казакам самим нечего есть, и лошадей нечем кормить, а за наш обесцененный рубль ничего нельзя купить.

Война, это узаконение произвола, насилий, грабежей и массовых убийств, везде одинакова.

Учитель! Разве не с равным, если не большим основанием немец патриот может воодушевлять своих соотечественников на борьбу до победоносного конца против наших военных орд и обрисовать ужасы наших побед, как Вы обрисовали наглядно последствия

немецких военных успехов?

Или, может, наши победы мы доведем только до границ Германии? Но где та сила, которая остановит упоенных успехом? Или мы не пошли бы дальше, чтобы освободить Польшу, всю Польшу? Или мы совершим преступление и вернем окровавленную, едва живую турецкую Армению под ярмо ее убийцы, турецкой государственности?

Мы не вторгнемся в чужие земли, мы не посягнем на чужую независимость?

Но почему мы до сих пор не очистили от наших войск нейтральную, вернее, бессильную для самозащиты Персию, которую заняли вместе с англичанами задолго до нынешней мировой катастрофы без объявления ей войны? Почему мы продолжаем разорять эту независимую по международному праву, суверенную страну, превратив ее в арену военных действий, расстроив весь внутренний транспорт и товарообмен и подвергая ее опасности еще худших погромов во время демобилизации при окончании войны?

Нет, дорогой учитель, не в победах государств мы обретем справедливый мир. Вы сами это глубоко сознаете. Иначе, отчего Вы отвергли предложение величайшего утописта нашего времени, Керенского, мнящего вдохнуть новую жизнь в разлагающийся труп Романовской империи? Отчего Вы отказались от предложенного затем Вам поста посланника в Лондоне? Отчего Вы теперь отклоняете всякую мысль Вашей кандидатуры в Учредительное Собрание?

Не есть ли всё это *дезертирство* с Вашей стороны, принципиальное гражданское дезертирство, из чуждого стана, дорогой учитель?

Если Вы не стали под знамена государственности, то еще с большей решительностью, с ужасом Вы отшатнулись от нео-толстовства во внешней политике, от уличного большевизма, этой проповеди непротивления злу нашествия чужеземных империалистов.

Дорогой, любимый учитель, нет Вам места в этих двух противоположных лагерях. Разверните Ваше собственное знамя, — знамя, которое Вы ткали для нас нитку за ниткой в течение пятидесяти лет, наше общее знамя *социальной революции!*

Разве не достигло предусмотренное Вами *распадение современного строя* до своего апогея? Разве не стоит перед человечеством, с, угрозой физической гибели, дилемма: или скорый мир (какое существенное значение имеет для трудового народа урезка, прибавка или создание новых государственных территорий!), мир с возобновлением еще более ожесточенной классовой борьбы, — или социальная революция?

События развиваются с головокружительной быстротой, история «сжигает этапы». То, что вчера казалось «бессмысленным мечтанием», сегодня уже стало ничтожной шелухой стремительного общественного развития. Все партии трудового народа стали под знамена социализма.

Но перед народом стоит страшный облик мировой войны, той самой войны, которая снесла, как щепку вековой самодержавный строй и теперь грозит поглотить народную свободу в разгаре строительства новой жизни.

Еще недавно Вы нам сказали: «Мечта, что эта война положит конец войнам вообще, пока останется эксплуатация труда, чистая фантазия»[2]*.

Только прекращением эксплуатации человеческого труда, только социальной революцией будет положен конец войнам навсегда.

Вы сами признаете, что «во всех народах Европы чувствуется истощение сил после трехлетнего напряжения, и это истощение сознается в Германии так же, как и во Франции, в Австрии столько же, сколько в России». Это истощение вызвало у нас не только крах самодержавия, но и крах государственности. Если еще германская государственность кажется мощной, то только благодаря нашей дезорганизованности, и при первом чувствительном поражении она разлетится в прах.

Только социальная революция, дав народу хлеб и вольную общину, вызовет в нем мощный дух самосохранения, самообороны от кровавого нашествия на родную землю чужеземных империалистов.

В сгущенной атмосфере общественного брожения, быть может, нашему учению суждено дать тот толчок, который определит кристаллизацию общества в новые формы.

Но для этого мы должны внести в те смутные попытки общинного самоопределения, которые вспыхивают повсюду от Кронштадта до Ташкента, элемент конкретного организованного строительства общинной жизни на вольных социалистических началах.

Кликните клич, разверните наше знамя, учитель!

Ваши ученики, идейные товарищи, ждут со мной от Вас ответа и действия, ибо Ваше слово само действие.

Примечания

[1] Русск. Ведом., 12 окт. 1917 г. № 233.

[2] Enquête sur les conditions d'une paix durable. 9 янв. (н. с.) 1917 г.

Кровавая неделя в Москве

1917, источник: [здесь](#)

Предисловие

Наш кровавый век перевернул еще одну окровавленную страницу истории. Человечество, истекая кровью и безумно разоряясь, беспомощно мечется во власти еще не обузданных социальных законов. Но в общественной жизни, как и в мертвой природе, есть катастрофы неизбежные, есть и предотвратимые: землетрясение неизбежно, но удар молнии можно отвести.

В самом ли деле неизбежна была эта гражданская война в Москве? Кем она была разожжена? Во имя каких целей? Как она велась?

Ответить на все эти вопросы полностью — значит написать историю этой кошмарной, братоубийственной войны. Задача автора этих строк не так широка.

Я находился во время кровавой недели в Замоскворецком районе, в этом очаге большевизма, и хочу рассказать о виденном, слышанном и читанном в эти гнетущие дни и поделиться вызванными ими размышлениями. Пусть другие расскажут, что творилось в центре города и других районах.

Занимая по своим убеждениям позицию левее социал-демократов большевиков, быть может, моя оценка событий будет более беспристрастна, так как она будет судить не крайность целей, а средства для их достижения.

В Замоскворецком районе

В пятницу утром, 27 октября, когда я вышел с Курского вокзала (я был во временной отлучке), жизнь в Замоскворечьи по-внешнему текла обычным ходом, только бросалось в глаза отсутствие многих местных и петроградских газет, особенно больших либерально-буржуазных органов.

После полудня я зашел в Совет Московской Федерации анархических групп и тут впервые узнал, что анархисты «выступили» — захватили типографию «Московского листка» и еще заняли насильно, против чьей-то воли, «дежурный стол» и телефонный аппарат в Совете рабочих депутатов. Вызвав по телефону товарища А-ва, одного из редакторов «Анархии», дежурившего в Совете, я спросил о ходе событий. На вопрос товарища относительно моего мнения о выступлении, вспоминая петроградский захват типографии, откуда товарищей,

охраняя от возбужденной толпы, вывели казаки, я ответил, что думаю: «опять сядем в калошу». И действительно, опять сели, но на этот раз, увы! в кровавую лужу, пролитую братской рукой по почину социалистов-государственников, захватчиков вечно проклятой власти

По приглашению товарища А-ва я тотчас же отправился в Совет, на Скобелевской площади, в надежде отговорить товарищей от дальнейшего участия в затеваемой гражданской войне.

Добрался туда в девятом часу вечера. На площади было большое оживление, кучки народа ждали чего-то, но общих выступлений ораторов не заметил. У входа в помещение Совета стоял караул из 7-8 молодых солдат, требовавших пропуск. Получив отказ провести меня к дежурному по «столу анархистов», я написал записку, которую взяли передать. Через минуту к входу подошел с моей запиской в руках молодой человек в сопровождении женщины небольшого роста, средних лет, и стал почему-то спрашивать, где здесь фельдшер? Я назвал свою профессию врача (в записке о моей профессии не было указаний), и меня тотчас ввели в дом и с места в карьер стали предлагать организовать медицинскую помощь, выбрать более безопасное, подходящее помещение и т.п. Я им заметил, что пришел не за этим, но, по-моему, чтобы организовать серьезную помощь, лучше всего обратиться к готовому врачебно-санитарному аппарату города и предложил свое посредничество. Дама, оказавшаяся фельдшерницей, попросила: «Только нужно торопиться, телефоны прерваны и с часу на час может начаться атака».

Наскоро переговорив с товарищем прапорщиком С., заменившим А-ва за «столом анархистов», я пешком всякими обходными улицами, т.к. местами проход был запрещен патрулями юнкеров под командой молодых офицеров, отправился к городской думе. Тут царило не меньшее возбуждение, чем в бывшем генерал-губернаторском доме, и распорядившиеся у входа в думу молодые офицеры наотрез отказались пропустить меня или вызвать кого-либо из санитарного отдела, заявив, что никого нет.

На следующий день, 28 октября, в Замоскворечьи трамваи с утра не ходили. Позже, изредка стали появляться вагоны с флагами красного креста и замелькали автомобили с сестрами милосердия. Настроение чуть ли не у всех сестер было радостное, самодовольное, лица сияющие. По тротуарам ходили целыми группами молодые девушки с импровизированными повязками красного креста на рукавах — с наскоро нашитыми из красно-бурых лоскутков или просто намалеванными крестами. Некоторые поражали своей неряшливой одеждой, с грязным узелком в одном из карманов фартука и казалось, что если из другого кармана не вытаскивают и не щелкают семечки, то только потому, что их не продавали на улице.

Высыпала на улицу также «красная гвардия», с ружьями разных образцов, со штыками и без штыков, некоторые с револьверами, кое-кто с шашками, у одного я видел на боку даже мишурную чиновничью шпагу, по-видимому, «реквизированную» во время обыска.

У красной гвардии оружия оказалось недостаточно, и было сделано распоряжение обыскивать и отбирать оружие у частных лиц и даже обезоруживать домовые комитеты.

Красная гвардия почти сплошь состояла из подростков моложе досрочного призывного возраста, реже встречались лица 20–25 лет, иногда студенты, но ни одного солидного вооруженного рабочего не помню, чтобы встретил на улице.

Вид у красно-гвардейцев был занятой.

Позднее появились на улицах и вооруженные солдаты. То они стояли частыми постами в 2-3 человека, то сразу исчезали и там-сям оставались одиночные гвардейцы. Никакого энтузиазма у солдат; безучастно стояли они среди сновавшей публики, только местами собирались прохожие вокруг них и своими расспросами выпытывали их настроение и простецкое построение их беспомощной мысли.

Под грохот раздававшейся по временам орудийной пальбы и ружейных выстрелов народ, средний городской обыватель, пробегал по улицам, стоял по тротуарам в очередях в поисках пищи и печатного слова. Более запуганные стояли у своих ворот, не рискуя выйти далеко на улицу.

В первый день горожане еще решались вступать в осмотровый диспут со стоявшими на постах или фланировавшими солдатами, но после стали осторожнее, благоразумно замолкли. На углу Полянки и Спасоналивковской в результате такого разговора был избит солдатами штатский. Другого вели красно-гвардейцы, и он старался им объяснить, что «не так сказал». Многие студенты сняли свои формы, на улицах встречались офицера в штатском пальто, и только кокарда на фуражке указывала их звание. Изредка попадались арестованные офицера, их вели красногвардейцы. Впереди одного из арестованных шел молодой парень с повязкой красного креста на рукаве и револьвером в руке.

* * *

1 ноября, около часа дня, встретил автомобиль красного креста, быстро мчавшийся от Зацепы к Серпуховской площади; через открытую дверцу, из наваленной кучи трупов в чем-то сером, кажется, шинелях, свесилась окровавленная голова. Молодое, интеллигентное лицо, длинная шея «Должно быть, высокого роста», промелькнуло в голове.

На Зацепском валу, около дома № 16, у тротуара, большое пятно свежей крови, засыпанное желтым песком из вблизи находящейся кучи. В собравшейся группе прохожих толки:

— Жуликов убили, трех.

— Их было четверо.

— Один ворочался на земле, в упор четыремя выстрелами из револьвера прикончили.

— Переодетые в солдат грабители... такие ходят по домам, как для обыска, а там — «давай бумажник»!

— Спросили документы, их не оказалось.

— Давно за ними ходили.

— С утра следили.

Пожилой, худой, бедно одетый интеллигент:

— Кто знает, кого убили?!

Серая обывательница:

— Разве можно так? Долго ли ошибиться?

В бюллетене Военно-революционного Комитета Замоскворецкого района от 3 ноября:

«На днях красной гвардией было расстреляно четверо погромщиков, застигнутых на месте преступления».

На месте преступления?

Но я был там, на месте происшествия, через пять минут, — никаких следов преступления, кроме убийства, не нашел. Кругом запертые дома, никаких разбитых лавок, никаких следов погрома.

Кого убили?

Общественная совесть должна требовать гласного расследования.

* * *

29 октября, после полудня, со стороны Кремля раздавался особенно усиленный орудийный грохот и с Краснохолмского моста виден был густой столб дыма от пожара. Встретившийся тут 12-мальчуган крепыш из народа дал единственно верную оценку происходящему, оценку, ускользнувшую от целых политических партий:

«Русские русских так и прут».

Проходивший солидный рабочий добавил:

— Ай да свобода!

А накануне старуха в хвосте, в ожидании очереди, вздыхала:

— И скоро ли эта свобода ко-ончится?

Ближайшим осязательным последствием искусственно вызванной социал-демократами большевиками гражданской войны явился скачок дороговизны вверх и усиление городской хозяйственной разрухи.

4 ноября служащие почтамта отказались от работы, т.к. большевики пытались перлюстрировать корреспонденцию. За материальной разрухой идет разруха моральная.

* * *

3 ноября я стоял на Серпуховской площади в длинной очереди, охватившей двойным кольцом скверик, в ожидании единственных газет, их «Социал-Демократа» и «Известий». Только через два часа, около полудня, развернув листок, я узнал, что «они победили» и «мир» заключен. Два часа люди подходили, покупали газету, узнавали и молча уходили. Ни одного возгласа ликования, ни малейшей радости, ни простого желания поделиться исходом в тоскежданного конца...

Почему?

А потому, что совершилась не народная революция, а преступный партийный заговор.

В народе не было победителей, поэтому он весь день, молча, сумрачно сновал по улицам, и всматриваясь в лица, нельзя было угадать, кто победитель и кто побежденный.

Правда в том, что мы все были побеждены и стояли у груды еще не остывших трупов, бессмысленно, бесцельно, ненужно убитых товарищей, братьев... Так совершилось в смертной тоске за пережитое и с тревогой за завтрашний день братоубийственное восстание в Москве.

Как они произвели переворот

Первым необходимым условием для успешного выполнения преступного, кровавого заговора социал-демократов большевиков было погрузить народ во тьму неведения и укрыться самим от более могучего средства борьбы, чем грубая сила — от свободной критики. С 28 октября по 4 ноября ни один листок не-большевистской печати не проник в Замоскворецкий район[1]*. Наверное, то же самое было во всем стане «победителей».

Это обстоятельство не остановило поток специфической брани по адресу своих противников со стороны зачинщиков кровавой гражданской войны. Вот образцы литературы этих вожаков народа к высшей стадии культуры, к социализму:

«Каждое слово этих газет, — „пишет Социал-Демократ“ в № 198 и перечисляет эти газеты („Дело Народа“, „Воля Народа“, „Рабочая Газета“, „Народное Слово“, „Солдатский Крик“, и проч. — сколько у них противников!) — написано слюной бешеной собаки».

«Меньшевики-оборонцы пускаются на уловки черносотенных хулиганов. Питерские черносотенцы одно время стали было издавать газету „Народная Правда“, чтобы светлым именем „Правды“ прикрыть свою липкую и вонючую грязь» (№ 199 «Социал-Демократа»).

Лучше бросим дальше цитировать...

Только 4 ноября в Замоскворечьи появился тощий полулист «Труда» с огненными статьями «Они победили!» и «Преступления большевиков».

Но преступление, самое тяжкое, самое непоправимое из них — пролитие крови: с одной стороны рабочих, детей моложе досрочного призывного возраста, детей, вооруженных преступной рукой вожаков и прозванных торжественно «красной гвардией», и с другой — «толпы мальчиков-юнкеров, мальчиков-студентов и гимназистов», как их прозвали сами «Известия Московского Военно-Революционного Комитета» (№ 1, от 3 ноября), это преступление, это «избиение младенцев» было завершено.

Я верю, что если бы темные силы социал-демократического большевизма не учинили погрома всей прессы, особенно социалистической, то возможно, что солдаты не были бы втянуты в борьбу молодым задором красногвардейцев, события развились бы более медленным темпом, и переворот, если действительно он назрел, произошел бы бескровно. Мы все видели московский гарнизон на улицах, в калошных очередях, в табачных очередях, торгующим всем, — и казенным, вплоть до ружей, и своим — спекулирующим в розницу на вокзалах, на рынках, на улицах. Даже в разгаре гражданской войны я видел солдат, продававших у Таганской площади хлеб, шерстяные перчатки, валенки. За исключением незначительного меньшинства, трудно в них предположить идейность даже большевистского пошиба.

Потушив огни здравого разума и свободной критики, социал-демократы большевики стали усиленно муссировать мнимое приведение в исполнение своих лозунгов: декреты об учредительном собрании, о земле, о мире, об отмене смертной казни, о социальном страховании и т.п.

Их декреты

Распадение современного строя быстрым ходом близится к концу; мировая война наносит последние решительные удары по самым основам современного уклада общественной жизни — частной собственности и государственной власти. Человечество в потемках ищет дорогу к назревшим более высоким порядкам этической и экономической жизни.

В это революционное брожение строительства лучшего будущего социалисты-государственники влили яд разложения отживающей власти. Все они уверили народ, что вне рамок государственности нет спасения, что только власть, и то только в их руках, может привести народ в обетованную землю социализма.

Чтобы строить новую жизнь, нужна планомерная революционная работа, а для того, чтобы захватить власть — достаточно наобещать побольше благ доверчивому народу.

Лозунги большевиков — это зарево назревшей общественной перестройки; их средства — отжившая государственность. Негодным оружием они затеяли завоевать новый лучший мир. Народ ринулся к блеснувшей надежде осуществления заветных желаний через трупы своих менее пылких братьев.

Лозунги большевиков — здоровые идеалы народа; их средства для осуществления — лживые декреты.

Декрет об Учредительном Собрании, это — уворованная у бывшего правительства подготовка выборов. Кто мало-мальски знаком с теми принципиальными и техническими затруднениями, с которыми встретилось Временное Правительство при разработке «Положения о выборах в Учредительное Собрание» для согласования стремления многочисленных народностей быть полнее представленными в Учредительном Собрании, для практической организации техники выборов от культурных центров до полудиких кочевых племен, тот должен удивляться не тому, что выборы в Учредительное Собрание до сих пор откладывались, а смелости Керенского, решившего во что бы то ни стало провести выбора в ноябре при, быть может, еще не вполне законченной их подготовке.

А Ульянов-Ленин, видите ли, в три дня пришел, увидел и «декретировал» долгожданное Учредительное Собрание!

Они не ускорили, а сорвали выборы в Учредительное Собрание, они продлили в народе иллюзию, будто Учредительное Собрание в силе дать ему то, чего нет в жизни — организованный порядок. Изверившись в «новом хозяине земли русской», как бы народ не повернулся к «старому хозяину».

И некому народу объяснить, что общественный строй, как и здание, закладывается с фундамента, с вольной общины, а не сверху!

Декрет о земле, это фарс, рассчитанный для воздействия на малограмотный темный народ. В первом параграфе говорится, что «помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа», а из четвертого явствует, что это — мера временная, что окончательное решение земельных преобразований зависит от Учредительного Собрания.

Дальше «для руководства по осуществлению великих земельных преобразований» декретируется как закон запутанная газетная статья из № 88 «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов».

Газетный компилятор в роли Учредительного Собрания, вот сверх-демократизм идеологов диктатуры пролетариата, еще вчера бесплодно слонявшихся по улицам заграничных городов и проехавших к нам милостью германского самодержца для «декретирования» путаницы в нашей жизни, в руку германскому милитаризму.

Но что гласит газетная статья, «объявленная временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно»? Газетная статья-закон, провозглашенная декретом, «как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России» гласит, что вся земля, не исключая и крестьянской, обращается «во всенародное достояние», никаких изъятий в нем нет относительно земли «рядовых крестьян и рядовых казаков».

Таким беззастенчивым обманом воздействуют захватчики власти на темные крестьянские массы в серых шинелях, чтобы разжечь и раздуть братоубийственную войну.

И некому объяснить им, что земля, как и свобода, не дается, а берется, что это нужно сделать миром, и чем организованнее будет это сделано, чем меньше будет насилий над людьми, над теми же помещиками, тем спокойнее будет совесть трудового народа, вступающего в свои права!

Декрет о мире!.. Вчера они раздували энтузиазм обещанием немедленного мира, сегодня они говорят только, что «предлагают всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире». Свое путаное предложение эти безграмотные люди прозвали декретом (указом) о мире. Как будто Ульянов-Ленин с Бронштейном-Троцким всемогущи предписать правительствам Вильгельма и всех других государств и всем народам свои условия мира!

И чем мы их заставим принять наш мир, демократический мир, а не навязать империалистический мир с аннексиями, с контрибуциями, с порабощением народов? Нашей слабостью? Нашей дезорганизованностью? Или угрозой сепаратного мира? Но ведь ясно, что союзники и без нас, с Америкой вместо нас, продолжат войну. И тогда это будет не сепаратный мир, а позорный союз русского народа с германским милитаризмом и перенесение войны на новый фронт.

Люди, пролившие кровь родного народа в гражданской войне для низвержения соглашательства со своей беспомощной либеральной буржуазией, вступают сами в соглашательства с мощной германской реакционной и милитаристской буржуазией.

И некому объяснить народу, что единственный путь для достижения столь желанного справедливого мира, это организовать борьбу не только с внутренним капитализмом, но и с внешним милитаризмом!

Разве к этому приглашают большевики у власти? Разве поднимают они народное ополчение против злейшего врага мира, тевтонского милитаризма, после низвержения нашего внутреннего абсолютизма? А ведь без этого никакая сепаратная социальная революция невозможна.

Декрет об отмене смертной казни, их декрет, это массовые убийства в гражданской войне своих же кровных братьев, после заявления Керенского, что ни один смертный приговор не будет им подписан.

Правительственное сообщение о социальном страховании наемных рабочих, а также городской и сельской бедноты гласит, что все расходы по страхованию возложатся целиком на предпринимателей. Но кто предприниматели городской и сельской бедноты?

Они обещали еще народу хлеб. Какими средствами? Их «военно-революционный комитет в Петрограде предложил всем служащим экспедиции заготовления государственных бумаг не оставлять своих работ», возвестила одна телеграмма.

Соловья баснями, а народ бумажным хламом обанкротившейся государственности не кормят. Нужно организовать производство и обмен руками самих рабочих, без хозяев. А разве внезапным политическим переворотом это делается?

И некому объяснить народу, что не бесполезным преступным пролитием братской крови, не во время гражданской войны за захват власти совершается социальная революция, а организованным переходом производства в руки трудового народа, без власти, в политической анархии!

Кто виноват?

За неделю крови в Москве погибла не одна тысяча молодых человеческих жизней. Подсчет жертв еще не произведен. Молодой товарищ-врач, работавший все эти кровавые дни в центре и разъезжавший на автомобиле во все районы для оказания первой помощи раненым, говорил мне, что число жертв из бойцов определяют в две тысячи, кроме неизбежных в городской войне случайно убитых граждан, женщин и детей.

Кто виновник этой братоубийственной бойни, вызванной распрями между социалистами двух разных толков? Как могла рука брата подняться на брата?

Ведь нелепо эс.-эровскую городскую думу, во главе с Рудневым и Минором, клеймить «предателями, изменниками народа, защитниками московских толстосумов», как это пытаются изобразить социал-демократы большевики.

А виноваты в этом одна теория и одна категория людей.

Теория, это та самая, которая делит человечество на два класса, как учитель делит земной шар экватором на две половины. Это — грубая теория, претендующая на научность в интеллекте узких сектантов. Да, научная, но приспособленная для разума ограниченных умов, для кругозора примитивного человека. Этой теорией бряцают уже несколько десятков лет социалисты всех школ, от анархистов до крайних централистов-государственников. После февральской революции наша пропаганда широко разлилась. Результаты налицо. Мы создали в нашем темном народе классовую борьбу, выродившуюся зоологическую борьбу по внешним признакам: серой шинели против золоченых погон, платочка против шляпки, рабочей куртки против сюртука.

Благодаря этой теории социал-демократам большевикам удалось разжечь ненависть между членами одной и той же семьи, организовать обстрел народных представителей — членов социалистической думы, назвать сплотившуюся вокруг них молодежь и юнкеров 29-го октября «сыновьями фабрикантов, домовладельцев, спекулянтов» (Листок Соц.-Демократа, 29 окт.), а 3-го ноября, после позорной победы, признать их «мальчиками-юнкерами, мальчиками-студентами и гимназистами» (Извест. М. В.-Р. Комитета, № 1)[2]*.

А кто те люди, которые разожгли эту ненужную, не необходимую, а потому преступную гражданскую войну?

Это та часть интеллигенции, та эмигрантская и ссыльная интеллигенция, которая, едва вернувшись на родину, ринулась на еще теплые места царских бюрократов, но званых оказалось больше, чем избранных, и многие остались «не у дел». Редки, исключительны

были Кропоткины, которые сами отказались от министерских портфелей, от должностей посланников, от комедии выборов. Все остальные, честолюбцы и завистники, повели систематическую осаду министерских кресел, стали изо дня в день выливать в темные народные массы и в сознание зеленой молодежи яд своей бульварной фразеологии, своих бездарных писаний, где рассчитанные на эффект слова заменяют чувство, выкрик — энтузиазм, пережеванная фраза — науку.

Да, жестоко отомстило самодержавие за себя, руками своих же полу-жертв!

Примечания

[1] Фанатизм отдельных большевиков доходил до того, что уже после «заключения мира» у знакомого товарища-врача Ф. вырвали из рук и уничтожили впервые появившийся номер «Труда».

[2] В Александровском военном училище 25% юнкеров составляют вернувшиеся с фронта нижние чины для получения лучшей военной подготовки. Во всех остальных школах по минимальной оценке более 50% — учащаяся молодежь из 4-го и 5-го классов, которых стесненные материальные обстоятельства или энтузиазм любви к родине оторвали от общего образования, — станет ли эгоистичная крупная буржуазия направлять своих детей на самое опасное военное поприще?

В Петрограде, во время этой гражданской войны, погибли, в числе многих других, два юнкера, товарищи моего сына реалиста, оба — дети учителей.

Возможна ли анархическая социальная революция

1918, источник: [здесь](#). Почин, 1918. 8 с.

Что государственная “социальная революция” оказалась возможной и к чему она была способна нас привести, показал плачевный опыт захвата власти социал-демократами большевиками с осуществлением диктатуры пролетариата, совместно с “беднейшим крестьянством”, и началом социалистического строительства государственным, законодательным путем.

Пусть не говорят социалисты-государственники других партий, что они дело повели бы иначе. Или они не сделали бы ничего существенного, или, самое большее они устранили бы кричащие несуразности во внешних проявлениях большевистской тактики, но суть дела, утопический государственный метод разрешения социального вопроса, останется в основе их деятельности.

Совершенно в иной плоскости подходит к социальному вопросу теория научного анархизма. Анархизм видит возможность, вернее, необходимость возникновения новых общественных порядков из существующих элементов современного строя и, именно, вследствие их естественного развития, а не насилия над этим развитием со стороны государственной власти. Анархизм стремится внести в этот процесс развития сознательный элемент, чтобы ускорить его, поэтому он революционен, но не утопичен, как государственный социализм, стремящийся “декретировать” всё, вплоть до самосознания народных масс.

Но что такое социальная революция?

Если под социальной революцией понимать непосредственный переход к таким общественным порядкам, где частная собственность на орудия труда во всех ее видах целиком отменена, где понятие о стоимости и денежный обмен совершенно отсутствуют, где труд составляет добровольное, здоровое и приятное времяпровождение, где техника повсюду настолько развита, что всяких богатств свалено в кучу более, чем нам всем нужно, где каждый берет по своим потребностям, без ограничения, как вольный воздух, то такой строй сверх-коммунизма едва ли настанет в непосредственном ближайшем будущем.

Человечество стоит на самых различных стадиях цивилизации, начиная с первобытного состояния. Даже в одной и той же стране разница между степенью культурного развития промышленных центров и деревней огромна. Эта разница висит тяжёлым балластом на

двигательных силах социализма. Но подобно тому, как в XVIII веке, капитализм не стал ждать повсеместного своего развития, чтобы провозгласить во время Великой Французской Революции новые общественно-политические начала, так и теперь социальная революция должна наступить до повсеместного одинакового развития цивилизации.

История цивилизации не знает скачков. Не революции создают и развивают общую культуру и в ней технику производства. Революции только изменяют ускоренным темпом правовые взаимоотношения различных классов в данном обществе, а социальная революция меняет ещё основные экономические взаимоотношения имущих и неимущих.

Таким образом, вопрос сводится к следующему: при данном уровне развития производительной техники и культуры, возможно ли коренное *уравнительное* изменение взаимоотношений классов имущих и неимущих, богатых и бедных, буржуазии промышленной и земельной к рабочему пролетариату и к мало- или безземельному крестьянству?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно взывать не к своему чувству и воображению, не запрашивать социалистическую и общую научную литературу, а присмотреться к кипящей вокруг нас жизни, постараться понять, взвесить и оценить все те явления и изменения в общественной жизни, которые происходят, можно сказать, протекают перед нашими глазами так быстро, что человек едва успевает приглядеться к ним. А таких явлений и факторов история последних 3-4 лет, история периода мировой катастрофы — войны и русской революции — выдвинула очень много.

Прежде всего появилась в широком масштабе как в западной Европе, так и у нас практика нормирования распределения предметов первой необходимости. В этом явлении важна не техника, важна не степень совершенства, с которой оно проведено, — время и опыт исправят дефекты, — не важна даже сама причина, вызвавшая её, а важно уравнивающее все слои населения начало. Это — *начало равенства всех*, и богатых, и бедных, перед необходимостью.

Проникновение этого начала в сознание народных масс сделало возможным применение глубоко стеснительной системы. Но эти стеснения не присущи системе, дефекты её применения постепенно будут устранены (в этом деле начинают играть, например, большую роль домовые комитеты и др. организации), а *начало*, именно *равенство распределения*, останется.

Начавшись с пищевых продуктов, это распределение распространилось на предметы одеяния и на очереди стоит уже нормирование распределения жилищ. Таким же порядком идёт регулирование распределения материалов и сырья в промышленности, это начало наверное распространится и на её финансирование.

Таким образом, начало равенства распределения захватывает в более или менее культурных центрах, в городах, все главные основные отрасли общественной и частной жизни.

Существеннее всего, что это начало равномерного распределения, несмотря и вопреки вмешательству в него власти, стремится стать чисто органическим, хозяйственным, внеполитическим. Возникнув при самодержавии, оно шло своей дорогой при Временном Правительстве и продолжало существовать непрерывно и почти независимо как во время октябрьского переворота, так и после него. Ходом своего развития оно окончательно освободится от опеки власти и войдёт в уклад хозяйственной жизни народов и городов наравне с другими общественными службами, как почта и телеграф, или снабжение населения водой, электрической энергией, трамвайным движением и т.д.

Второе характерное явление, — это необыкновенно участвовавшие после февральской революции *успешные в непосредственной своей цели забастовки*. Рабочие массы, пользуясь благоприятным условием процесса разложения государственной власти, стремятся приобрести уже не минимум для существования, а *минимум довольства*. Со всех сторон мы слышим наблюдения, что рабочий теперь зарабатывает много, и питается, и одевается сплошь и рядом лучше. Конечно, это улучшение в его материальной жизни сплошь и рядом мимолётное, особенно для семейных: финансовая разруха и всё растущая дороговизна скоро сводят высокие заработки на прежний покупательный уровень. В результате рабочий предъявляет новые материальные требования к промышленности, часто не сообразуясь с её доходностью, в разгаре борьбы расстраивает, саботирует, разрушает её.

В этом процессе важны два явления: сознание права на *минимум довольства и разрушение производства*.

Первое, в сочетании с началом равенства распределения, ведёт к установлению *экономического равенства*, а второе — так как жизнь невозможна без производства, к *реорганизации промышленности на новых началах*.

Всё чаще и чаще повторяются рабочими попытки взять в свои руки руководство производством и, нередко, капиталисты, вынужденно, сами это им предлагают в шаткой надежде спасти своё имущество для будущего. Важно опять не то, что эти попытки пока кончаются неудачами, что первые блины выходят комом, — важно проникновение в рабочие массы сознания *права* взять в свои руки производство, важна возможность пытаться *практически использовать это право*.

Важно возникновение тех заводских комитетов, которые сегодня претендуют только на контроль над доходностью промышленности, а завтра будут руководить ею, заменят *и хозяев, и заводскую администрацию*.

Тогда стремление улучшить своё материальное благосостояние само заставит рабочих поднять производительность труда; тогда интересы производства и интересы производителей совпадут, забастовки сами собой исчезнут и искоренится противообщественный, разлагающий навык саботажа.

Ещё один важный фактор революции: это — так называемые "аграрные беспорядки". В них тоже важны не эксцессы, не порубки, не погромы, не поджоги, — эти печальные, но частые спутники родовых мук новых общественных порядков, — а важен *захват земли крестьянами*,

важен отказ от уплаты аренд, важно фактическое вступление во владение землёй, хотя бы с нарушением всех программ социалистических партий.

Нормирование пользования землёй выработается самой практикой, сообразно с льготными условиями и лучше всяких придуманных законов. Напрасны тревоги социалистов-государственников на этот счёт.

В больших городах тоже поставлен на очередь земельный вопрос, *вопрос об отчуждении земли с доходными недвижимостями* в пользу общины, для приобщения к городскому хозяйству. При осуществлении этого преобразования большую практическую роль сыграют домовые комитеты, которые, по поручению общепризнанного распорядительного органа общины, возьмут в свои руки надзор и управление домами вместо домохозяев.

Русская революция практически выявила ещё одно существенное начало. Наряду со старым выборным началом, рассматривающим общество как однородное целое, решающим общественные вопросы механическим подсчётом голосов, она выдвинула советы рабочих депутатов[1]*, в которых должно быть представлено по отраслям общественных служб и производства, *всё трудовое население*, составляющее основу всякого общества. Революция стремится создать *организованный порядок* из общественно-полезных производительных сил, вместо абстракции надклассовой выборной власти, практически сводящейся к власти капиталистов и помещиков.

Не то важно, что политика закралась в Советы, что социалисты-государственники сводят их с революционно-экономического пути и запугали буржуазию захватом власти, с которой они и справиться не умеют, благодаря чему её, к счастью, только разрушают, а важно то, что Советы стремятся освободиться от всякой центральной власти и явочным порядком расчищают путь для реорганизации экономических основ общественного строя, для передачи средств производства и руководства им заводским комитетам и профессиональным союзам (синдикатам) рабочих. Советы в сущности стремятся организовать согласованность деятельности последних вне власти, в политической анархии.

К чему всё это нас ведёт?

Очевидно, к новым общественным порядкам, где все орудия коллективного труда будут в пользовании профессиональных союзов трудящихся, где все доходные недвижимости перейдут в городах в ведение соответствующих общин под управлением домовых комитетов, где земля перестанет приносить аренду, где рядом с фабричным производством и сельскохозяйственными экономиями в руках бывших пролетариев и батраков, а также общинным землепользованием, будут существовать индивидуальные ремёсла и хуторское хозяйство. К строю, в котором сохранится временно денежный товарообмен, так как звонкая монета в наше время — это тот же товар.

Вот в каком смысле теперь возможна *анархическая социальная революция*.

Исторический ход общественного развития сам собой ставит на очередь практическое разрешение социальных задач. Не пропаганда социалистических партий вообще, всё более сводящаяся к выборной агитации и придумыванию законов, не кровавые судороги большевизма, не тактические ошибки анархистов с их беспочвенными захватами создают возможность осуществления социальной революции, а сама жизнь, сама история, развёртывающаяся ускоренным темпом под влиянием толчка, полученного от мировой войны.

Стремясь к уничтожению эксплуатации труда и к установлению экономического равенства, социальная революция тем самым устранит причину возникновения и существования власти, тем самым она уничтожит территориальную государственность и поведёт к содружеству народов вне взаимного гнёта, без государственных границ.

Процесс разложения государственной власти, который происходит теперь у нас на глазах, даст простор развитию самодеятельности естественных группировок населения — территориальных общин, расширит рамки их хозяйственной жизни, охватив и производство богатств, и равномерное распределение, и товарообмен, под руководством нового *распорядительного органа, совета трудовых делегатов*.

Задатки новых общественных порядков могут найти себе быстрое развитие и осуществление в реальной жизни, но они могут также задержаться в своём росте или надолго заглохнуть.

Задача анархиста — всмотреться в течение истории и внести в социальное брожение элемент сознательного строительства нового общества, руками самих же трудящихся.

Резюмируя вышеизложенное, мы видим, что ускоренное развитие современной общественной жизни ведёт к осуществлению следующих начал:

- 1) равенство распределения;
- 2) минимум довольства;
- 3) коллективное производство без хозяев и помещиков;
- 4) уничтожение частновладельческого права на арендную плату за землю и жилища;
- 5) распадение государственной власти вплоть до полного её упразднения, или политическая анархия;
- 6) организованный *совета́ми трудовых делегатов* общественно-хозяйственный порядок;
- 7) между-общинная солидарность, без государственных границ, и, с ней,
- 8) конец вовеки войне.

Всё это составляет ближайшую стадию развития культурных стран и в этом смысле назревает социальная революция.

Социальная революция возможна, только как анархическая.

Советы солдатских депутатов, как институт временный, связанный с войной, должны исчезнуть.

Примечания

[1] Правильнее было бы назвать *“советы трудовых делегатов”*. Слово *“трудовой”* объединило бы и крестьян, и интеллигентных тружеников либеральных профессий.

Вопросы теории и практики. Об анархистской литературе, тактике и организации

1918, источник: [здесь](#). М.: Почин, 1918. 16 с.

I. Несколько слов об анархистской литературе

Пересматривая анархистскую литературу, периодические листки и брошюры, поражаешься той неясности и путанице во взглядах, которые царят в мыслях многих товарищей. В огромном большинстве статей, не исключая заметок осведомительного характера, отсутствует связующее звено анархистской мысли и метода оценки общественных явлений. Речь идет не о том, довольно многочисленных статьях, в которых исступлённая, почти болезненная, бессвязная фразеология заменяет здравый смысл. Встречаются и другие статьи, по логическому построению последовательные, по форме изложения — остроумные, но по прочтении которых читатель должен сделать усилие мысли, чтобы схватить связь изложенного, как с учением анархии, так и с реальной жизнью; вследствие этого наша литература теряет значительную часть своей пропагандистской силы.

А происходит это по двум главным причинам: первая из них — это то явление, которое проф. Зомбарт назвал механизацией идей и лозунгов политическими партиями[1]*; вторая — игнорирование многими анархистами-литераторами метода изучения общественных явлений, лежащего в самой основе научного анархизма — метода эволюционного мышления.

Политические партии государственников стремятся завербовать в кратчайший срок возможно большее число членов в свои ряды в целях скорейшего захвата власти (избирательными записками или прямо насильем), а потому они не останавливаются над серьезной пропагандой своих идей, увлекают возможно более людей в свои ряды, не заботятся об их идейной подготовке. Для скорейшего достижения непосредственной цели

— завладения властью (этого одинаково добиваются как социалистические, так и буржуазные политические партии) они агитируют, и в разгаре этой агитации создается невозможная нравственная атмосфера вражды, доходящей до человеконенавистничества, где свой своего не узнает и где слова теряют свой прямой смысл, отрываются от действительности, лишаются конкретного содержания.

Анархистская литература не избежала заражения этим процессом искажения понятий и слов, выражающих их. «Социальная революция», «объединение снизу вверх на федеративных началах», «свободная коммуна», «анархистский коммунизм», «уничтожение частной собственности» и т.п. лозунги, в сущности, являются оторванными от реальной жизни, механизированными терминами или просто искаженными понятиями, в которые предстоит либо внести конкретное содержание, либо отбросить их. Анархистская литература повторяет на все лады эти и им подобные лозунги, редко заботясь вложить в них практическое содержание.

Другим упущением анархистской литературы является то, что многие наши товарищи, сотрудники газет и авторы листовок и брошюр, подходят к вопросам без системы, без метода. Они начинают разбирать интересующие их явления сами по себе, подходят к ним с более или менее произвольным и поверхностным критическим анализом, измеряют по готовым догматам своей анархистской веры и сообразно с этим делают те или иные практические выводы; они не стараются схватить связи рассматриваемого явления с прошлым, установить его место в поступательном движении истории, — отсюда и та путаница в тактике анархистов, те различия в оценке тактики других политических партий, та нетерпимость к одним и увлечения другими (как большевики): короче говоря, те ошибки, которые делают сейчас анархисты.

Все это происходит от того, что мы упускаем из виду упомянутый выше метод изучения явлений, лежащий в основе научного анархизма — метод эволюционного мышления.

Нельзя к общественным вопросам подходить только с точки зрения пользы и вреда, — их нужно рассматривать с точки зрения развития культуры, эволюции.

Сила произведений нашего учителя Кропоткина в том-то и состоит, что он широко пользуется этим методом и первый, полнее других, применил его при обосновании учения об анархизме; вот почему его и считают одним из главных основателей современного анархизма. А так как этот метод научен и против обоснованных научных доводов возражать не приходится, то почти все наши противники преклоняются перед выводами товарища Кропоткина и только отводят осуществление его идеалов... в далекое будущее.

Как будто научный анархизм предрешает осуществление своих идеалов в таком-то году, а не стремится только сознательно ускорить тот процесс, против завершения которого в будущем редко кто спорит! Далекое или близкое будущее — это понятие растяжимое, и никто не может предусмотреть темпа поступательного развития истории, чтобы вычислить срок завершения эволюции в анархии.

В применении этого эволюционного метода Кропоткиным и является главная ценность его произведений. Возьмите «Хлеб и Волю»: книга начинается с изложения в нескольких штрихах истории культуры, истории развития производительных средств и завершается подробным изучением достигнутой стадии этой культуры, и оттого изложение Кропоткина приобретает такую силу убедительности.

Всякой теории должна соответствовать и практика признающей ее партии. Возьмем земельный вопрос. Сколько наших товарищей пытаются разрубить его одним росчерком пера, наподобие социалистов-государственников. Но те, государственники, рассчитывают на силу принуждения и кар (вопрос сейчас не в том, насколько можно переделать законами жизнь), а мы, анархисты, повторяем за социалистами их обобщающие лозунги, рассчитанные на принуждение, и не задаем себе даже вопроса, на какой стадии культуры стоит земледелие в той или иной губернии, в тех или иных отдаленных окраинах; мы забываем даже, что в России, или в стране, которая называлась Россией, — так как теперь в ней происходит усиленное разложение ее государственности, — до сих пор еще есть почти первобытные, кочевые народности.

Даже говоря о культурных центрах, мы упускаем из виду эволюционный метод научного анархизма и увлекаемся социальными экспериментами таких государственных партий, как большевистская. Мы забываем, что их декретами сверху жизнь не переделаешь, что лучшими из законов внесешь в нее только большую путаницу и разруху, которая, в конечном счете, отразится всей тяжестью на простом трудовом народе.

Научный анархизм, как и социализм вообще, предусматривает в эволюции производства обобществление орудий производства, и анархист-революционер, желающий перейти от теории к практике, должен прежде всего сам себе выяснить, на конкретном примере, как на деле привести это в исполнение, и затем научить рабочих сделать это самим, своими руками, так, чтобы не расстраивать, не останавливать производства, которое кормит их с семьями. Без этого условия все попытки социальной революции обречены на неудачи и вырождаются в кружковые заговоры с целью непродуманных, беспочвенных захватов или в упование на государственную власть, которою некоторые анархисты так увлеклись, что стали помогать социал-демократической большевистской партии захватывать ее. Пусть партии социалистов-государственников сами борются между собой и сами вырывают власть друг у друга из рук; каждая такая распря, может быть, выбивает новый камень из фундамента государственности и облегчает нашу работу. Но каких ненужных, не неизбежных жертв это стоит народу!

Главное препятствие, в наши дни распада власти, не в одной государственности, а в неумении, в неподготовленности рабочих взять самим производство в свои руки; — главное препятствие в том, что все социалисты, в своем увлечении пропагандой теории борьбы классов, разбили даже трудовой народ на два, сейчас едва ли не враждебных лагеря, на технически подготовленных умственных тружеников и на обыкновенных мастеров и рабочих.

Теперь уже началась борьба между последними, между так называемыми квалифицированными мастеровыми и простыми рабочими.

На всеобщей вражде, на борьбе всех против всех, без общечеловеческих этических устоев, обязательных как по отношению к врагам, так и к друзьям, не воздвигнешь нового строя общественной жизни.

Не только сила государственности сейчас задерживает эволюцию производства к его обобществлению, а и отсутствие сознательного восприятия пройденной эволюции и неподготовленность самих рабочих к воплощению его в жизнь.

Теряя эволюционную нить нашего мышления, мы отклоняемся на практике от нашей истинно революционной тактики, мы уклоняемся от наших прямых задач, мы принимаем участие в борьбе за захват власти партиями государственников, хотя и с оговорками. Но до народа не доходят наши оговорки; он видит и судит по действиям. Ими мы косвенно укрепляем веру рабочих в возможность государственного обновления общественного строя, смешивая наши знамена с их знаменами, и тем берем на себя часть ответственности за их ошибки, за пагубные экономические последствия их тактики и за пролитую кровь.

Как бы за грехи государственников-большевиков не пришлось отвечать и анархистам перед народом!

Нужно отмежеваться от социальных утопий всех государственников и их тактики ничем не обузданных насилий и произвола власти, пока не поздно.

II. О революционных приемах некоторых анархистов

Увлечшись эфемерным успехом социалистов-государственников (большевиков) в рабочей и солдатской среде, часть анархистов пошла по их стопам даже в приемах борьбы, в революционной тактике. Плохую услугу они оказали анархизму, смешав свое надпартийное учение с практическими проявлениями государственного социализма. Они забыли, что то, что допустимо для социалистов-государственников с их точки зрения, так как они признают власть, следовательно, гнет и произвол, а именно: аресты, личные обыски и обыски частных жилищ, цензуру в самой грубой форме, в виде разорения и закрытия чужих органов печати, захват типографий вопреки воле самих работающих в них типографских рабочих и т.п., — все эти приемы борьбы государственных партий у власти или стремящихся захватить власть, являются нарушением самых основных начал анархистического учения; они разрушают плоды пропаганды, созданной ценой долгих и упорных усилий: они отшатывают от нашего учения сознательные народные слои, так как эти тактические приемы слишком явно расходятся с этикой нашего учения.

Ведь анархия — не учение фанатичных сектантов, узких догматиков, огнем и мечом уничтожающих всех несогласных, всех иначе мыслящих; анархия, прежде всего, — свобода личности, граничащая с равной свободой другой личности, кто бы она ни была по убеждениям, естественной нравственностью без санкции и принуждения.

Анархист, поднявший руку для обыска другого человека, хотя бы для розыска оружия, — это уже не гордый идейный анархист; он ниже последнего полицейского; этот, по крайней мере, не укрывается за знаменем свободы. Анархист, переступивший порог чужого жилища для обыска, хотя бы опять в поисках оружия, преступник против высокого и чистого учения, которое наши идейные противники считают недостижимым.

Анархист, разрушающий чужую, хотя бы враждебную редакцию, не лучше всякого коронованного деспота; эти тоже угнетали свободу слова во имя мнимых общественных интересов. Такие анархисты свое неумение организовать собственную печать, свою бездарность, беспомощность часто приписывают исключительно материальной силе своих противников.

Отчего в таком случае произведения лучших наших учителей так легко расходятся, что даже слабые анархистские группы их беззубыточно издают (но, к сожалению, не всегда представляя публичный отчет о выручке с изданий, как это принято у наших западно-европейских товарищей)?

Отчего коммерческие предприятия, и за границей, и у нас, охотно издают на разных языках основные произведения нашего учения?

Отчего в Европе и Америке создаются прочные органы анархистской мысли?

Разрушать чужую прессу, даже буржуазную, другим оружием, кроме пера, к лицу только государственным и преступление против анархизма.

Своеобразным приемом для части наших русских товарищей стали «захваты»: захват типографий, захват помещений.

Захват типографий... Но какая этика, какие принципы вам позволили врываться в мастерскую, которая прокармливает, хорошо ли, плохо ли — десятки, может быть, сотни рабочих с их семьями? И без гарантии, что вы можете их прокормить?

Захват помещений, дачи Дурново... Было время, когда, быть может, искренние, но ограниченные идеологи вздумали проповедовать кражу, как средство борьбы против частной собственности, как частичную экспроприацию. Но это оказалось возможным применить к предметам личного применения, а не к орудиям коллективного производства.

В результате все профессиональные воры стали прикрываться этой «теорией», и только тогда своеобразные теоретики умолкли и стали отмежевываться от них.

Теперь вновь нашлись теоретики «захватов» — до тех пор, пока в их лагерь не войдут банды хулиганов и погромщиков — и тогда только и эти начнут отмежевываться от них.

Экспроприация — основная задача социальной революции. Понятна поспешность многих молодых товарищей перейти от слов к делу. Но это нужно сделать так, чтобы достигнуть цели, а не прямо противоположного результата.

Экспроприация частной собственности капиталиста (конечно, не предметов его личного потребления, на которые он имеет право наравне со всеми) означает передачу ее в общее пользование.

Этот акт социальной справедливости нужно произвести продуманно, иначе он превратится в свою противоположность — аппроприацию, т.е. присвоение.

Нынешняя война нас научила, как это сделать; она создала специальные профессиональные органы, целую новую отрасль общественной службы, которая может привести в исполнение цель социальной революции с наибольшими гарантиями. Это — продовольственные органы, которые призваны равномерно распределять съестные продукты, одежду и жилища. Если эти органы не всегда совершенны, то анархисты должны стремиться всеми силами улучшить постановку дела, усовершенствовать технику.

Что касается до бедных, нетрудоспособных и безработных, то и тут нужна организованная социальная взаимопомощь, а не метод «хватания» и раздачи направо и налево, — метод, который по своему существу напоминает буржуазную благотворительность. Наши товарищи в Кронштадте это дело уже организовали, там нетрудоспособные получают помощь по прожиточным нормам от своих домовых комитетов, из доходности домов. Нам всем следует взять с них пример. Времена бесплодных сантиментальных речей и сокрушений о судьбе бедных прошли, наступила пора перейти к организованному улучшению их положения. Самочинными экспроприациями и захватами мы дадим возможность пожить от времени до времени кое-кому, и то почти всегда не действительно или наиболее нуждающимся.

Но хуже всего то, что личными и групповыми экспроприациями мы внесем сами моральное разложение в свою среду, узаконяя произвол и личное усмотрение, за отсутствием общественного контроля, и, вместе с тем, откроем широкую дорогу в нашу среду всяким неуравновешенным и преступным элементам, этим уродливым и несчастным продуктам отживающего капиталистического строя.

Мы противники завоевательной войны, мы не хотим более бойни людей, а часть из нас с легким сердцем примкнула к братоубийственной гражданской войне, затеянной одной партией социалистов-государственников, чтобы вырвать власть из рук другой.

Они наивно поверили их трескучим декретам, они поддались их уменью использовать общественные бедствия, тьму народную, нужду чёрную, для партийных целей; они вообразили, что везде, где раздаются выстрелы — социальная революция; они забыли, что истинная революция — школа свободы, а не разгул произвола и гнета власти.

Поколения наших предшественников на революционной стезе не могли бы допустить даже мысли о подобных отклонениях от революционной этики. Но то было при самодержавии, а теперь вожаки революции у власти сами стали самодержцами!

Всеобщее моральное одичание, вызванное этой длительной мировой войной, отразилось на малокультурной России сильнее, чем на всякой иной стране., и на известной части русских анархистов не меньше, чем на всем остальном обществе.

Пора нам всем, анархистам, применить оружие критики также к самим себе, давно пора строго согласовать наши действия, нашу тактику с этическими началами анархизма, с нашими идеалами.

Истекшее кровью, обнищавшее человечество задыхается в атмосфере нравственного разложения, оно порывается за крайними партиями для утоления жажды социальной справедливости.

Русский народ начал разочаровываться в последнем своем увлечении, — в государственном социализме, — а уже замечается прорыв народного течения к анархизму.

Победит в наши дни всеобщей жажды справедливости не тот, у кого нервы крепки, т.е. кто нравственно тупее, а тот, кто нравственно выше и сильнее.

Окажутся ли анархисты на высоте своего исторического призвания? Внесут ли они в жизнь, и прежде всего в свою тактику нравственные устои своего учения? — или народ, разочаровавшись и в них, повернет к старым реакционным, но все же устоям?

III. Об организации: федерация или агрегация?

Вопрос об организации — подводный камень, который с трудом был обойден челном анархистского учения по пути из области теоретических построений в мир живой пропаганды. Перед затруднениями, связанными с этой задачей, люди нетерпеливые по роду мышления порой совершенно отказываются от ее разрешения и вдаются в мизантропический индивидуализм, или же спешат примкнуть к компромиссным практическим решениям.

К такому компромиссному решению вопроса относятся организации так называемых федераций анархистских групп.

Слово «федерация» в анархистском движении далеко не новое. При распадении первого Интернационала, в начале семидесятых годов, оно впервые покрывало анархистское течение в отколовшейся от него «Юрской Федерации». Но тогда это была «федерация», унаследованная от Интернационала, который так или иначе признавал руководящее выборное начало в системе своей организации.

Вследствие этого принципиального противоречия между анархистской теорией и практической стороной ее организации, Юрская федерация вскоре распалась, и движение приняло форму отдельных, сплошь и рядом очень неустойчивых, самостоятельных группировок, обыкновенно сплавивавшихся вокруг одного или нескольких товарищей с более развитой личной инициативой.

Группы множились, внешне ничем не связанные между собой, кроме общего фона идейного направления.

От времени до времени делались попытки согласовать деятельность отдельных групп созывом «конференций» (съездов), но практические результаты их оказывались ничтожными, т.к. никакие обязательные постановления не могли быть приняты на них.

Подобно тому как научные съезды мало что вносят в науку, ибо и там невозможны обязательные постановления и наука развивается и растет в кропотливой лабораторной и кабинетной работе, так и анархистские съезды давали съезжавшимся товарищам возможность личного общения и обмена мнений, но и только; никакой организационной роли они не играли. Современное анархистское движение выросло и окрепло в первоначальных группах.

Появившиеся за последнее время у нас в России «федерации анархистских групп» с их «советах федераций», в сущности, повторяют отжившее прошлое анархистического движения и проявляют полную принципиальную и тактическую несостоятельность. Эти федерации, с внешней стороны, подражают организациям политических партий государственников своими «советах федераций», печатью федерации и т.п., но в силу противоречия внешней формы с идейным содержанием анархистского учения, они практически сводятся к фикции, к видимости организации, которой под этой формой, в действительности, нет.

Только этой фикцией можно объяснить появление от имени «Московской Федерации анархистских групп» такого документа, как «Манифест», напечатанный в № 9 «Анархии». Помимо массы рискованных тезисов, «Манифест», в сущности, проповедует государственно-социалистическую организацию во всероссийском государственном масштабе и только старается маскировать это государственное начало «объединением снизу вверх на федеративных началах». Государственное начало (хоть оно и называется федеративным), доведено в «Манифесте» до организации «внешнего» обмена Всероссийским Союзом Труда, а ведь понятие «внешний» присуще только территориальной государственности.

Нет сомнения, что этот «Манифест», претендующий быть выразителем идей целой «федерации анархистских групп», на самом деле отражает чьи-то личные идеи, а не программу целой организации, если последняя мало-мальски анархистская.

Там, где нет обязательности общих постановлений, там не может быть политической организации в общепринятом смысле слова.

Не претендуя на завоевание власти избирательными записками или на ее захват заговорами и физическим насилием, анархистское движение развилось в культурных странах усилиями отдельных личностей и групп. Эти группы и личности, в сущности, организованы, так как представляют из себя идейное объединение и практическое сплетение усилий отдельных однородных элементов в общей структуре, без всякого центра; они образуют не федерацию, а своего рода агрегацию, если можно употребить, по сходству построения, этот научный термин.

Нет сомнения, что анархистские группировки, для большего укрепления существующих связей между собой, должны стремиться умножать связующие их идейные и практические нити, но для этого достаточно иметь районные или, вообще, территориальные места сходов, где товарищи могли бы чаще встречаться, обмениваться мнениями и координировать свои действия. Для этого нужны анархистские клубы и, в сущности, организации, неправильно названные «федерациями анархистских групп», играют эту роль.

Но в развитии и расширении анархистского движения в последнее время наступил такой период, что издательские средства отдельных групп и группировок уже не могут дать возможности широкого распространения идей в готовых их воспринять народных массах. Для того, чтобы пойти навстречу этой назревшей потребности, анархистам незачем объединяться, с нарушением своих начал или созданием фикций, в федерации. Им нужно использовать уже испытанные приёмы кооперации и создать кооперативные анархистские типографии и издательства.

Примечания

[1] См. «Политика как профессия», изложение проф. Тотомианца по Зомбарту. — Изд. «Почин», 1918.

Основы земской финансовой организации без власти и принуждения

1918, источник: [здесь](#). М., 1918. 16 с.

Доклад по финансовой организации Земства на свободных федеративных началах, представленный тов. Ал. Атабекином 2-го апреля 1918 года Клинскому Уездному Совещанию Земельных Отделов Волостных Советов.

Прежде чем перейти к изложению настоящего доклада, считаю нужным в кратких словах остановиться на тех глубоких общественных и политических изменениях, которые были вызваны еще не законченной мировой войной, и создали те условия, при которых идеология народничества — объединение научных знаний профессиональной интеллигенции со свободным творчеством народных масс, находит себе все более широкое плодотворное поле для применения.

Мировая война, оторвавшая от производительного труда десятки миллионов рабочих рук, вызвавшая безумную трату несметных богатств и поглотившая неисчислимое множество человеческих жизней, в корне расшатала всю хозяйственную и общественную жизнь человечества. В России она привела к сказочному крушению самодержавной Империи, созданной тремя веками войн, насилий и гнета; затем, она уничтожила и самые формы великодержавной Российской государственности — русский империализм.

Почитатели памяти старой государственности сокрушаются об этом крахе великодержавной России, им бы хотелось видеть Великороссию (употребляя выражение П.А. Кропоткина) «в роли Пруссии по отношению к окраинам бывшей империи». Я не сомневаюсь, что за периодом распада старой государственности наступит скоро период тяготения народов, бывших в подданстве Российской империи, к объединению, но уже не в форме государственного гнета, а на новых свободных федеративных началах, с соблюдением полной самостоятельности самоопределившихся естественных территорий. Пусть сейчас торжествует германский империализм, пусть вслед за Россией он разгромит Францию, затем и Италию, но все равно физической силой свободного духа не покорить. Народы, ощутившие хоть на миг близость заветных своих мечтаний — свободы от чиновничьего гнета государственной власти и возможность материального довольства для всех, — под ярмом грубой технической силы долго не удержат.

Для того, чтобы свести на нет победу германского империализма, нам нужна широкая, солидарная общественная самодеятельность и упорный производительный труд на свободных социалистических началах. Ими великорусский народ лучше пробьет себе пути к морям, через трудовое единение своих интересов с интересами соседних народов, чем штыками великодержавной государственности.

Все живое зарождается, растет и видоизменяется. Таков закон природы и человеческих обществ. По этому же пути должна идти Советская Федеративная Республика. На последнем Съезде Советов Ленин назвал Советскую Республику высшей формой политического строя, из которого устранен «угнетательный аппарат государства». Теперь предстоит на деле осуществить это идеальное государство без гнета. А ведь ясно для каждого человека, что всякая власть, по своему существу, есть гнет, хотя бы она называлась Советской. Мы должны вложить в нынешние формы государственности новое содержание. Мы должны отказаться от всяких принудительных мероприятий; между двумя друг друга решительно выключающими понятиями «Совет» и «Власть» мы должны безоговорочно признать первое и отвергнуть второе.

Быть может, никто из вас до сих пор не задумался над тем вопросом, что нельзя одновременно и советовать, и властвовать. Это противоречивое сочетание двух взаимно исключающих понятий произошло от предрассудка, будто государство, т.е. большое общество, не может существовать без власти. А между тем правильно понятое федеративное начало Советской Республики как раз исключает понятие «власти», т.е. принуждение. Недаром ветеран международного освободительного движения Петр Алексеевич Кропоткин является самым убежденным поборником федерализма. Федерация означает свободный союз, и признание за каждым входящим в этот союз права свободно выйти из него, коль скоро федерация перестает соответствовать его потребностям и стремлениям. Это свободное федеративное начало мы должны воплотить в жизнь во всех отраслях общественной организации: в общественных службах, в производстве, товарообмене и распределении предметов потребления. На этом самом начале основывается предлагаемая вам новая финансовая система для организации земского казначейства и дарового общественного кредита.

Я предлагаю назвать проектируемое учреждение Земским Народным Банком.

В задачи нового земского финансового аппарата должно войти снабжение средствами общественных служб и кредитование общественного товарообмена, равно как и коллективного, и индивидуального труда, в пределах данного земства.

Рассмотрим, прежде всего, вопрос об общественных службах.

Общественные службы, как, например, народное просвещение, медицинская помощь, пути сообщений и т.д., требуют расходов и, в сущности, не должны были бы давать никаких доходов. Примерно, железными дорогами тоже следовало бы пользоваться бесплатно, как и шоссейными. К этому мы придем, быть может, скорее, чем многие подозревают. В распространении этого начала также на предметы потребления и заключается сущность коммунизма. Для развития общественных служб в указанном направлении нужна

финансовая организация на новых началах.

До сих пор для покрытия расходов по содержанию общественных служб государство выкачивало прямые и косвенные налоги в свое казначейство, и чиновники, помимо плательщиков, распоряжались этими суммами по своему усмотрению. Правда, чтобы лучше усыпить пробудившееся народное сознание, были придуманы разные выборные учреждения: парламенты, государственные думы, учредительные собрания, но для всякого здравомыслящего человека было ясно, что вся эта канитель с народным представительством сводилась к комедии и что всеми делами, в сущности, верховодили чиновники, которые сами составляли росписи государственных доходов и расходов. Для логического развития и усовершенствования Советского федеративного строя должны быть устранены все чиновники, вся бюрократия. Трудовые профессиональные союзы должны сами разработать свои сметные предположения для каждой данной земской единицы, разверстать их подушно на села и предложить самому народу — миру, обсудить и затем принять или отвергнуть тот или другой расход. Для того, чтобы народ не подпал под новую опеку чиновничества, хотя бы под флагом Советов, — для того, чтобы в действительности упразднить «угнетательный аппарат государства», трудовой народ не должен выпускать из своих рук средств, собранных налоговым самообложением на общественные нужды.

Но, с другой стороны, нельзя приступать к сбору добровольных налогов по селам в момент производства общих расходов, поэтому я предлагаю вам заранее поставить на обсуждение Волостных Советов новую организацию финансов, а затем широко ознакомить с ней население и предложить проект на одобрение самих плательщиков налогов — сельских общин. Новая система основывается на кооперативном начале, но, в отличие от существующих кооперативных банков, она представляет ту особенность, что учредителями и главными вкладчиками являются сельские общины. Предварительно сельские общины должны собрать самообложением суммы, приблизительно соответствующие всем прежним налогам и сборам, увеличив их пропорционально обесценению рубля, и объединить эти сборы в общую кассу, в Уездный Земский Банк, где вклады будут находиться особо, на текущем счету каждой внесшей сельской общины. Без одобрения и разрешения мирского схода ни одна копейка не может быть израсходована из народных трудовых денег. При этой системе сельские общины могут без опаски собрать и больше, чем нужно, на текущие расходы. Никто не будет иметь право истратить излишек. Тем временем профессиональные союзы и коллективы наличных работников на общественных службах уезда — учителя, медицинские и ветеринарные врачи, агрономы, лесничие и т.д., совместно с союзами так называемых «низших» и средних служащих составят согласованные сметные предположения для всего уезда, произведут подушную разверстку на села и циркулярно представят их мирским сходом или, выражаясь в духе нашего времени, Сельским Советам. Села, которые одобряют предложенный бюджет, полностью и ассигнуют соответствующую свою долю расходов, будут пользоваться бесплатно всеми предусмотренными общественными службами, а те из них, которые отвергнут местный сельский бюджет в той или иной его части, будут платить за пользование обновленными земскими общественными службами сравнительно усиленную плату.

Нет сомнения, что сметные предположения для общественных служб, получивших всеобщее признание, как народное просвещение, медицинская помощь, пути сообщений, будут

единодушно признаны; но зато народу не могут быть навязаны разные непроизводительные и ненужные ему расходы. Вот вся суть предлагаемой финансовой системы, основанной, вместо централизованного государственного казначейства, на федеративном финансовом объединении сельских общин, системой свободного сотрудничества или кооперации.

Задача не так сложна, как может показаться с первого взгляда. Нужно побольше свободного почина и творческой воли. Усилия потребуются только для приобретения первоначального навыка.

Но зато созданный ново-земский финансовый аппарат — Уездный Земский Народный Банк, даст в то же время возможность принять на учет все природные и культурные богатства уезда, все орудия коллективного труда, сельско-хозяйственные экономии, экспроприированные земли, Фабрики и заводы. Земский Народный Банк тем самым даст возможность определять размеры пользования всем общественным достоянием, подобно тому как продовольственные комитеты распределяют продукты потребления.

Затем Земский Народный Банк, имея на учете все общественные богатства, сможет финансировать и промышленность, и общественную торговлю, т.е. продовольственный и производительный товарообмен.

Он же, при моральном поручительстве сельских общин и после отзыва специалистов-экспертов, откроет даровой кредит для безработных, объединенных в трудовые производительные артели, или даже для отдельных ремесленников, и послужит мощным рычагом для экономического преуспевания уезда.

Когда у нас производство поднимется на должную высоту, то, будьте спокойны, не смотря ни на какие немецкие рогатки, мы без хлеба не останемся.

Товарищи, организация Земского Народного Банка на истинно-федеративных началах, без принуждения — это прямой путь дать народу синицу в руки, осуществить свободный социализм, который поведет нас к еще более совершенному идеалу — к коммунистическому анархизму.

В заключение — еще два слова. Послушаем мудрого совета испытанного друга трудового народа, который, вступив в последнюю четверть века своей жизни, все еще ест свой хлеб своим трудом, — послушаем Петра Алексеевича Кропоткина.

В самом начале войны он пророчески предсказал: «Теперьшняя война творит новую историю. Она всем народам ставит новые условия общественного строительства. Вызванное ею объединение всех слоев общества в одном общем деле не пройдет бесследно, а заложит зачатки более объединенной жизни».

Что это значит?

Это значит, что теперь, когда до основания разрушен старый политический и экономический строй, мы должны вспомнить дружный подъем духа всего народа в первые годы войны и творить новую историю, объединив все слои общества, но уже без сословных и

даже трудовых, профессиональных привилегий.

Товарищи, вы должны откинуть тактику классовой вражды, т.к. пора заметить, что ведь фактически все сословные привилегии уничтожены.

Нельзя творить новую историю, создать объединенную жизнь, т.е. социализм, на розни и вражде.

Первое же, необходимое условие для объединения, это — отказ от власти и осуществление не на словах только, а на деле сущности Советской Федеративной Республики, долженствующей опираться не на власть и принуждение, а на общественный совет и на свободную федерацию.

Во время обсуждения общей части доклада автором были высказаны еще следующие дополнительные положения:

1) Финансовое объединение на изложенных началах не должно ограничиться уездом; его следует распространить на весь округ (губернию). Новый международный строй, предусматриваемый президентом Вильсоном в исходе мировой войны, для того, чтобы стать действительно новым, должен выразиться для цивилизованных народов в территориальном самоопределении промышленных и культурных центров с окружающим земством в автономные, по хозяйственной организации, области, без политических и таможенных границ.

2) Союз Земских Народных Банков, объединившись с аналогичными городскими банками самоопределившихся областей России, должен взять в свои руки все функции общегосударственного казначейства и государственного банка распавшейся Российской Империи, ликвидировать общее хаотическое финансовое наследие и заложить основы нового свободного объединения, без государственного гнета.

3) Проектируемый Земский Народный Банк, приняв на учет все общественные богатства (земли, недра, леса, фабрики и т.д.), должен предоставить управление общественным достоянием, в соответствии с размерами и характером угодий и предприятий, местным земским Советам (сельским, волостным, уездным) и фабричным или заводским Советам, при равноправном со всеми участии в них технического и распорядительного надзора. Банк же сам должен организовать особый учетно-статистический отдел для равномерного распределения среди всего местного населения как пользования даровым кредитом, так и участия в общих прибылях и убытках всеобщим взаимным страхованием.

4) В случаях, когда окажется, что даровой кредит, предоставленный коллективам (артелям) или отдельным лицам, дает убытки, то необходимо будет установить причину. Если убытки произошли от несчастного стечения обстоятельств, то кредит нужно восстановить за общественный счет; если же окажется нерадение, неумение или даже преступный умысел (подобно злостному банкротству при капиталистическом строе), то дальнейшую трудовую производительную деятельность таких лиц придется взять под опеку.

5) Оплата труда, при коллективном производстве (на фабриках, заводах, шахтах и т.д.) должна производиться по прожиточным нормам, устанавливаемым Собраниями делегатов от всех профессиональных объединений данной земской единицы. Заработки же лиц, пользующихся даровым кредитом в отдельности или семейно (ремесленники, хуторяне) могут быть освобождены от учета; при отсутствии наемного труда будет устранена возможность скопления общественных богатств в частных руках.

После обсуждения доклада Уездным Собранием было принято единогласно (при одном воздержавшемся) следующее постановление:

Собрание в принципе признает основные положения доклада и поручает избранной комиссии из трех лиц разработать со сведущими специалистами вопрос, изложить в общедоступной форме и опубликовать для всеобщего сведения и обсуждения населением.

Старое и новое в анархизме

1918, источник: [здесь](#). М.: Почин, 1918. 24 с.

Предисловие

Трудно себе представить более глубокое одичание, более полное нравственное разложение, чем то, которое переживает теперь Россия.

Не уцелел ни один устой правовых и этических взаимоотношений людей: бессмысленные погромы, зверские самосуды, предумышленные убийства вплоть до арестованных больных на госпитальных койках, административные расстрелы — стали заурядными явлениями; попираемые самые элементарные права человека — личной свободы и личного достоинства, неприкосновенности домашнего очага, свободы живого и печатного слова, свободы сходов, союзов, манифестаций, стачек, — обычный приём борьбы власть имущих со своими действительными или мнимыми противниками; позорная пародия на правосудие, далеко оставившая за собой произвол чиновничьего суда царских времён, — полное игнорирование вчерашними товарищами по тюрьме, каторге и ссылке третейских судов и судов чести, этих ценных коррективов всякой казённой юстиции, — официальные обращения «социалистической» власти к населению с призывом к доносам и сыску, при обещании материального вознаграждения, — вымогательство денежных сумм под видом судебных и административных кар за вымышленные провинности (всего не перечтёшь!) — вот та культура, которая насаждается властвующими партиями; потеря народом чувства самосохранения перед сильным внешним врагом и подлая агрессивность по отношению к кажущейся слабой провинции за то только, что она недоразвилась до восприятия социализма промышленных центров и отмахивается от его насаждения деморализующими приёмами центральной власти, а рядом восточная лезть религиозному фанатизму мусульманства всего мира — вот в общих чертах тот уровень морального падения, до которого докатилась Россия за время владычества большевизма.

И всё-таки причина не в большевизме, — хотя большевистская интеллигенция должна нести ответственность за творимые при её активном участии нарушения самых элементарных норм этики культурного человека, — причина глубже: причина в длительной мировой войне.

Истекающее кровью и обнищавшее человечество испивает также до дна чашу морального разложения, преподнесенную ему чудовищем войны.

Нравственные устои народов России, находившихся веками под специфическим гнѐтом самодержавия, оказались не из прочных; они скорее и глубже разложились, чем в западной Европе, и породили тот разгул моральной разнузданности, который мы теперь переживаем.

Затихшая было на русских фронтах международная война перекинулась вовнутрь страны, превратилась в затяжные междоусобные войны, которые продолжают углублять дело морального разложения страны...

Но ведь должен же наступить конец, должен же найтись выход из создавшегося положения!

Народное самосознание само подсказывает, где его найти. Если вдумчиво всмотреться в окружающую жизнь, то нетрудно заметить: народ ищет выхода из удушливой моральной атмосферы в полной социальной справедливости.

Никогда ещё, со времен первых веков христианства идеи не владели так умами и душой народных масс, как в нашу эпоху.

Большевизм идёт без колебаний навстречу этой жажде социальной справедливости, и в этом его сила.

Но для достижения высших целей он не ограничивается проповедью, а пользуется устаревшим аппаратом власти — непригодным средством для воздействия на общественное развитие на новых этапах цивилизации. Классическое орудие гнета не может превратиться в орудие свободного социалистического строительства: практика большевизма это нам доказала наглядно.

Негодным оружием они затеяли завоевать новый мир.

Большевизм погубит дело социального строительства, он широко распахнет двери перед реакцией, если все социалистические партии, от так называемых правых до крайних левых, включая туда также идейных большевиков и анархистов, не объединятся для изыскания практических путей к перестройке общества на новых началах.

Враги? Непримиримые враги?

Но что нас разъединяет?

Принципы? Убеждения? Тактика?

Разве не должны мы понять, наконец, что длящаяся уже четвертый год всеразрушительная война коренным образом изменила экономические, правовые и этические взаимоотношения разных общественных слоев, поэтому она не может не отразиться на идеологии рабочего движения, на теоретических ценностях социализма и на его тактике.

Если все социалистические партии, — и партии, ставшие у кормила власти не меньше, чем остальные, — беспомощно мечутся на арене стремительно развертывающейся истории, —

если, став господами положения после февральской революции, социалистические партии не сумели до сих пор наладить планомерное социальное строительство, то это произошло не от их злой воли или нерадения, а единственно от непонимания хода истории, от консервативного желания сохранить старую социалистическую идеологию довоенного времени при коренным образом изменившейся исторической обстановке.

Эту самую устаревшую идеологию большевики прямолинейно, слепо проводят в жизнь, и в противоречии изжитой уже теории с реальными запросами жизни — весь трагизм большевистского порыва.

Переоценка всех теоретических ценностей социализма стала насущной потребностью, чтобы вывести страну из нынешней разбушевавшейся стихии истории в гавань мирного социалистического развития.

«Теперешняя война творит новую историю. Она всем народам ставит новые условия общественного строительства», — предсказал Кропоткин в самом начале мировой войны [1].

Суть в том, чтобы понять, в чем заключаются эти новые условия общественного строительства. Поняв их, быть может, социалисты разных толков слились бы в одну сплоченную семью, в тесный союз работников на социалистической ниве.

И первое, самое основное условие для объединения, это отказ от аппарата власти, этого отживающего эмпирического приема для воздействия на социальное развитие.

Настало время довериться основному обновленному началу народничества, — довериться самодеятельности народных масс, их творческой инициативе.

Это творчество — не абстракция, не отвлеченное умозрение, не далекая утопия: оно бьет ключом из всех расщелин, причиненных мировой войной надломленным общественным взаимоотношениям.

Продовольственные объединения, домовые и заводские комитеты, всюду проникающее кооперативное начало, расцвет профессиональных союзов и возможность возрождения самообороны страны — самообороны, теперь уже признаваемой всеми, — возрождения армии под руководством технического профессионального союза офицеров и сами Советы рабочих депутатов, призванные жизнью согласовать деятельность и профессиональные интересы всех трудовых слоев населения вне — и вопреки власти, — все эти факторы реального общественного строительства на новых началах приобрели бы мощный расцвет и вывали бы страну из состояния нравственного маразма, если бы не всюду проникающий, — выражаясь энергичными словами Максима Горького, — подлый яд власти над людьми.

Старое и новое в анархизме

За последнее время, когда в России крайние партии завладели властью и таким образом очутились в центре, широкие слои населения особенно усиленно стали интересоваться

«партией левее большевиков». Этот интерес возник не без основания. Идеями анархизма все более и более проникается у нас в России рабочее движение, их охотно воспринимали остатки армии и флота, многие их называют «преемниками большевиков», в глазах трудовых масс анархизм приобрел, можно сказать, «право гражданства», так как он стремится к еще более высокой социальной справедливости, чем обещанная им большевизмом.

Удивительный порыв к интегральной справедливости владеет в настоящее время умами народных масс! Анархизм, действительно, способен увлечь эти народные массы за своими высокими идеалами, если только сами анархисты оказались бы на высоте своего исторического призвания.

Но до сих пор часть анархистов в практических выступлениях делала все, чтобы отшатнуть от себя всех идейных людей, а остальная часть, хранящая чистоту этических начал своего учения, к сожалению, не проявляет большой активности.

Так или иначе, каждому гражданину следует познакомиться с анархизмом, если не для того, чтобы воспринять полностью ту бесспорную истину, которую несет в себе это учение, то хотя бы с целью понять своего завтрашнего противника на практическом общественном поприще.

В чем заключается сущность анархизма?

Трудно ответить на этот вопрос исчерпывающим образом, так как анархизм не представляет из себя законченного научного учения или обособленного философского мировоззрения.

То, что характеризует анархизм, то, что общее для всех анархистов, какова бы ни была исходная точка и образ их мышления, это — отрицание власти, отрицание права за людьми принудительно подчинять себе других людей, если даже власть исходит от численного большинства.

Дидро формулировал эту мысль в следующих словах: «Природа не создала ни господ, ни слуг; я не хочу ни издавать, ни получать законы».

Вот единственное общее, неоспоримое положение, признаваемое всеми анархистами. Во всем остальном мнения могут расходиться. Но для читателя интересны не абстрактные дискуссии, а происхождение и идеология международного анархистского рабочего движения, так как в настоящее время практическое значение имеет только это последнее.

Идеология анархистского движения, как и идеология социал-демократии, возникла из теоретических начал, лежавших в основе первого Интернационала — Международного Союза Рабочих, основанного в 1864 году в Лондоне.

Возникший тогда Союз задался целью экономического освобождения рабочих от эксплуатации капитала руками самих же рабочих. Для достижения намеченной практической цели Интернационал выкинул свои боевые лозунги: классовую борьбу и международное объединение наемных рабочих (пролетариата).

Но когда пришлось перейти от слов к делу, Интернационал натолкнулся на главное препятствие: сопротивление правительственной власти.

На вопросе об отношении к власти Интернационал раскололся и распался на два течения: одни, — будущие социал-демократы, — предлагали завладеть властью для того, чтобы задавить в момент победы класс капиталистов так называемой «диктатурой пролетариата», другие — из среды которых возникло современное анархистское движение, — находили, что с победой над властью будет побежден и обезоружен капитализм, а потому нужно прямо стремиться целиком упразднить власть, как опасное оружие классового гнета, в котором социализм, как гармоничный строй, без классовых противоречий, не будет нуждаться даже в момент своего восторжествования.

Вот вкратце идейная сущность международного социалистического движения и его двух основных разветвлений: государственного (социал-демократического) и анархистского.

Этой идеологией проникнуто все социалистическое движение с конца шестидесятых годов до наших дней.

Интернационал имел в виду объединение только наемных рабочих, главным образом промышленного пролетариата. Капитализм, все более и более развиваясь, должен был вытеснить отдельных ремесленников и мелкие мастерские, он должен был распространиться и на земледелие: в результате полного расцвета капитализма как промышленного, так и земледельческого, должны были исчезнуть промежуточные классы, владение орудиями труда сконцентрировалось бы в немногих руках обособленного класса капиталистов и, таким образом, облегчился бы их переход в коллективное владение самими рабочими. Этим путем был бы положен конец эксплуатации труда.

Этой идеологией первого Интернационала проникнуто все анархистское рабочее движение и часть анархистов (русские синдикалисты) до сих пор целиком стоят на этой идейной платформе.

Но за 50 с лишком лет, со времени учреждения первого Интернационала, жизнь не остановилась; не застыла в анархистская мысль. Дальнейшее развитие науки и жизни, в особенности опыт последней войны и русских революций, вскрыли недочеты теоретических предпосылок социализма и, в связи с этим, видоизменяется и идеология анархизма.

* * *

Главным фактором концентрации капиталов считалась до сих пор техника машинного производства.

Паровой двигатель централизовал технику производства, он объединял на заводах и фабриках наемных рабочих, механическое производство удешевляло стоимость вырабатываемых фабрикатов и конкуренция беспощадно разоряла мелкую промышленность, пользовавшуюся ручным трудом. По этой схеме должно было идти дальнейшее развитие капиталистического производства вплоть до его завершения в

социализме.

Но с течением времени появилась новая двигательная сила, не применявшаяся еще в производстве во времена зарождения Интернационала. Эта сила — электричество. Оно быстро завоевало себе равное место наряду с паром и даже стремится приобрести преобладающее над ним положение.

Новая двигательная сила, в отличие от пара, легко делится и отводится на расстояние от своего источника зарождения. То что пар объединил, электричество строится дробить.

Затем, при дальнейшем усовершенствовании техники, появились двигатели нового, особого типа — двигатели внутреннего сгорания, менее громоздкие, чем паровые и более портативные, чем электрические.

Сильные и свободные, новые двигатели целыми стаями уже летают над облаками, покорные и послушные воле смелого человека-летчика.

Они же снуют всюду по земле, без рельс, развозя грузы и людей.

Завтра они будут пахать, сеять и жать на любой полоске земли.

Во многих отраслях производства и даже в земледелии раздробившийся усовершенствованный двигатель приостановил дальнейшую централизацию промышленности и стремится даже ее децентрализовать. Кропоткин давно указал и изучил этот новый фазис развития производства [2], но социалисты всех школ, и даже анархисты, не достаточно оценивают то огромное изменение, которое вносит новое направление развития техники производства в унаследованную ими от старого Интернационала идеологию экономического развития.

* * *

Не оправдалась и другая теоретическая предпосылка в программе Интернационала о концентрации капиталов во все более и более ограниченном числе рук, с обособлением общества на два разграниченных класса, с одной стороны, — держателей капитала — буржуазии, и с другой — единого в своих интересах пролетариата.

Необыкновенный расцвет разных акционерных обществ и товариществ на паях за последние пятьдесят лет дал возможность мелкому капиталисту, часто не отрываясь самому от продуктивного труда, объединиться с другими для конкуренции, — для того, чтобы поспеть за развитием техники производства без потери прав собственности на свою долю влагаемого в предприятие капитала.

Крупный капитал, своей конкуренцией, не поглотил мелкий, а объединил его. Мало того, крупный капитал сам стал перенимать ту же систему акций и паев, что давало возможность каждому отдельному производству или предприятию, еще более расширяться. Этим, однако, не уменьшилось, а напротив, увеличивалось число совладельцев предприятия и, вместе с тем, облегчалась для них наследственная передача без ущерба для производства

и, при невозможности прямого деления, без продажи его более крупному капиталисту.

Акционерные общества и товарищества на паях давали возможность мелкому собственнику сохранить за собой своя производительный капитал, но они, конечно, не препятствовали скоплению более или менее крупных капиталов в одних руках. Только число крупных капиталистов, по сравнению с массой мелких держателей паев и акций, сравнительно ничтожно.

С другой стороны, кооперативное начало, которое все глубже проникает в строение общества и все шире распространяется, стремится объединить самый мелкий капитал, преимущественно из мелких сбережений, в руках самих мелких потребителей и участников производства.

Таким образом, капиталы, от самого крупного до самого мелкого, тесно сплетаются в процесс производства, обмена и распределения продуктов. Класс капиталистов расплывается во всем обществе и не представляется возможным выделить его в обособленное сословие.

* * *

Эти теоретические соображения представляли бы ограниченный практический интерес, если бы партии, усвоившие начала Интернационала, не приобрели огромное влияние на самый ход истории и не проводили бы в жизнь теорию классово́й борьбы с упорством, отсутствием критики и даже фанатизмом религиозных верований.

Классовая борьба — застывший догмат веры всех социалистов и даже многих анархистов. Ужасные последствия широкого распространения и применения этой несостоятельной в научном отношении теории в темных народных массах России, мы видим и переживаем со времени февральской революции, особенно, после торжества прямых наследников Интернационала — социал-демократов (большевиков), при близком контакте (в первый раз в истории) с сонаследниками — анархистами.

После октябрьского переворота, ставшего столь кровавым, благодаря экзальтации внушенной этой теорией, стали искать «буржуев». Но тщетны оказались поиски. Преступления капитализма были на лицо, а сам преступник неуловим. Оказалось, что буржуазия, как класс людей, всосалась в средние, и даже отчасти в низшие по своему достатку слои населения. Можно было указать на отдельных богачей, но и от тех давно след простыл...

Продолжали искать буржуазию, и в Москве нашли ее в лице Минора, состарившегося из-за борьбы за социализм в тюрьмах и на каторге, и его товарищей по партии,— в лице революционного офицерства и той части учащейся молодежи, которая сплотилась около партии социалистов-революционеров, в то время как другая часть примкнула к большевикам.

И совершились кошмарные события, пролилась с обеих сторон братская кровь во славу нового догмата веры темного народа — классовой борьбы. Этот догмат пробудил дремлющий во всяком невежественном человеке дух фанатизма. И воскресли самые мрачные времена религиозных гонений...

* * *

Расстроенный уже при Временном правительстве капитализм, как система производства, был разрушен; основа этой системы — частная собственность, — фактически отменена, но простые рабочие оказались неподготовленными, не сумели совладеть сложным аппаратом производства, и опять пошли искать врага — неуловимую буржуазию.

После старательных поисков нашли наконец еще врагов в своих же рядах. Пролетарии разных категорий труда ополчились друг на друга: чернорабочий настроился на мастерового, оба вместе на работников научных технических знаний; одна часть работников умственного труда накинулась на другую часть и пошла борьба между ними; затем разложение охватило работников умственного труда, мастеровых и простых рабочих одной и той же профессии и стали открыто проповедовать и широко применять штрейкбрехерство. Таким образом был нанесен смертельный удар другой основе Интернационала — теории массового объединения всех работников наемного труда — пролетариата.

Затем повели рабочих искать «классового врага» в провинции. Кровь и разрушение разлились по всей стране во славу теории господствующих партий социалистов-государственников.

В чаду междоусобной войны, погоняемый фантомом классовой борьбы, народ не понял, что единственные несомненные, как внутренний, так и внешний враг, сеющий раздоры и мешающий его внутреннему и международному объединению, это — государственная власть.

* * *

Изнуренный жестокой длительной войной и убаюканный другим догматом новой веры — международным объединением пролетариата, народ сложил оружие перед беспощадным внешним врагом, организованным в сильное военное государство и, подобно христианам первых веков нашей эры, потеряв инстинкт самосохранения, беспомощно стал перед завоевателем, ожидая чуда от международной солидарности пролетариата для своего спасения.

Так глубока эта вера в международную классовую солидарность в проводящей ее интеллигенции и так слепа она в воспринявших ее народных массах, что не замечают они, что, если бы этот фактор был существенным двигателем цивилизации в нашу эпоху широкого распространения просвещения в западной Европе и Америке, то самая война не могла бы возникнуть, а, тем менее, длиться так долго. Очевидно судьбами человечества руководят иные законы.

В чем причина ошибочности идеологии Интернационала, наложившего свою печать на современное социалистическое и анархистское движение и где научный путь к осуществлению идеала социальной справедливости, на эти вопросы даст ответ: на первый — исторический обзор зарождения теоретических предпосылок Интернационала и на второй — изложение новейшего развития анархистской мысли.

* * *

Время, когда выработывались теоретические основы Интернационала, совпало с временем появления в свет научного труда Дарвина о происхождении видов, сразу приобретшего колоссальную известность, занявшего прочное место в науке и завладевшего умами современников

По аналогии и созвучию с одной из руководящих мыслей, лежащих в основе научного исследования Дарвина, а именно о роли борьбы за существование в процессе изменения видов, гипотеза классовой борьбы тоже приобрела ореол научности.

Прежде всего нужно заметить, что теория Дарвина не тем велика, что она уделила борьбе за существование роль одного из факторов эволюции биологического мира, а тем, что она впервые подробными конкретными научными наблюдениями доказала изменимость вида, который считался до тех пор постоянным в серии последовательных поколений,—иначе говоря, Дарвин научно обосновал теорию эволюции.

В активе же гипотезы классовой борьбы не было никаких научных изысканий, подобных дарвиновским. Позднейшие же исследования — труды Де Ланессана и главным образом Кропоткина, установили преобладающую роль фактора ассоциации для борьбы, как в эволюции видов, так и в развитии обществ, — ассоциации, роль которой не упустил из вида сам Дарвин. В структуре обществ, действительно, видно подразделение на классы, или вернее, на профессиональные объединения, и нередко наблюдается борьба между равными профессиональными слоями, но в гораздо большей степени проявляется содружество или взаимопомощь разных слоев населения, объединенных в одно более или менее обширное общество, или государство, для самозащиты от внешних враждебных вторжений в независимую жизнь и развитие страны.

Вся история человечества — сплошная панорама такой борьбы разных стран между собой. Самый поразительный пример стойкой упорной ассоциации классов для агрессивной и оборонительной борьбы представляет нынешняя гигантская по своим размерам и длительная война.

Здесь столкнулись не интересы двух враждебных классов, капиталистов и пролетариев, а интересы целых стран, объединивших общностью выгод все слои своего населения.

Страна более новая по мощному развитию своего капиталистического производства, Германия, подобрав себе союзников, затеяла борьбу за подчинение своей экономической гегемонии более старые капиталистические страны и встретила дружный, недостаточно предусмотренный ею отпор чуть ли не всего остального мира. В исходе этой борьбы

германский трудовой народ заинтересован материально, наравне со своими правящими сословиями; вот почему он остался глух к многократным романтическим призывам, русских социалистов, обращенных к нему после февральской революции.

«Германская нация еще не сознает, что план обогатить германский народ внезапным нападением на соседей и быстрыми завоеваниями на Западе и на Востоке, потерпел крушение», говорит Кропоткин [3].

Когда она действительно поймет это, тогда сама откажется от стремления к мировому экономическому господству. Только тогда она отшатнется от логики своего капиталистического строя и, в согласии со всеми народами цивилизованного мира, поищет новые пути и новые начала для своего внутреннего и международного преуспевания.

А для того, чтобы германская нация поняла это, нужна самооборона, нужна борьба, ибо в борьбе мы обретем право свое на независимое социалистическое развитие. Для успешности же борьбы, нужно объединение.

«Вызванное ею (войной) объединение всех слоев общества в одном общем деле не пройдет бесследно, а заложит зачатки более объединенной жизни», — сказал Кропоткин в самом начале войны [4].

Это объединение всех слоев общества в западной Европе уже начало давать плоды, оно перестраивает общественный строй на новых началах методичнее и прочнее, чем у нас в России; на эту перестройку общественных порядков Запада указывает Кропоткин в своих «Письмах о текущих событиях», и только благодаря плохой осведомленности, в связи с условиями военного времени, мы не можем ближе присмотреться к этой созидательной стороне жизни Европы, вызванной нынешней войной.

У нас в России это объединение возникло и пышно расцвело в сторону социального строительства в первые годы войны. Оно нашло широкое поле практического применения, богатый материал и полезный опыт в деятельности Всероссийского Земского Союза и других общественных организаций. Дело организации помощи миллионам беженцев — целым народам, стало школой практического социализма. Затем деятельность общественных организаций распространилась и на коронное население. Это их плодотворная деятельность создала у нас продовольственные организации и выработала первоначальную технику снабжения и распределения продуктов.

Война, этот фактор раздора, гнета и разрушений, на этот раз стала плодотворно-созидательной. Это произошло от того, что по своим небывалым размерам и длительностью она расшатала всю хозяйственную жизнь земного шара. Она буквально стала войной народов и подчинила своим уравнивательным требованиям все слои общества.

Широкие экспроприации частной собственности она едва маскировала названием реквизиций; твердыми ценами она уничтожила свободную торговлю; продовольственными организациями для равномерного распределения продуктов первой необходимости она стремится уравнять все слои населения. Словом, основам капиталистического строя наносился удар за ударом, и это не только у нас, но в еще большей степени в центральной и

западной Европе. Уцелел пока оплот сословных подразделений — правительственная власть, но и в нем пробиты большие бреши.

Разрушения войны сами вызвали широкий размах общественного почина и моральное объединение всего общества. Степень разрушений войны в соответствующей же мере пробуждает общественную самодеятельность. В борьбе с этой сплоченной самодеятельностью общества потерпело крушение самодержавие.

Ставшие господами положения после февральской революции социалистические партии тщетно старались укрепить остатки общественного объединения, расшатанного еще при старом режиме и направить их по социалистическому руслу. Их собственная идеология классовой борьбы сама в себе несла фактор разрушения этого естественного стремления спасти все общество объединением для обороны.

Идеи Интернационала, широко посеянные в народных массах социалистами всех толков, взяли верх над инстинктом самосохранения и логически привели к октябрьской революции и к полному международному обессилению России.

Мировая война разрушила основы капиталистические хозяйства, октябрьская же революция продолжает ее дело и разрушает уже самые формы капиталистического строя.

Подобно войне, октябрьская революция тоже своими разрушениями пробуждает к жизни творческие силы народных масс в разнообразных новых формах объединений и взаимопомощи, этого могучего фактора прогресса, научно изученного Кропоткиным.

Но новая власть уже успела создать свои корпоративные интересы и профессиональные привилегии, она сознает, что в этом объединении и проявлениях самодеятельности народа ее конец, а потому она всячески поддерживает и разжигает готовую потухнуть всеобщую вражду и раздоры.

* * *

Рассчитывать на то, что естественный ход истории сам по себе приведет нас непременно в царство социализма, не приходится. Выше мы видели, что идеология Интернационала, построенная на этом автоматическом развитии исторических факторов процесса концентрации капиталов и дифференциации общества на два обособленных класса, далеко не оправдалась. То же самое будет со всякой теорией, опирающейся на естественную игру более или менее правильно схваченных двигателей общественного развития.

Идеолог научного анархизма, Кропоткин, не ограничивается простым анализом строения общества и изучением факторов его видоизменений; он призывает «всех людей с сердцем, умом и знаниями» приложить всю свою энергию к перестройке общества.

Иначе говоря, анархистское рабочее движение не должно стать простой политической партией, стремящейся только к упразднению государственной власти, а должно вылиться в организованный фактор сознательного воздействия на ход истории плодотворным

строительством.

Теоретический анархизм — наука, его практика должна стать прикладной наукой.

Примечания

1. Кропоткин П.А. Письма о текущих событиях. М.: Задруга, 1918.
2. См. «Хлеб и Воля», гл. «Децентрализация промышленности», и «Письма о текущих событиях».
3. Кропоткин П.А. Открытое письмо к западно-европейским рабочим. [М.: Почин, 1918].
4. Кропоткин П.А. Письма о текущих событиях. М., 1918.

Социальные задачи домовых комитетов

1918, источник: [здесь](#). М.: Почин, 1918. 32 с.

Очерк городского общественного строя без власти и принуждения

«Вы не захотели социализма, — писал Герцен в 1848 г., — так вот, вы будете иметь войну, семилетнюю войну, тридцатилетнюю войну».

В сущности, мы видим теперь ее начало, и у нас будет война полных тридцать лет, если все люди с сердцем, умом и знаниями не приложат всю свою энергию, чтобы перестройкой общества помешать ей.

(П.Кропоткин. Открытое письмо к западно-европейским рабочим).

«Нет яда более подлого, чем власть над людьми...»

(М.Горький. — «Новая Жизнь», № 205, от 19 декабря 1917 г.)

Вместо предисловия (из письма к учителю)

...Кругом кипящая в брожении жизнь ежедневно выдвигает всё новые жгучие практические запросы.

Наши товарищи рабочие в потёмках ищут дорогу к тем высоким идеалам этических и культурных возможностей, которые вы так обаятельно изложили в ваших трудах.

Ваши произведения зачитываются многие десятки тысяч русских рабочих, ими всё более и более проникается рабочее движение. Разве не долг каждого — помочь рабочим в поисках практических путей к блеснувшей надежде на осуществление свободных общественных порядков без эксплуатации труда, на нравственных началах? Разве не убережёте Вы их от многих ошибок, напрасной траты сил и бесполезных порой жертв? Люди, увлекающиеся вашими идеалами, — я говорю о простых, искренних рабочих, — разве не станут прислушиваться к вашему голосу разума, опыта и любви к человеку?

Сейчас идет борьба: с грохотом мчатся тяжелые автомобили, раздаются выстрелы, сооружаются баррикады, роятся траншеи. В поисках лучшего будущего брат на брата

поднял руку, и в этой ужасной свалке не раздаётся ваш голос, хотя бы для удержания ваших же многочисленных учеников, — более многочисленных, чем вы предполагаете, — от братоубийственной войны.

Бурлящая революция этой вспышкой не закончится; помогите нам осмотреться, понять вчерашний день, чтобы не сделать новых ошибок завтра и найти руководящую нить на сегодня.

Относительно животрепещущих практических вопросов текущей жизни Вы как-то мне сказали:

«Ищите, я сам ищу»...

Мы ищем, дорогой учитель, но и вы помогите нам, будьте ближе к нам.

Начнем с вопроса о войне, самого неотложного и самого жестокого вопроса.

Я беседовал о нём со многими товарищами. Опять речь идёт об искренних и идейных товарищах, которые, быть может, сейчас жертвуют своей жизнью за то, что они считают целесообразным и нужным.

Все они признают, решительно все, нравственной обязанностью бороться с милитаризмом, с германским не менее, чем с другим; все они в этом смысле приемлют войну не только как самооборону, но и как борьбу с заклятым врагом трудового народа, — борьбу, которую нужно довести до победного конца.

Но как организовать эту борьбу, как вести войну в рядах нынешней, государством организованной, армии?

Тут мы все теряемся.

Вы предлагаете нам закрыть глаза и вступить в ряды армии, — такой, как она есть.

Но под чье начало? как организованную? кем организованную? во имя защиты каких реальных ценностей?

Вот те вопросы, раздумье над которыми больше дезорганизовало армию, чем большевистская пропаганда.

Нельзя обойти молчанием эти жгучие вопросы. Нельзя требовать от человека жертвы самым ценным, единственным, что у него самого есть, и самым дорогим для его близких, — его жизнью, не ответив на эти вопросы.

Самооборона от нашествия внешнего завоевателя — с этим согласны. Но как организоваться?

В голове бродит мысль: в народное ополчение.

Но ведь в эти слова нужно внести конкретное содержание.

Народное ополчение предполагает, прежде всего, добровольный порыв. Этот подъём существовал при свержении самодержавия, при свержении исконного политического гнета над народной массой. Вторичный подъём народного духа, мне кажется, создастся только при свержении экономического гнета, при уничтожении эксплуатации труда.

Возможно ли это теперь и как, в какой степени?

Организация самообороны от чужеземного милитаризма должна быть возможна и теперь, до, — или, вернее, во время коренной ломки старых экономических порядков.

Как и где найти тот исходный путь, ту точку опоры для перехода от простого к сложному, от местного к общему, от слабой единицы к сильному объединению?

Нынешняя гражданская война в Москве выдвинула практический вопрос той же самозащиты, самообороны от возможных погромов. Изверившись в военную власть, в милицию, в красные гвардии, общественная мысль обратилась к домовым комитетам для организации самообороны. Домовые комитеты призываются к самоорганизации и к объединению для самозащиты.

Не здесь ли, быть может, пустит корни народное ополчение?

Не сможет ли армия, вернув по частям борцов домой, реорганизоваться территориально, в районные или местные роты со своим непосредственным командным составом, — в роты, готовые, с соблюдением справедливой очереди, выдвинуть маршевые части в действующую армию, на ее частичную смену и пополнение?

Но для того, чтобы с энтузиазмом идти на защиту родины, нужно, чтобы на этой родине кипела активная, солидарная жизнь муравейника, сплочённого союза свободных тружеников, а не борьба капитала с трудом, не эксплуатация человека человеком, не алчная нажива за счет обездоленных.

Помогите нам выяснить наши смутные мысли, дорогой учитель.

Москва, 28/29 октября 1917 г.

* * *

Опытном изыскания путей для превращения нынешних общественных порядков в дружный муравейник равных и свободных тружеников, способных и творить, и защищаться от внешнего нашествия, и является настоящий очерк.

Введение

Небывалая по своим размерам, — как по числу участников и человеческих жертв, так и по техническому напряжению и материальным разрушениям, — мировая война расшатала до самых основ этическую и экономическую жизнь народов.

Старые общественные спайки капиталистического хозяйства и выборной, так называемой «демократической» власти, трещат по всем швам.

Чем менее развита страна, чем слабее скрепы обычных правовых и экономических взаимоотношений различных слоёв общества, тем в более бурных формах проявляется это разрушение.

Падение старых устоев, естественно, ставит на очередь практическую задачу создания новых порядков.

Общественная разруха, вызванная мировой войной, скорее и сильнее, чем в других странах, отразилась в России, и перед ней раньше, чем перед другими, встал практический вопрос строительства новых социальных порядков; вот почему многие считают, что Россия стоит в авангарде международного социалистического движения.

Строительство новой жизни может и не удастся, и тогда, опять-таки в силу отсталости России в этико-правовом, техническом и экономическом отношениях, настанет реакция столь же бурная и неудержимая, как и сама революция.

Для предупреждения этой реакции все культурные слои населения, все сторонники прогрессивных учений, все сознательные работники физического и умственного труда должны приложить усилия, чтобы найти общую почву для своей деятельности и заложить прочный фундамент обновлённой жизни.

Сознательная, индуктивная мысль человека, воплотившись в науку, покорила стихийные силы природы, подчинила себе и использовала для практических целей законы жизни, законы биологического развития; она же должна внести сознательный, планомерный расчёт в общественное развитие устранением эмпирического воздействия грубой, непригодной для новых этапов цивилизации, правительственной власти и соответствующего государственного аппарата.

Пусть односторонние, верные догме последователи устаревшей и давно оспариваемой научной теории социализма вновь твердят о новой «утопии»: в основу идей, развитых в данном очерке, легли те реальные факторы, которые обрисовались и нашли уже известное практическое приложение в жизни.

В другой статье[1]*я указал некоторые из новых факторов, возникших под влиянием мировой войны и русской революции и стремящихся перестроить уклад общественной жизни на новых началах.

В настоящем очерке я намерен обрисовать начала того общественного строя, который может возникнуть в крупных городских центрах из интенсивно действующей в настоящее время живой ячейки создающегося социального строя — из домовых комитетов, если в их деятельность внести фактор индуктивной мысли, опирающейся на знания, опыт и наблюдения, иначе говоря, — элемент социальной прикладной науки.

I

Идея домовых комитетов возникла в близком кругу неутомимого труженика, ветерана и вдохновителя международного рабочего движения Петра Алексеевича Кропоткина. Благодаря присущей ей жизненности она необыкновенно быстро привилась и распространилась.

В этом почине нашло себе широкое практическое приложение начало, лежащее в основе научно-общественного мировоззрения нашего учителя о самодеятельности народных масс, в противовес всем руководящей, обо всём «заботящейся» правительственной власти.

Эта самодеятельность народной массы переросла уже первоначальную цель, послужившую причиной возникновения домовых комитетов, и стремится превратиться в плодотворное широкое творчество.

Первоначально домовые комитеты задались целью облегчить распределение продуктов первой необходимости, — задача, с которой правительственная власть, как при самодержавии, так и возникшая после революции, оказалась бессильной удовлетворительно справиться.

Постепенно домовые комитеты расширили круг своей деятельности и задались также целью снабжения своей группы населения продуктами потребления на кооперативных началах.

Затем, во время и после октябрьского переворота, домовые комитеты организовали охрану общественной безопасности в самих домах и пытались её осуществить и на улицах, и наверное, отлично справились бы с этой задачей, если бы им не помешала правительственная власть, всегда ревниво-подозрительная, всегда боящаяся соперничества и проявлений независимой общественной самодеятельности, а потому всегда контр-революционная, даже когда она прикрывается той социальной революцией.

С самого начала своего возникновения домовые комитеты стали стремиться также регулировать взаимоотношения квартиронанимателей и домохозяев, отстаивали общие интересы жильцов перед частными интересами домохозяев, настаивали на производстве ремонта, где он нужен был, на регулировании отопления в домах с центральным отоплением и т. п.

Идея отчуждения в крупных городах земли с недвижимостями в общее пользование реяла над общественным сознанием[2]*, подобно идее перехода всей деревенской земли в руки трудового крестьянства. Эта идея стала практически осуществима только благодаря организации домовых комитетов.

Правительственная власть, возникшая в Москве после октябрьского переворота, в сущности не внесла ни одной новой плодотворной мысли для осуществления этой назревшей задачи; она только пытается использовать громадный источник доходности недвижимости для своих целей, для господства одной партии над всеми, — партии, распоряжающейся при помощи грубой силы и с самонадеянностью невежды всем тем, что составляет достояние всех и над чем должна поработать самодеятельность народных масс, чтобы создать прочный, обновлённый социальный строй, а не мираж социализма в воображении кучки фанатиков и в груде их бумажных «декретов».

Культурные и моральные центры страны — промышленные города России — должны противопоставить произволу власти не сожаления об нажитом прошлом, хотя бы с коррективом так называемых «правовых порядков», не тоску по иной, «твёрдой» власти, а самодеятельность народных масс — самодеятельность, опирающуюся на этику обычного права современного культурного человека, уровень которой не казался бы таким низким, если бы её не извращали власть имущие и все политические партии, стремящиеся к ней, т. е. к господству горсти людей над всеми.

Политические партии, борясь за удержание власти или стремясь завладеть ею, неизбежно сеют рознь и вражду в обществе и даже в рядах различных трудовых групп.

Вдали от партийной борьбы, от бесплодной политической распри, домовые комитеты создают тот твёрдый цемент солидарности в равенстве и общей пользы во взаимности, без которых немислим социализм.

В этом отношении домовые комитеты являются тем прочным фундаментом, на котором, спаяв всё общество в одно органическое целое, можно уверенно воздвигнуть новый строй, более соответствующий мощному народному порыву к социальной справедливости, — порыв, который так блестяще использовали большевики для своих партийных мечтаний.

Очутившись фактически хозяевами всех сдаваемых внаём городских недвижимостей, благодаря покушению большевистской власти на захват их доходов, домовые комитеты должны использовать освободившиеся ресурсы сами, своими руками, или под своим непосредственным наблюдением, для удовлетворения всех тех разнообразных нужд общественной жизни и городского хозяйства, которые одинаково требуют удовлетворения, каких бы взглядов ни держался тот или другой городской житель.

Только на этой почве равного удовлетворения действительных нужд каждого, при дружном участии всех, возможна та общественная спайка, без которой не представляется возможным воплотить социализм в действительность.

Домовые комитеты являются теми основными ячейками общественного организма, где сходятся до сих пор жившие разрозненно под одной и той же крышей все слои населения в

тесный кружок для совместного наилучшего удовлетворения общих потребностей и нужд.

В русле домовых комитетов сольются в одно течение все разъединённые усилия в стремлении к равенству и солидарности.

Когда комитет заботится о доставлении каждому обитателю дома его хлебного пайка, когда он предлагает каждой семье свои услуги, чтобы снабдить её тем или другим продуктом потребления, когда он организует охрану для безопасности каждого жильца, то тут нет уже места политике, нет места розни и вражде людей между собой.

Домовые комитеты постепенно развивают и расширяют поле своей деятельности, входят в соглашения и союзы со своими соседями по улице, по району, во всём городе, и в этом развитии самодеятельности народных масс, в этих естественных группировках — залог и исходная точка для созидания лучшего, справедливого социального строя, основанного на фактическом равенстве, на действительной солидарности и свободе.

Тщетно искать истинной справедливости в лживых программах политических партий, борющихся за захват власти и попирающих, как только завладеют ею, все те свободы, всю ту солидарность и то равенство, во имя которых они вовлекали в ожесточённую, нередко кровавую, борьбу, народные массы.

Остановимся подробнее на творческой общественной роли, которую могут и должны сыграть домовые комитеты в нынешнем этапе истории, если правительственная власть, всегда губящая все живые ростки созидательных сил народа, не умертвит их или не заглошит надолго их развитие.

II

Нужды городской жизни можно разделить на две категории: на те, которые могут быть непосредственно удовлетворены отдельными домовыми комитетами, и на нужды, требующие сотрудничества или кооперации более или менее многочисленных комитетов, вплоть до общегородского объединения.

В основу удовлетворения нужд как той, так и другой категории должны лечь специальные домовые кассы. Такие кассы в настоящее время существуют в руках казначеев домовых комитетов. С расширением деятельности комитетов, особенно с поступлением в их распоряжение более или менее значительных сумм от реализации наёмной платы, выдвигается, естественно, вопрос о создании местных, групповых районных касс домовых комитетов, с отдельными текущими счетами для каждого из них. При этом, районы объединения касс и число их не должны быть указаны какой-либо административной властью, если даже эта власть себя величает архиреволюционной и демократической. Эти кассы возникнут сами собой, свободным почином нескольких комитетов в разных пунктах города, и постепенно объединит остальные комитеты.

Эти же кассы могут обслуживать отдельные семьи и лица, став таким образом личными сберегательными и расходными кассами, обеспеченными доходностью недвижимостей

района.

За периодом организации районных касс наступит, вследствие запросов практической жизни, объединение их в общий городской союз районных касс или в городской банк.

Городской банк сохранит начало неприкосновенности и полной независимости как личных, так и домовых текущих счетов, и станет прочным и надёжным фактором экономической жизни города.

Городские банки столиц и других крупных городов, объединившись в союз, превратятся в мощный финансовый орган страны, возьмут в свои руки выпуск своих денежных знаков, введут метрическую монетную систему и дадут возможность обанкротившемуся государственному банку, созданному властью для своего господства, ликвидироваться с возможно наименьшими материальными потрясениями для трудового народа. Одновременно союз городских банков вытеснит в крупных городских центрах ставшие излишними все частные капиталистические банки[3]*.

Организовав, таким образом, свой финансовый аппарат, домовые комитеты, подобно отдельным личностям, не потеряют полноты прав над своими текущими счетами.

Но в настоящее время, благодаря условиям капиталистического хозяйства, доходность не всех домов пропорциональна числу жильцов, а потому городской банк должен произвести подушную уравнительную развёрстку сумм по текущим счетам для каждого домового комитета, пропорционально числу жильцов. Таким образом, пропорционально уравненные текущие счета поступят в неотъемлемое и неограниченное распоряжение каждого комитета.

III

Домовые комитеты будут пользоваться своими текущими счетами непосредственно, для удовлетворения тех общих нужд, которые могут удовлетворить сами — целесообразнее и лучше, чем правительственная муниципальная власть.

Так, домовые комитеты организуют наружную охрану города наймом надёжных, лично им известных агентов, вместо вербования бюрократическим путём всяких городских, милиционеров или красногвардейцев, никогда не оправдывавших возлагаемых на них надежд.

Домовые комитеты возьмут неотложно в свои руки дело общественного призрения. Помощь всем нетрудоспособным, старикам, вдовам, обременённым малолетними детьми, слабосильным, сиротам и тем многочисленным калекам, жертвам войны, которые всё чаще и чаще встречаются на улицах с протянутой рукой, может быть правильно обеспечена по месту их жительства.

Только таким путём будут предотвращены злоупотребления чувством сострадания к ближнему и позорное для культурного общества явление недостаточной или вовсе не

оказанной помощи страдающему ближнему[4]*.

Каждому городу нетрудно будет принять меры, чтобы предотвратить на время, пока организуется общественное призрение в провинции, непосильный для него наплыв нуждающихся.

Затем домовые комитеты должны будут позаботиться и о судьбе тех домовладельцев, недвижимости которых переходят в их ведение. Народная совесть чутка ко всякой несправедливости. Домовые комитеты должны обеспечить существование нетрудоспособных бывших домохозяев и помочь приспособиться к новым условиям жизни тем из них, которые не имеют определённой профессии и заработка, подыскав им подходящую работу, хотя бы по управлению и надзору за домами.

Не стану останавливаться на дальнейших деталях непосредственных функций домовых комитетов, которые они могут выполнить каждый в отдельности или в непосредственном союзе со своими соседями по улице: они так же разнообразны и многогранны, как сама жизнь. Укажу только, что к ним перейдут также все функции удостоверения личности, регистрации, выдачи разных свидетельств и т. д., которые сосредотачивались раньше в полицейских участках, а ныне в комиссариатах, чтобы надёжнее держать общество в зависимости от власти.

IV

Во вторую очередь выдвинутся общественные задачи и нужды населения, которые не могут быть удовлетворены непосредственным соглашением отдельных домовых комитетов, вследствие физической невозможности прямого совместного обсуждения вопросов или технической и профессиональной некомпетентности домовых коллективов. Таковы задачи народного просвещения, медико-санитарной службы (в область которой входят богадельни для престарелых, нуждающихся в специальном уходе, дома для неизлечимых умалишённых, для неисправимых врождённых преступников, страдающих моральной или волевой неустойчивостью); таковы канализация, водоснабжение, предоставление электрической энергии жилым домам, фабрикам и заводам, трамвайное движение, телефонное сообщение и т.д.

Все подобные нынешние общественные службы, естественно, должны перейти в ведение профессиональных союзов каждой такой отрасли общественной службы. Устранив пагубную политику, вносящую рознь в ряды работников разных категорий одного и того же предприятия, профессиональные союзы превратятся в органическое объединение технического надзора, мастеровых и простых рабочих для общей пользы и перестанут быть ареной насилий и численного гнёта над техническими знаниями.

Все эти общественные службы будут существовать до тех пор, пока они будут субсидироваться заинтересованными домовыми комитетами, и те из них, которые сделаются общепризнанными, как трамваи, медико-санитарная служба, водоснабжение, канализация, освещение и т.д., должны быть бесплатными, чем сократятся непроизводительные расходы по детальному учёту, контролю и т. п.

Общественные службы, утратившие своё значение, будут обречены сами собой на упразднение вследствие прекращения субсидирования со стороны домовых комитетов, но взамен, в связи с назревающими новыми нуждами и общим прогрессом, выдвинутся новые единицы и целые отрасли общественных служб, благодаря почину технических и профессиональных групп, поддержанных материально домовыми комитетами.

Поясню примером: допустим, что данный город густо заселён (как, например, Москва, где семейства 400 000 душ населения ютятся каждое в одной комнате) и что после уравнительного расселения жителей в пределах гигиенических норм и практических удобств всё-таки понадобится выстроить ряд жилых домов, быть может, целые кварталы.

По объявленному домовыми комитетами конкурсу или по собственному почину группа специалистов во главе с архитекторами разработает подробный проект построек, составит сметы, план работ и даже наметит кадр опытных руководителей предполагаемыми постройками.

Инициаторы такого проекта, после подробного его обсуждения в специальной и общей прессе[5]*и надлежащих исправлений, обратятся с опросом к домовым комитетам и, сообразно с результатами опроса, в случае достаточного числа домовых комитетов, согласных оказать ему финансовую поддержку, проект получит дальнейший ход, и городской банк откроет организаторам соответствующий кредит.

Нет сомнения, что широкие предприятия общей пользы встретят почти единодушную поддержку населения в лице домовых комитетов.

В новые жилища будут переселены обитатели наиболее антисанитарных старых жилищ, с соблюдением очереди, по категориям, выработанным санитарными врачами, и в случае надобности жеребьёвкой между семействами одной и той же категории.

Возьмём другой пример: допустим, что в данном городском районе ощущается нужда в новой больнице. Группа врачей, заведующих хозяйством, фармацевтов, фельдшеров и т. д., при участии архитекторов, разрабатывает подробный проект нового учреждения, составляет смету расходов и схему правил для его функционирования. Получив финансовую поддержку заинтересованных домовых комитетов, почин приводится в исполнение.

Если в городе организуется общий жизнедеятельный профессиональный союз технических работников в той или другой отрасли общественных служб[6]*, то, наверное, домовые комитеты станут их финансировать en bloc, в общей сумме, предоставив распорядительному органу профессионального союза заботу возможно рациональнее использовать ассигнованный бюджет и развить дело. Но коль скоро та или другая организация перестанет удовлетворять общие требования и нужды, она будет обречена на постепенное сокращение и полное вымирание, прекращением финансовой поддержки домовых комитетов.

Нет сомнения, что при такой постановке дела средств домовых комитетов, получаемых от наёмной платы за квартиры, не хватит, и они должны будут перейти к самообложению. Но зато одновременно упразднятся все государственные и муниципальные налоги, как прямые,

так и косвенные, и в общем, для населения, по сравнению с благами городского благоустройства, которыми оно будет пользоваться, получается облегчение налогового бремени, ставшего добровольным самообложением. Зарождение такого добровольного самообложения на общие нужды мы видим в нынешних домовых комитетах в том, что они собирают месячную плату для организации доставки хлебного пайка или берут особый взнос для покрытия общих расходов при заготовке продуктов потребления и т.п.

V

В этих сложных условиях взаимоотношений отдельных личностей, домовых комитетов, профессиональных союзов и т. д., могут возникнуть разногласия и споры; возможны также злоупотребления и нарушения общественных интересов, на которые имеет право пожаловаться каждый отдельный гражданин, группа их или целые учреждения. Для улажения этих конфликтов, а также для мероприятий от противообщественных элементов, так называемых преступников, унаследованных от современного строя, понадобятся специальные примирительные, судебные и исправительные институты.

Все разногласия личного и материального характера могут быть факультативно разрешены примирительными (мировыми) инстанциями компетентных лиц с юридическим образованием, приглашённых на эту должность районным советом домовых комитетов по отзывам профессионального союза юристов. В случае несогласия сторон с постановлением мирового судьи дело перейдёт на обязательное для сторон разбирательство третейских судов и судов чести, при участии, по мере надобности, с совещательным голосом, специалистов юристов, также педагогов, психологов и врачей.

Все обязательные судебные законы должны быть целиком отменены, но взамен их освободившаяся от тисков власти юридическая мысль создаст научные труды для выяснения и формулирования новых правово-этических норм. Все примирительные судебные инстанции, третейские суды и суды чести будут ими пользоваться не как обязательными застывшими, мертвящими жизнь формулами законами, а как справочниками для правильного решения данного спора или дела, как врачи справляются в специальных трудах для правильного лечения больного.

Для таких судов не понадобится никакой исполнительной власти, ибо все ненормальные в душевном и моральном отношениях и в проявлениях воли перейдут на попечение врачей и педагогов в соответствующих специальных заведениях, остальные же едва ли уклонятся от добровольного подчинения третейским судам и судам чести, ими же выбранными, иначе они сами себя поставят вне правовых взаимоотношений данного общества, так сказать, «вне закона», вне общественной солидарности в своём домовом коллективе.

VI

В беглом очерке путей предстоящего социального строительства, тесно связанного с развитием основной ячейки современного городского общественного организма — с развитием домовых комитетов — предстоит обрисовать ещё контуры организации главных экономических функций: производства, обмена и распределения продуктов потребления.

Исходной точкой для социалистического производства, обмена и распределения должны послужить все нынешние фабрики, заводы и торговые предприятия, которые со всеми своими недвижимостями, мёртвым и живым инвентарём, запасами сырья и товаров, и денежными капиталами, реализованными в золотой валюте по ликвидационному курсу из государственного банка, перейдут в актив городского банка и распределятся по текущим счетам домовых комитетов, пропорционально числу членов, способных к производительному труду. Таким образом, всё производящее население города получит в своё непосредственное фактическое распоряжение общее трудовое наследство предшествовавших поколений, без дробления, без практически неосуществимого дележа. Вслед за действительным имущественным равенством, созданным таким путём, население города прибегнет к испытанным формам кооперации для организации производства, обмена и распределения продуктов потребления, ибо на практике социализм — это распространение кооперации на всё общество.

Распространённое на всё общество кооперативное начало найдёт практическое приложение к нынешнему аппарату капиталистического производства и торговли, переданных в руки заводских, торговых и продовольственных профессиональных комитетов — не нынешних заводских комитетов, обыкновенно состоящих исключительно из простых рабочих и мастеровых, не подготовленных самостоятельно вести дело производства, а из комитетов, в которых будут представлены и опытные счетоводы, и так называемый технический надзор, т. е. представители научного профессионального труда, и даже, в тех производствах, где хозяева принимают личное участие в руководстве производством и приобрели надлежащий опыт, как распорядители, нужно постараться заручиться их участием в заводском комитете, с подобающим справедливым вознаграждением за их труд.

Если откинуть власть, из-за захвата и удержания которой политические партии сеют раздор и рознь между тружениками научных знаний и физической силы тем, что уверили последних в превосходстве числа над правом и разумом, то нет сомнения, что такое слияние в заводском комитете физического труда, техники и распорядительного опыта на начале экономической кооперации станет возможным. Не предпочтёт разве наёмный инженер работать с трудовым народом, из среды которого нередко сам вышел, чем служить хозяину? Ведь инженеры те же наёмные пролетарии, только лучше оплачивавшиеся в прежние времена, так же, как мастеровые — лучше, чем чернорабочие. Но и тогда они бросали службу, если хозяин-капиталист пытался глумиться над их профессиональными правами и человеческим достоинством. То же самое заставляет их отшатываться от рабочего класса, но если рабочие подойдут к ним не с чувством вражды, внушённым политическими демагогами, а с доверием и предложением общественной солидарности в кооперативном труде, то нет сомнения, что они предпочтут работу с трудовым народом для общей пользы всех, в том числе и их самих, чем служить частным интересам капиталиста.

Из доходов предприятий будет оплачиваться заработок всем участникам коллективного труда по прожиточным нормам, выработанным профессиональным советом трудовых делегатов всех общественных служб, производительных, торговых и продовольственных коопераций данного города, а излишек поступит в городской банк[7]*.

Из этого излишка выделится часть для страхования предприятий от случайных убытков, от пожара, от временного понижения доходности ниже суммы расходов, а остальное поступит в особый фонд для наделения производительным капиталом подрастающего молодого поколения. В тот же фонд поступит соответствующая доля из общего капитала каждого выбывающего из рядов за нетрудоспособностью или смертью.

Развитие старых предприятий и возникновение новых будет происходить на кооперативных же началах, по системе инициативных учредительских групп, как при создании общественных служб[8]*.

Таковы общие черты возможного нового социального строя городов, задатки которого обрисовываются в настоящей жизни, при затихающей мировой войне, но при вспыхивающих всё новых и новых революциях, гражданских и междоусобных войнах.

Только планомерное социальное строительство внесёт в жизнь организованный порядок и учредит прочный и свободный общественный строй, который не может возникнуть из ожесточённой борьбы политических партий, этих уродливых созданий отживающего капиталистического строя.

Домовые комитеты — это та точка опоры, которую потребовал бы Архимед, чтобы рычагом социальной революции перевернуть капиталистический строй в социалистический и тем воплотить в жизнь первое условие прочного мира — социальный мир, для осуществления истинного, экономического, равенства и довольства для всех.

VII

Но социализм не может быть осуществлён в мировом и даже, в начале, в широком международном масштабе. Подобно капитализму, из которого он рождается, социализм утвердился в полном объёме в больших городских центрах и приспособит к себе, своим культурно-экономическим влиянием, недоразвившуюся капиталистическую провинцию и деревню, отсталые страны, так называемые «сферы влияний» нынешних капиталистических государств и их колонии.

Главная ошибка социалистических партий заключается в том, что они не сумели вовремя разобраться в сложных условиях затянувшейся мировой войны, которая своими чудовищными разрушениями выдвинула на первый план задачи социального строительства на новых началах[9]*. Они бросались из одной крайности в другую: то целиком подчиняли интересы социализма самообороне капиталистических государственных коалиций, то бросались в противоположную крайность и откровенно исповедовали безоговорочное поражение. А между тем нужно было с самого начала, на следующий день после революции, начать организовывать самостоятельную оборону социализма военными приёмами капиталистической государственности.

Борьба с воюющей государственностью возможна только в государственной форме, иначе говоря, социализм должен использовать для своего утверждения технические средства, формы организации и приёмы войны милитаристических государств.

Социалистические центры, — эти «вольные города» завтрашнего дня, чтобы утвердился самим и приобрести мировое влияние, должны прежде всего проявить обороноспособность перед агрессивным капитализмом.

Выше я изложил, в какие практические формы может и стремится вылиться социализм, — не программный социализм политических партий, борющихся между собой из-за захвата власти, а практический социализм, рождающийся из исторического творчества народных масс.

Рассмотрим теперь, какими путями создающийся в промышленных центрах социализм может оградить своё развитие от внешнего нашествия капиталистической государственности и утвердиться, как назревшая эпоха исторического развития, в федеративном союзе с провинцией.

Нет сомнения, что социалистический центр — город, способен широко использовать все технические и живые ресурсы милитаристической государственности, чтобы сломить военную мощь капитализма его же оружием и освободив дальнейшее развитие человечества от господствующего влияния капитализма, направить цивилизацию по социалистическому руслу.

Современная армия — детище капиталистической государственности, и держится главным образом насилием и страхом наказания. Как только государственность слабеет, дисциплина падает и армия начинает разлагаться. Так случилось у нас, то же самое отчасти началось в Италии, то же произойдёт во всей Европе, если нынешняя война продлится достаточно долго. Там тоже она разрушит государственность, как у нас, и война сама собой могла бы закончиться на развалинах капитализма, за отсутствием бойцов.

Но этого пока нет, и нельзя предвидеть, завершится ли этот процесс разложения государственности в западной Европе в ближайшем будущем или нет. А потому перед народами России стоит во весь рост задача создать оборону страны на новых началах.

Но с чего начать и как это сделать?

Фронт разрушен, передовые разведывательные «делегации» противника уже проникли в столицу и военная коалиция центральных империй свободно творит в неминуемом ближайшем будущем на территории России всё, что ей будет угодно.

Как быть?

Один профессор медицины учил своих учеников: «Если больному очень плохо, то предположите, что он неминуемо умрёт, и тогда хладнокровно начните обсуждать, что можно предпринять, чтобы его спасти?»

Допустим, что наше дело безнадежно проиграно...

Но Россия — не Бельгия, в несколько часов её не исколесишь. Даже чтобы её просто оккупировать, без сопротивления, нужны огромные силы и средства. Найдёт ли их коалиция

центральных империй немедленно и в достаточном размере, когда война продолжается на западно-европейских фронтах? Рискнёт ли она распылить свои утомлённые войска по необъятной России?

Значит, у нас будет некоторое время, чтобы собраться с силами, если не в надежде успешно отразить наступление противника, то хотя бы для спасения остатков того технического и материального аппарата, который погибает теперь на фронтах и может быть захвачен центральными империями.

Нужно всё боевое и материальное снаряжение армий увезти в тыл, при постепенном отступлении перед неприятелем в случае необходимости, пока народы России успеют организовать свою боевую мощь. В 1918 году, быть может, нам придётся привести в исполнение завет 1812 года в новом виде и новыми приёмами.

Дело не терпит, его нужно организовать с быстротой и стройностью боевой операции.

Но откуда взять средства, когда казна пуста? откуда взять людей, когда огромная часть армии разбрелась по домам?

Почин в деле создания армий отчаяния и армий социалистических надежд должны положить промышленные центры — города, в первую очередь сердце России — Москва.

Каждый городской район должен выставить свою роту, содержимую районной кассой домовых комитетов. Районные роты, объединившись, образуют полки, дивизии, корпуса и целую Московскую Армию.

Дело идёт не о том, чтобы отстоять ту или другую окраину, когда-то насильственно присоединённую к России, — не о воспрепятствовании урезкам новых территорий, но о самом спасении социализма, о переходе всей земли в деревнях и в городах со всеми недвижимостями к народу, о передаче фабрик и заводов в руки рабочих.

* * *

Всякая современная армия требует обученного в теории и опытного на практике кадра профессиональных работников-руководителей. Этот кадр уже готов: это всё то идейное офицерство, которое сейчас, поруганное, оскорблённое, бессмысленно отброшенное от столь необходимого для трудового народа дела самообороны и спасения социализма, обречено на бездействие или ищет на стороне, в физическом и ином труде, средств для существования.

Кадровое офицерство, по приглашению районных союзов домовых комитетов, в кратчайший срок организует районные наборные комиссии и наскоро обучит районные роты, одетые, обутое и довольствуемые районными кассами домовых комитетов. Вооружённые всё ещё громадным боевым снаряжением, уцелевшим от царской армии, районные роты выдвинут на

фронт маршевые части для спасения того, что возможно спасти ещё, для задержания или хотя бы затруднения триумфального нашествия противника, пока представится возможность заключить независимый мир и обеспечить дальнейшее свободное социалистическое правительство.

Довольно демагогии, довольно лже-демократизма! Профессиональные знания не могут быть созданы, ни оценены общими выборами и механическим подсчётом голосов. Выборы имеют смысл только по профессиональным категориям знаний.

Новая армия должна быть строго дисциплинирована и руководима профессиональным союзом специалистов военного дела — офицерством.

Нужно откинуть слепую партийность, узкие классовые подразделения — эти плоды теорий, уже пережитых стремительным развитием истории.

У нас, в промышленной России, нет организованной, борющейся буржуазии: капитализм низвергнут в прах, производство разрушено.

Наступило время социалистического строительства, настала пора на развалинах капитализма создать социалистическое производство, объединить всё общество, прекратить бесцельную междоусобицу и поднять народное ополчение на борьбу с единственным непосредственным врагом — военной коалицией центральных империй, затеявших эту войну для утверждения господства своего мощно развившегося капитализма на мировом рынке.

В этой борьбе русского социализма с германским милитаризмом всё идейное офицерство будет с народом. Оно только ждёт призыва, чтобы со всей молодой энергией одних и боевым опытом других постоять за народные интересы и за социалистическую родину.

Сердце России должно подсказать и своим примером показать путь к самообороне, без которой немыслима никакая личная свобода, никакое экономическое равенство, ни социальное братство.

Примечания

[1] «Возможна ли анархическая социальная революция?» Издание «Почин», Москва, 1918 г.

[2] См. мои статьи в № 6 и 7 «Анархии» от 15 и 25 октября 1917 г., под заглавием «Будьте последовательны!» и «Хотят провести» (под псевдонимом Арсен Сарян).

[3] В порядке изложенной идеи интересно отметить следующее сообщение из Петрограда, появившееся в «Русских Ведомостях» от 24 ноября 1917 г. за № 257:

«Боны частных банков. — Ввиду того, что Государственный банк не отпускает денежной наличности частным банкам, в среде последних возникла мысль выпустить собственные

боны, которые бы имели хождение среди клиентов банков наравне с кредитными билетами. Боны эти будут представлять особые обязательства, скреплённые подписями членов правления частных банков, по требованию клиента уплатить сумму, проставленную на обязательствах, кредитными билетами. Впервые мысль о выпуске таких бонов возникла в Петрограде, когда решался вопрос об эвакуации банков. В настоящее время вопрос о выпуске бонов находится в стадии обсуждения и разработки. Весьма возможно, что у нас наряду с государственными будут в обращении и частные банковские билеты.

То, что пытались организовать свободным почином частные банки, тем более осуществимо союзом городских банков.

[4] Имеются сведения, что в Кронштадте это начало проведено в жизнь, и нетрудоспособные получают от домовых комитетов определенную помощь по установленной прожиточной норме.

[5] Можно себе представить, как изменится самый характер периодической печати, когда она, вместо бесплодной, вредной, проникнутой враждой и злобой политической борьбы и ядовитой политики, займётся обсуждением общепользовательных практических вопросов.

[6] Аналогично Всеросс. Земскому и Городскому Союзам, в начале их деятельности.

[7] Прожиточные нормы для рабочих всех профессий, по справедливости, не должны быть арифметически одинаковые, а пропорциональны числу душ в семье, прокармливаемых каждым рабочим, подобно пайкам, выдававшимся беженцам и солдатским семьям во время войны.

[8] Эта самая система лежит, в сущности, в основе возникновения капиталистических акционерных предприятий и современных кооперативов.

[9] Эту особенность вспыхнувшей войны предсказал в самом её начале П.А. Кропоткин. «Теперьшняя война, — писал он 21 сентября (4 октября) 1914 г., — творит новую историю. Она всем народам ставит новые условия общественного строительства».

(«Письма о текущих событиях». — Москва, Издание «Задруга», 1918 г.).

Утренний гудок

Предисловие

В период глубоких общественных потрясений, когда со сказочной быстротой распадаются обширнейшие государства и рушатся вековые учреждения, когда бурно изменяется весь уклад жизни и взаимоотношений разных слоёв населения, взгляды людей, их теории относительно общественных явлений, их понимание жизни не могут оставаться неизменными. Революции на деле выявляют недочёты и заблуждения старых учений. Ломка отживших общественных порядков сопровождается пересмотром идеологии учений, сложившихся при иной обстановке и при иных условиях.

Волна обновления не могла не размыть и идеологию анархизма.

Новые идейные веяния в этом учении теперь пробуждаются не теоретическими изысканиями, не гадательными предположениями, а диктуются самим ходом событий и стремительно текущей жизни.

Жизнь властно требует немедленных ответов и быстрых решений на свои запросы.

Она не даёт досуг систематично изучить, планомерно изложить, сжато выразить выводы из её уроков.

Выпускаемый сборник статей является откликом анархиста на разрозненные запросы жизни. Несмотря на злободневную форму многих из них и раскинутость затронутых вопросов, тем не менее внимательный читатель уловит связующую нить единства мировоззрения и метода изучения явлений.

Мировоззрение это — естественно-историческое, ищущее основу общественности в биологии, в развитии психо-физиологии животного мира.

Метод изучения — исходит от фактов, от наблюдения конкретных явлений для того, чтобы перейти к обобщениям.

Что бы ни говорили теоретики с предвзятыми мыслями, прогресс, и в мирное, и в революционно время, есть результат реагирования психо-физиологической природы человека, — его чувствований и его мышления, — на внешние условия жизни.

И если последующие страницы пробудят хоть кое в ком чувства и мысли в направлении важнейшего фактора эволюции, — объединения для взаимной помощи, — то цель, побудившая автора, не писателя по профессии, взяться за перо, будет достигнута.

1) Утренний гудок

Если всмотреться в общий ход современной, небывалой, в одно и то же время кошмарной и волшебной жизни, то мы увидим, что человечество в муках страданий взбирается на новую ступень цивилизации, откуда открываются необъятные горизонты для общественного строительства на новых началах, — предугаданных предтечами социализма, прозванными за свою дальновидность «утопистами», — на началах свободы от гнёта власти и материальной нужды.

Если мы всмотримся в бурлящую вокруг нас революцию, то мы убедимся, что она не может уже окончательно улечься до тех пор, пока «всё производство необходимого, равно как и распределение созданных богатств не будут организованы для удовлетворения непосредственных нужд всех» (Кропоткин).

Но наша революция неизменно ежедневно даёт нам чувствовать своё «греховное зарождение». Она — плод ужасной войны, а не пробудившейся мысли. Поэтому она так жестока, поэтому она так обилует проявлениями произвола и бесцельных насилий.

Нет, нет! Произвол — не революция, бесцельные насилия — не социализм.

Это — болезнь, ужасная болезнь, переживаемая человечеством.

Это — зараза, тлетворная зараза, рассеянная мировой войной и опустошившая шаткие устои нашей отсталой общественности глубже, чем в других странах.

Это — порождение заблудившейся мысли, это — вложение конкретного содержания в ложную проповедь, будто слепая сословная борьба — путь к прогрессу.

Это — плоды невежества, это — незнание научного закона, что основным двигателем общественного развития является взаимная помощь, и что путь к слиянию всех сословий в одно человечество — в объединении всех для борьбы за лучшее существование.

Самый насущный запрос текущей бурной жизни, это — понять, что выше сословной морали распадающегося капиталистического общества стоят общие интересы человечества, стоит общественная этика нарождающегося нового строя.

Без нравственных устоев, обязательных как по отношению у друзьям, так и к врагам, нет пути к прогрессу, нет дороги к социализму!

Никто не имеет права пройти мимо, никто не должен дольше молчать, когда банды самозванцев присвоили себе право самовольно распоряжаться жизнью каждого и всем

общественным достоянием, к которому нужно приложить широкую инициативу знаний каждого из нас и плодотворную общественную самодеятельность, чтобы создать действительно обновлённую жизнь.

Нет среди властвующих верхов ни искренних, ни фанатиков.

Фанатики не меняют своей проповеди, как змеи шкуру.

Фанатики не крестятся сегодня двумя перстами «братанья», а завтра тремя перстами «обороны».

Искренние?.. Самые слепые давно бы прозрели, когда и камни вопят...

Настали опять времена борьбы с самодержавием личностей и произволом нового чиновничества.

Товарищи-рабочие, вы все, что у станка, у сохи, у письменного стола, вслушайтесь: раздаётся утренний гудок!

То вас зовут анархисты на дружную работу для создания новой жизни — жизни истинной свободы, довольства для всех и радости существования.

Задача сложна и многогранна. Но она же и прекрасна!

Не под силу нам одним. Помогите, подсобите, чтобы наш идеал стал вашим идеалом, чтобы он стал идеалом всего общества, самим обществом.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 59, 15 мая.

(Подпись: А.Л. Атабемян — *sic!*)

2) Над свежей могилой

В период глубоких общественных потрясений, подобных переживаемым теперь народами России, когда всё старое, отжившее распадается и рушится с головокружительной быстротой, а новое, нарождающееся не успело ещё оформиться и окрепнуть, на передний план общественной арены выступают самые крайние импульсивные элементы. Для их деятельности открывается простор и раздолье. Свои беспорядочные порывы в хаотической среде общественной дезорганизации они сами и ошеломлённые зрители принимают за реальную силу и революционное творчество.

После феерического крушения архаического русского самодержавия и эфемерного объединения всей страны поле деятельности по внешности осталось за Временным Правительством. Но старые общественные устои были слишком широко и слишком глубоко расшатаны, чтобы аппарат государственной власти мог успешно руководить и справиться с огромной, необозримой, бесконечно разнообразной и неотложной задачей установления повсюду новых общественных порядков на прочных основах.

Процесс разложения продолжал идти своим естественным ходом и разразился в бурный, жестокий, кровавый октябрьский переворот, вознесший на гребень волны бушующей революции прямолинейную и неразборчивую в средствах партию демагогов, получивших власть за грубую лесть смутному ещё, но глубокому инстинктивному стремлению народных масс к новым общественным порядкам — к порядкам, основанным на началах свободы от гнёта государственной власти и на экономическом равенстве всех.

Всякая власть по своей природе консервативна, уже по одному тому, что она стремится прежде всего упрочить и продлить своё существование. Завладев аппаратом управления, большевики пытаются воскресить, подобно Временному Правительству, но неслыханными до сих пор приёмами насилий и жестокостей распадающуюся государственную власть.

К счастью, не в их силах остановить ход истории.

Логическое развитие процесса разложения государственной власти ведёт к новым общественным порядкам, — к государственному строю без принудительной власти, к анархизму.

Но внутренний процесс перестройки общества на новом начале безвластия ещё не закончен, а потому на поверхность общественной жизни всплывают самые импульсивные элементы, примкнувшие к идеологии нарождающегося нового строя.

При своих выступлениях импульсивная часть анархистского рабочего движения мало заботится о соблюдении строгой логической и тактической последовательности по отношению к тому высоко этическому научному учению, под ореолом которого она действует.

Такова уж судьба самых возвышенных социальных учений: проникая в плохо подготовленные массы, они искажаются до неузнаваемости, пока упорный труд сознательных прозелитов не поднимет эти массы до правильного восприятия нового учения.

В отношении уклонения от начал своего учения импульсивные анархисты очень схожи с большевиками.

Это сходство в оторванности от своей основной идеологии во время переворота тесно сблизило «активных» большевиков с импульсивными анархистами.

Но процесс разложения государственности не остановился. Он дошёл до грани, дальше которой большевизм не может идти без самоотрицания.

Государственной власти и анархии более не по пути.

Большевицкая власть остановилась у грани государственного капитализма.

Анархист Толстой в одном из своих писаний говорит, что нет настоящего: есть прошлое и будущее, и есть точка соприкосновения между ними.

Ты — прошлое, большевистская власть! В ночь на 12 апреля ты сама себя похоронила.

Анархизм же, очищенный от монополизированных тобой приёмов дезорганизованных экспроприаций и проявлений произвола, — молодое будущее.

Анархизм — единственный пылающий светоч, могущий вывести человечество из того тупика истории, в который его завела его мировая война.

Нет настоящего, — говорит Толстой. Перед нами выбор: или вернуться к прошлому, хотя бы в форме государственного капитализма, с неизбежной угрозой новых войн, или же движение вперёд, к коммунистическому анархизму.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 48, 28 апр.

3) Голос из пустыни

В самый разгар большевистского переворота, 28-го октября, я обратился к товарищам с ниже приводимыми словами.

Тогда никто не захотел меня слушать. Тогда, буквально, мой голос раздался в пустыне.

Быть может, так и следовало. История имеет свою логику. Она разнится от логики индивидуальной.

Ходом событий руководит логика исторической целесообразности. Если бы в октябре анархисты остались чуждыми народных заблуждений, быть может, анархистское движение не имело бы того большого влияния на рабочие массы, которым оно пользуется теперь.

У истории логика целесообразности, но история даёт и свои уроки наглядного обучения.

Голос, раздавшийся 28-го октября в пустыне, тем не менее остаётся голосом истины.

Вот что я писал тогда:

«К товарищам анархистам.

На подмостки политической власти всходит новая партия — большевики. Гражданская война в полном ходу.

Товарищи, во имя цельности наших начал, — в них только сила и наши надежды, — воздержитесь от этого *политического* выступления, как вы воздерживаетесь от *их* выборов. Если вы ошиблись и стали на этот путь гражданской войны, а не социальной революции, скорее уйдите с него, не выпускайте челн дорогих нам идеалов по чуждому течению: всё равно он разобьётся об уготовленную большевиками в конце течения *власть*.

Уже первое обращение их Петроградского Временного Революционного Комитета, — читайте: «правительства», полно угроз ареста и преследований против всех инакомыслящих, «не присоединившихся» к ним. — На это ли мельничное колесо вы хотите лить воду?

Заблуждают они народ своим лозунгом мира. Вчера они раздували энтузиазм обещанием *немедленного мира*, сегодня уже они нам говорят только о «*немедленном предложении демократического мира*».

Кому они предложат? Народам всего мира? Да ведь уже два раза русская демократия протянула им руку, и оба раза рука эта повисла в воздухе.

Значит, предложат империалистическим правительствам союзных и воюющих с нами держав. Да станут ли державы с ними разговаривать? Чем заставят они союзные державы принять *демократический мир*? Нашей слабостью? Нашей дезорганизованностью? Или угрозой сепаратного мира?

Но ведь ясно, что союзники *и без нас*, с Америкой *вместо нас*, продолжают войну. И тогда это будет не сепаратный мир, а позорный союз русского народа с германским милитаризмом и перенесение войны на новый фронт.

Единственный путь помочь народу получить столь желанный мир, это организовать борьбу не только с внутренним капитализмом, но и с внешним милитаризмом.

Разве к этому приглашают большевики у преддверья власти? Разве поднимают они народное ополчение против злейшего врага мира, тевтонского милитаризма, после низвержения нашего внутреннего абсолютизма? А ведь без этого никакая *сепаратная социальная революция невозможна*.

Большевики обещают народу *хлеб*. Какими средствами? Их «военно-революционный комитет в Петрограде предложил всем служащим экспедиции заготовления государственных бумаг не оставлять своих работ», возвещает телеграмма. Соловья баснями, а народ бумажным хламом обанкротившейся государственности не кормят. Нужно организовать производство и обмен руками самих рабочих, без хозяев. А разве внезапным политическим переворотом это делается?

Даже захват анархистами одной-единственной типографии обречён на неудачу, так как анархистское издательство недостаточно организовано, чтобы оно *немедленно смогло прокормить* типографских рабочих.

Социальная революция производится не *захватами*, а *организацией*.

Большевики обещают крестьянам землю. Земля, как и свобода, *не даётся, а берётся*. Где пошли большевики с народом для передачи ему земли? Или вы верите, что они в состоянии это сделать декретами?

Последнее их обещание, «народная власть», это они исполняют. Недаром претендуют они быть «единственными», «истинными» выразителями воли народа.

Товарищи-анархисты, откройте ваши глаза на большевизм, как он есть, а не как он вам рисуется.

Не бесполезным кровопролитием, не во время гражданской войны за захват власти совершается социальная революция, а организованным переходом производства в руки трудового народа, без власти, *в политической анархии*».

4) Утерянный путь к идеалу

Трудно нам, современникам, — невольным зрителям и участникам величайших, быстро сменяющихся исторических событий, — приглядеться к ним, уловить логическую нить их развития и руководствоваться ею. Мы не можем отрешиться от действительности, отойти в сторону, наблюдать, внимательно оценивать явления, чтобы не ошибиться: жизнь не ждёт, она властно требует от нас немедленных решений и соответствующих действий.

Когда у нас отсутствует (правильное или ошибочное, суть не в этом) понимание событий и запросов текущей жизни, тогда у нас исчезает и решительность; тогда парализуется сама воля, появляется безразличное отношение к потрясающим событиям.

Такое именно оупение общественных чувств переживает теперь Россия. Уже прошло немало времени после заключения некогда столь желанного всеми мира и его ратификации. Почему продолжается такая подавленность духа? Какая причина упадка общественной энергии?

Причина в том, что нами утеряна нить развития истории, нами утерян путь к идеалу.

Причина в том, что после целого года энтузиазма, увлечений и ошибок мы опять очутились у «разбитого корыта», предсказанного Керенским.

Причина в том, что мы, ослеплённые ложными, давно устаревшими теориями, возомнили создать всеобщую солидарность — социализм, на безразборчивой гражданской и междоусобной войне, приведшей к полному общественному разъединению и международной моральной и материальной изолированности.

Лишённые критического чутья, наши митинговые интернационалисты возомнили себя драгоценными самородками среди враждебной стихии империалистических вождельней.

Не доглядели они, что за время войны общественные и государственные взаимоотношения народов и самые цели войны неуклонно меняются.

Ослеплённые демагоги, они продолжают всё твердить: капитализм капитализму равен, империализм — империализму.

Оказалось на деле иное.

Оказалось, что старые капиталистические государства за время затянувшейся великой войны сдают свои позиции одну за другой. Они изжили свой век. Они склоняются перед нарождающимся социализмом, а молодая капиталистическая Германия... мы до сих пор не пришли ещё в себя от ошеломляющего удара и последствий, продиктованных ею циничных условий мира.

Рядом с этими условиями не отходной ли над старой государственностью звучат слова президента Северо-Американских Соединённых Штатов: «настоящая война повлияла на разум и волю всего мира... Мы боремся за новый международный строй на широких мировых принципах права и справедливости... Все пробудившиеся народы мира являются в настоящее время судьями всего... «Самоопределение» — не пустое слово, а властная, действенная сила... всякий территориальный спор, связанный с войной, должен быть разрешён в интересах и к выгоде населения»[1].

И уж конечно, эти мысли внушены не заискиванием перед политическим бессилием наших интернационалистов у власти со стороны президента могущественной капиталистической республики. Наши государственные социалисты заимствовали у заокеанской демократии её внешность, но не внесли в лозунг «федерации» новое содержание. Они стремятся, подобно Временному Правительству, воскресить умирающий империализм и опаснейший из империализмов — социалистический империализм!

История стремительно развивается, жизнь неудержимо меняется: нужно на лету учиться у жизни!

Пора отбросить устаревшие теории и их жрецов, которые копаются в писаниях иного века, как раввины в Талмуде и попы в Библии. Пора откинуть дурман их лженауки и их демагогические приёмы действия.

Только при этом условии мы снова станем на верный путь к социалистическому идеалу, только на этом пути мы обретём спасительное общественное и международное объединение.

Не своими экономическими последствиями страшна победа Германии.

Утвердив своё мировое господство, она отведёт каждому рабочему его место в государственном капиталистическом стойле.

Победа Германии страшна тем, что она — гибель народных идеалов, гибель стремления к местному самоопределению и к свободному социальному строительству.

Но всё ли погибло?

Пути истории покрыты туманом для современников.

Не для того ли она сокрушила до самых основ могущественную Российскую империю, не для того ли она расчленила её народности и низвела Великороссию на степень Бельгии, Сербии и Армении, чтобы вывести человечество из заколдованного круга государственной власти на путь нового международного строя и новых общественных порядков; на путь к новой ступени цивилизации, основанной на хозяйственном территориальном самоопределении, без власти и принуждения, без политических и таможенных границ?

Бельгия, Сербия и сама Армения, защищавшая своими слабыми силами покинутый «интернационалистами» Эрзерум, побеждены, но не покорены.

Настал черёд и для многомиллионного русского народа вступить в их ряды.

И если за Россией та же участь постигнет и Францию, и Италию, то вникающие в ход истории, быть может, должны сказать: ближе к цели, мы продвигаемся на пути истории к идеалу. Лишь бы не был сломлен дух свободы, лишь бы Германия завоевала, победила и эти страны, а не покорила их.

Ей тогда придётся, окружённой кольцом враждебных, временно притаившихся народов вести войну с Англией и Америкой.

Исход этой борьбы ясен: в ней погибнет от взаимного истребления последняя форма государственной власти — мировой империализм.

Мировые империи всегда строились на расчёте покорности новых стран, после победы более сильной. Мировые империи всегда были «колоссами на глиняных ногах». Германия не составит исключения, иначе бы мы не видели противоестественного союза цивилизованной страны с полудикой турецкой государственностью. Германия, при всей её внешней технической броне, внутренне немощна.

Пушками и удушливыми газами свободного духа, «разума и воли всего мира», — не покорить.

Подписанный большевиками мир — «передышка», взятая германским империализмом для закрепления своей власти, но не для нас, стремящихся к уничтожению гнёта всякой власти.

Мир, подписанный большевиками, не предательство России, — над русской государственностью уже был поставлен крест, — а предательство международного социализма.

Мир, подписанный большевиками, не может остаться миром свободного духом великого народа.

Победа врага не может стать конечной, пока не сломлен дух побеждённого.

В сознании народа шире расчистить утерянный путь к идеалу через общественное объединение без сословных привилегий, ни старых — помещичьи-капиталистических, ни новых — лже-«рабоче-крестьянских», и он воспрянет духом для новых усилий в борьбе за экономическое равенство — социализм; он воспрянет для борьбы с опаснейшим воплощением власти, с самой германской государственностью, и для создания свободного «нового международного строя» — анархизма.

[1] Из речи, произнесённой 11-го февраля 1918 г. перед конгрессом.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 90, 21 июня.

5) Клин за клином вбивают

Давно это было, — забыл даже, в каком году. Заседал международный съезд врачей. Со всех концов света съехались знаменитые лекари и учёные профессора. Обсуждали, как всего лучше исцелить крупозное воспаление лёгких. Разбились на партии, горячо спорили, с цифрами в руках, со статистическими выкладками расхваливали разные средства. Кто советовал лошадиные дозы наперстянки, кто белогорячечные количества вина, кто холодные ванны, кто припарки, — разве перечесть, чем лечат одну и ту же болезнь!

В стороне сидел самый простой и самый учёный из них и молча слушал. Наконец обратились к нему: «Что же вы не скажете ваше вещее слово, учитель?»

Поднялся с места обрамлённый сединой и умудрённый опытом учитель, медленно взошёл на кафедру, внимательно оглядел всех и задумчиво спросил: «А вы не пробовали ничего не давать больному? У меня они этим путём прекрасно излечиваются».....

Так собрались все партии у постели больной России и наперерыв каждая предлагает свой рецепт, один ядовитее другого.

Кадеты теперь только додумались до диктатуры, до произвола личности или группы над всеми, а большевики давно применяют её всюду, и уже договорились до «диктатуры над частью пролетариата» и завтра же откровенно объявят её над всем пролетариатом и всем народом! Народные социалисты хлопчут о соглашении партий на каком-нибудь новом уродстве. Эс-эры, меньшевики и сами «научные» интернационалисты мечтают оживить труп учредительного собрания. Даже часть анархистов, и те потянулись к власти: в комиссариаты, в советы, в исполнительные комитеты. От власти не стало обывателю-народу ни мочи, ни житья.

Клин клином, власть властью вышибают.

И чем чаще вышибают, тем глубже, тем больше вбивается новый клин в живое тело больной России.

А там, в стороне, со скорбью в сердце по больной России, с тоской в душе за её судьбы, молча сидит маститый старец. Давно он сказал: «Перестаньте поить ядом власти большое общество! Так оно вернее исцелится»...

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 49, 28 апр.

6) Коммунизм

В широких слоях народа с понятием о «коммунизме» связываются довольно смутные и даже отталкивающие представления. Одни считают коммунизм досужей фантазией, другие видят в нём введение казарменного уклада жизни для всего общества.

Если бы и те, и другие внимательнее всмотрелись в хозяйственную жизнь городских общественных самоуправлений новейшего времени, то они убедились бы в том, что в сущности начала коммунизма не со вчерашнего дня стали всё более и более претворяться в жизнь.

Когда городские самоуправления вводили подоходное обложение, то они стремились взять «с каждого по его средствам» (вопрос не в том, насколько полно и справедливо осуществлялось это начало); а когда те же самоуправления заботились о благоустройстве городов, которым пользовались все: о мощении и чистоте улиц, о содержании городских садов и скверов, о внешнем освещении, об общественной безопасности, о бесплатном первоначальном обучении детей, о бесплатной медицинской помощи и санитарных службах и т.д., «для каждого по его потребностям», то во всём этом имелись зачатки коммунизма.

Если при дальнейшем развитии хозяйственной жизни городов трамвайное движение станет всё более и более удешевляться (вместо временного повышения платы в связи с хозяйственной и денежной разрухой, вызванной войной) и, в конце концов станет даровым, как это было для солдатских масс в России, а в некоторых городах Австралии осуществлено для всего населения, то это будет дальнейшим развитием коммунизма.

Если в один прекрасный день (после излечения хозяйственной разрухи, причинённой войной) каждый житель будет получать хлеб, а затем и соль, и картофель, и селёдку, и чай, и сахар, и т. д., бесплатно, как воду и воздух, по нормам потребления или, при изобилии, совсем без ограничений, то в этом не будет ничего нового: это будет дальнейшим логическим развитием коммунизма: во всяком случае, это не будет досужей фантазией, так как применялось за время войны к миллионам беженцев и пострадавшего местного населения.

Переживаемые нами годы мировой войны и революции, являясь результатами капиталистического общественного хозяйства, сделали упразднение капитализма и расширение коммунистического начала на всю хозяйственную жизнь народов — на производство, товарообмен (торговлю) и распределение продуктов — неотложной практической необходимостью.

Вопрос только в том, как это осуществить?

Два пути ведут к цели.

Один — чиновничий, принудительный, государственный, другой — народный, свободный, анархистский.

Два социалистических течения сейчас проповедуют коммунизм: государственные коммунисты (большевики) и анархисты-коммунисты.

Первые ведут к цели путём захвата власти и хозяйничанья чиновников-комиссаров над народом.

Вторые ограждают народ от произвола власти, чтобы народ сам стал хозяином своей жизни.

Большевики говорят: «Мы отбираем все фабрики, заводы и промысла у капиталистов, мы их «национализируем» и своей «централизованной» властью (лозунг «федерации», исключая центральную, они выкинули так, для приманки, чтобы морочить народ, как морочили его лозунгами о мире, об учредительном собрании, об отмене смертной казни), облагодетельствуем народ. Мы дадим каждому возможность трудиться, соберём все плоды их трудов и распределим все созданные богатства по справедливости, по потребностям каждого, по прожиточным нормам, установленным для каждого».

Анархисты возражают: «Не мешайте заводским комитетам, при равноправном в них участии людей со специальными знаниями и опытом — сотрудников технического надзора и административного распорядка, организовать производство на общих, коммунистических началах («коммунистический» по-русски значит общий), — не мешайте объединениям потребителей, кооперативам, свободно производить товарообмен (торговлю); не мешайте домовым комитетам равномерно распределять продукты. Тогда все они скорее, лучше и справедливее организуют общественное производство, товарообмен и распределение для общей пользы всех, чем ваши чиновничьи комиссариаты.

Они согласуют разные отрасли народного хозяйства в советах, ставших органами совещаний, свободных объединений и всеобщей взаимной помощи или взаимного страхования трудом, вместо арены демагогии, гнёта власти и раздоров среди самих трудящихся, как теперь».

Два пути ведут в царство коммунизма, но ворота одни. Эти ворота — общественное совещание, советы.

Большевики, захватившие власть через советы, твердят:

— Вся власть советам.

Анархисты же говорят:

— Долой власть, да здравствуют советы, освобождённые от ядовитого яблока раздора — от власти.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 78, 6 июня.

7) Сказка бабушки

Много пишут за последние дни о «событиях чрезвычайной важности» на Украине. Что же на самом деле произошло?

Произошло очень немногое: бабушка-история рассказала старую сказку на новый лад.

Вот эта сказка:

«В некотором царстве, в некотором государстве правил тридцатью народами царь по имени Самодержец.

Смерти никому не миновать.

Умер царь Самодержец, и вот дети стали делить наследство, *власть*.

Старший говорит:

— Я и великоросс, и большевик, — мне вся власть.

А малоросс-то с краю брюзжит:

— Хотя я и мало-рос, а всё-таки свою долю требую, хочу выделиться. Вот гляди: самоопределяюсь!

Ссорятся братья меж собой, а тем временем на заборе притаился соловей-разбойник и ждёт, что из этого выйдет.

Подошёл старший брат к соловью и говорит:

— Хоть ты и разбойник, и зазорно мне якшаться с тобой, но давай мириться, чтобы после вольготно было мне с меньшими братьями расправиться. А за твою мир-дружбу возьми всю мою артиллерию на фронте.

Забрал соловей-разбойник всю артиллерию, а в это время подбегает меньшей брат и молвит:

— Ты не разбойник, а самим богом данный мне добрый сосед. Услужи, дружище, помоги мне одолеть моего злого брата-большевика, который захватил всю власть, я же тебе за это хлебушка отсыплю полный зобик, по горло сыт будешь.

Взял соловей-разбойник то самое оружие, что от большевика получил, прогнал большевика прочь, разинул пасть и ждёт.

Отсыпал ему «самостийный» меньшей брат три миллиона пудов зерна, урезанного у родной семьи, запыхался и хотел «передышку» сделать.

Тем временем соловей-разбойник обернулся в дядю Пуда и стал вопить:

— Мало! Мало!

Тут выскочил из норы, куда запрятался во время ссоры братьев, третий сын покойника Самодержца, — родной, кровный сын (те двое были побочными, от чёрной плоти), — по имени Диктатор.

Обернулся налево Диктатор, зарычал львом, обернулся направо, завилял хвостом, и молвил соловью-разбойнику:

— Я ли не умею прислуживать? Я ли не служил верой-правдой батюшке-царю?

Отсыплю я тебе весь хлеб, дочиста вымету закромы, тебе и трудиться не придётся. Дай мне за это законное наследство моего родителя — «власть»!

Дал теперь соловей-разбойник власть над Украиной третьему брату, Диктатору, и ждёт с разинутой пастью...»

Ну, детки-народы, пора спать! Конец сказки узнаете, когда проснётесь, а пока вот вам мой наказ:

«Когда с разбойником дружишь, оружие из рук не выпускай.

Не властвуй над братом, не станешь ссориться с ним».

Впервые напечатано: Анархия. 1918. №

8) Переговоры о мире

Съехались в Киеве представители «так называемой» советской власти и «так называемой» украинской диктатуры, — съехались и, окружённые германо-австро-болгаро-турецкой военной сворой, по указке «неназываемого» владыки, мирятся.

Мирись, великий безвольный русский народ!

Три века ты мирился с властью родного произвола: мирись с чужеземным!

Ты мирился, когда твои чиновники снимали последнюю рубаху с родного мужика: мирись, теперь будет снимать её германский чиновник!

Ты мирился с нашествием монголов с Востока, с татарским игом: мирись с нашествием тевтонов с Запада, с германским игом!

Ты мирился, когда твои власти отнимали у Украины её родной язык, её самоуправление: мирись, сегодня по прямому проводу и без провода, на чужеземном наречии, тебе диктуют, каким голосом петь!

Ты мирился, когда Грузию «добровольно» присоединили к России: мирись, теперь тебя свободно «самоопределили» и пристегнули твой «оазис» к германской державе!

Ты мирился, когда твои власти в Закавказье травили татар на армян: мирись, — там, по указке иной власти, слились в один поток кровь мирных русских жителей с армянской!

Мирись!..

Или, как раб, разрывающий цепи, ринься с голыми руками в жестокий бой и, подобно новому Иисусу, ценой своей смерти, сущим в рабстве, новую, свободную от власти, жизнь даруй...

Впервые напечатано: Анархия. 1918. №

9) Свобода слова

Не к анархистам обращаю эти строки: у анархистов — одна свобода: она без рубрик и категорий: это — свобода от власти человека над человеком.

Но вы, от кадетов до большевиков, вы, вписавшие разные свободы в свои программы, в том числе и свободу слова, почему вы преследуете друг друга?

Вчера «правые» преследовали «левых» — подвергали цензуре, судили и закрывали их газеты; сегодня «левые» душат голос «правых», — и судами, и без судов.

У нас, у последовательных анархистов, одна свобода, равная для всех, от товарища-монархиста до левейшего анархиста.

Товарища-монархиста?..

Ну, да! После того, как в Уфе председатель военно-революционного трибунала назвал обвиняемого «товарищем-вором», отчего бы и монархистов не назвать товарищами?

Не страшны нам монархисты без власти: без власти — они наши товарищи, люди. Нам не страшна, нам ненавистна власть, в чьих бы руках она ни находилась.

Нашей свободе не страшна свобода слова даже для заблуждающихся монархистов: лучший способ обезвредить их, лучший способ подбить крылья их орлу, — это дать им полную свободу говорить. Так были подбиты крылья у другой зловредной птицы — у религии.

Нам одинаково ненавистны преследования слова односторонними государственными судами, пусть то будут военно-революционные трибуналы или правопорядковые институты.

Мы требуем отделения правосудия от государственной власти и будем требовать отделения от власти всех общественных служб. Когда осуществится это, осуществится наш идеал, — общественный строй без власти и принуждения, — тогда воцарится анархизм.

Мы требуем отделения правосудия от государства и в первую очередь по отношению к печати.

Пусть все частные жалобы на печать разрешаются примирительными, а затем, по мере надобности, обязательными третейскими судами.

Пусть во всех жалобах общественного порядка выступает стороной — тоже в третейских судах — профессиональный союз всех органов печати, или его фракционные отделы.

Исполнительный орган? Им будем мы все, им будут общественное мнение и наша профессиональная этика.

Они куда действительнее и могучее, чем всякие пристава, комиссары и тюремщики.

Товарищи-юристы, встряхнитесь! Отбросьте прах римского права, отбросьте рутину преклонения перед законами государственной власти. Зарождается новое обычное право, — право профессиональной этики трудового народа. Ищите, оформите нам его законы методами юридической науки, освобожденной от тисков и традиций застывших законов государственной власти, — власти, мертвящей искания свободной научной мысли.

Товарищи-юристы, не направо лежит путь для развития вашей науки, но в направлении так называемых «правовых порядков», а налево, к свободному правосудию.

Вы это поняли после встряски, заданной вам большевиками; вы тогда заговорили об организации свободных третейских судов и судов чести.

Неужели нам нужны еще новые встряски от бессознательных сил нарождающейся новой жизни, чтобы поставить вас на верный путь научного прогресса, отвечающий требованиям времени?

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 57, 12 мая.

10) Правосудие и анархизм

Было время, — не так отдалено оно от нас, — когда анархизм представлялся даже для самих его последователей далеким идеалом, для всего остального образованного общества — радужной утопией.

Стремительный ход истории поставил в порядке дня практической общественной жизни осуществление самых невероятных теоретических чаяний.

Мировая война коренным образом изменила основы капиталистического строя.

Во всех странах обеих борющихся коалиций она вызвала широкое вмешательство государственной власти в хозяйственную жизнь народов: в производстве, товарообмене и распределении продуктов потребления.

Новая стадия хозяйственного развития цивилизованных народов, это — государственный капитализм. Он по недоразумению у нас в России называется социализмом. Он является кратковременной переходной формой к назревшей новой ступени цивилизации, а пока поддерживается условиями и последствиями войны.

Государственный капитализм — хрупкая скорлупа, из которой уже пробивается настоящий свободный кооперативный социализм, — социализм, свободный от тисков принудительной государственной власти.

Стремительное развитие истории перенесло проблемы анархизма из области теоретического идеала на конкретную почву запросов текущей жизни.

Рядом идеологи отживающей государственной власти тщетно пытаются обосновать проблему власти. Не знаменательно ли, что самая последовательная государственная «демократическая» партия, — партия народной свободы, — теоретически договорилась до самоотрицания, до диктатуры?

А практически на Украине позорно впряглась в колесницу диктатора.

Корабль государственной власти тонет. Инстинктивно все живое стремится спастись. Все жизненные силы народа стараются самостоятельно организовать все те общественные службы, которые до сих пор составляли прерогативу государственной власти.

Общественные службы должны, и стремятся, отделиться от государственной власти. Они должны стать свободными, анархистскими.

В ряду общественных служб, тесно сплетавшихся в истории с государственной властью, правосудие занимало во все времена не последнее место.

Светила юридической науки и целые последовательные поколения недюжинных умов из года в год, из десятилетия в десятилетие, из века в век толковали о праве и справедливости.

Они заботливо старались воплотить справедливость в жизнь, уравнивать права публичного обвинителя и защиты.

Они считали право обвиняемого на последнее слово ценным завоеванием гуманности.

Но никто из них не поставил вопрос ребром: откуда исходит у слепой Фемиды право держать весы правосудия?

Для них всех, тонких мыслителей, тут не было вопроса, была аксиома: от государственной власти.

Но может ли быть разговор о равенстве прав обвинения и защиты, когда и обвинитель, и судья зависят от единой власти?

Выборные несменяемые судьи? Присяжные заседатели?

Но от кого получают жалованье одни? Чьи законы применяются при вердиктах и тех, и других?

Государственное правосудие не могло никогда стать правовым, так как по своей природе не могло осуществить основу справедливости — равенство сторон.

Понадобились чрезвычайные события, понадобился всеразрушающий революционный пыл большевизма, упразднившего было все суды и все законы, чтобы заставить наших профессиональных правоведов задуматься над практической проблемой свободного правосудия.

В этот самый минутный промежуток времени наши правоведы разработали исторический документ — *«Наказ комиссии по организации третейских судов при всероссийском союзе юристов»*.

Революционный пыл большевизма быстро угас. Потухла с ним и мысль наших правоведов организовать свободные суды, независимые от правительственной власти.

Большевики завели свои суды, пишут свои законы.

Большевики, по крайней мере, не лицемеры. Они не скрывают, как прежние режимы, что их суд — суд мести и сословной борьбы.

И все-таки, как всегда, наши правоведы поплелись на поводу у власти.

Тем не менее, выработанный ими «наказ» должен стать краеугольным камнем на повороте истории права.

Этот документ намечает практические формы, в которые может вылиться свободное правосудие.

Важна не форма, важно начало, проводимое им.

Этот документ предполагает то, что я писал о юридических нуждах населения в «*Социальных задачах домовых комитетов*»:

«Все обязательные судебные законы должны быть целиком отменены, но взамен их освободившаяся от тисков власти юридическая мысль создаст научные труды для выяснения и формулирования новых правово-этических норм. Все примирительные судебные инстанции, третейские суды и суды чести будут ими пользоваться не как обязательными застывшими, мертвящими жизнь формулами-законами, а как справочниками для правильного решения данного спора или дела, как врачи справляются в специальных трудах для правильного лечения больного».

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 72, 30 мая.

11) «Злостный налог»

Бывают налоги «прямые», когда у тебя отбирают деньги и кто-то там, наверху, чьим-либо фиктивным именем, бога или народа, распоряжается ими помимо тебя, не спросив тебя.

Это — открытый денной разбой.

Бывают налоги «косвенные», когда облагают акцизом или пошлиной предметы и продукты, без которых ты не можешь жить, или трудно тебе обойтись. Так грабители на большой дороге устраивают засаду, зная, что ты не можешь не пройти мимо.

Это — грабеж из засады.

Но есть еще один вид налога, который мы все, без исключения, платим аккуратно ежедневно, не подозревая, что нас обирают.

Это — когда правительство не пользуется доверием и все-таки продолжает печатать кредитки.

Экономисты говорят, будто кредитки должны быть обеспечены золотой наличностью. Но это в теории, в идеале. На практике курс кредиток показывает степень доверия, которым пользуется данное правительство. Если правительство продолжает печатать кредитки, несмотря на падение их курса, если правительство не пользуется доверием и все-таки продолжает пользоваться самовольно общественным кредитом, то оно походит на злостного банкрота.

При выпуске каждого нового рубля падает и цена рубля в кармане каждого из нас. Вот почему все дорожает до недоступности. Вот почему цены на хлеб безостановочно растут. Вот почему мы недоедаем, голодаем.

Причина голода не в государственной монополии и не в частной торговле, хотя капитализм, как частный, так и государственный, одинаковое зло. Причина в «злостном налоге», который злостный банкрот — власть — бесцеремонно, безотчетно выжимает из нас

печатанием кредиток.

Жизнь сама диктует, как нужно организовать товарообмен и распределение продуктов. Не руками бездельных, тупых, подкупных чиновников государственной власти и не алчной корыстью частной торговли, а свободным почином и объединением нас всех. Всюду возникают кооперативные объединения, всюду домовые организации создают закупочные и распределительные союзы. В бывшей столице, на одной лишь Петроградской стороне, в минувшем апреле действовали 444 потребительских общества, из них 340 домовых.

То же самое начало нужно распространить и на организацию производства, и на восстановление и улучшение общественных служб. Как для первого, так и для вторых домовыми объединениями делаются уже практические шаги.

Но широкая общественная самодеятельность — основа социальной революции, подрывается единственной действительной контр-революцией — государственной властью.

Власть стремится превратить наши домовые советы и их исполнительные органы — домовые комитеты — в отделения своих полицейских участков.

Нет нам спасения от голода, нет нам спасения от разрухи ни от государственной власти, ни от ее ходульного государственного капитализма.

Настала пора уничтожить «подлый яд власти над людьми» (выражение Максима Горького), но для этого нужно поскорее выбить у нее из рук самое опасное оружие — печатный станок заготовления государственных бумаг. Нужно разбить это оружие «злостного налога» злостного банкрота — государственной власти.

Пусть мы обеднели от войны, но не так уж обнищали, чтобы голодать. Печатными бумажками сыты не будем. Нужно восстановить и поднять производство. Но для этого нужно сделать все коллективное производство общественным, в руках профессиональных союзов, объединенных в советы, очищенные от «подлого яда власти». Для этого нужно восстановить кредит и финансовый, и общественный.

«Власть» и «совет» — два несовместимых понятия.

Для спасения от голода, прежде всего необходимо уничтожить злостного банкрота — государственную власть.

Нужно разбить опасное оружие «злостного налога» в ее руках — печатный станок. Нужно предоставить организацию общественного кредита самому обществу, его самодеятельности, его объединениям — кооперативам.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 63, 19 мая.

12) Финансовые реформы

Большевики — народ неугомонный.

Ничем они не смущаются.

Ни перед чем они не останавливаются.

Подобно разгоряченной лошади на бегах, закусив удила, они мчатся во весь опор, воображая, что движутся вперед.

На самом деле они вращаются в кругу ипподрома.

Даже не в заколдованном кругу, а в рамках старой скрипучей, еще более заржавевшей машины государственной власти.

Былые интернационалисты, они свели свой лозунг всеобщего демократического мира до позорного сепаратного мира с четырьмя монархами.

И цепляются, во что бы то ни стало, за свой мир.

Сепаратный мир всей России они свели на похабный мир «советского оазиса».

Предав международный социализм, логически они должны были предать и своих вчерашних соседей по порабощению... в новое порабощение.

Столь осязательные результаты во внешней, с позволения сказать, «политике» не смущают большевиков.

Теперь они мчатся, закусив удила, на «внутреннем» ипподроме.

Чем бешенее мчатся наши самородные социалисты по пути «социалистических реформ», тем очевиднее они вязнут в замкнутом кругу капиталистических порядков.

Там, на внешнем ипподроме, они мчались под влиянием страха и германской ставки, здесь, на внутреннем, уже усердствуют за «совесть».

На днях состоялся съезд представителей финансовых отделов провинциальных советов.

Финансовый вопрос в переживаемый нами момент острой продовольственной нужды является самым животрепещущим.

Кто говорит о финансах, говорит о деньгах.

Центральная Россия голодает не потому, что негде купить хлеба, а потому, что не на что купить его: нет денег.

Я говорю о настоящих деньгах, о звонкой золотой и серебряной монете.

Что такое деньги, как не тот же товар, который продовольственные организации посылали в производящие области в обмен на хлеб.

Только более удобный товар для обмена.

Можно быть архисоциалистом, но законов общественного товарообмена не изменить, как не изменить законов природы.

Услуга за услугу, труд за труд, товар за товар, — вот круг товарного обращения.

Коммунизм, это — всеобщее взаимное страхование трудом, а не дармоедство.

Можно на той или иной территории объединить население самым идеальным коммунизмом и упразднить внутреннее денежное обращение, но до тех пор, пока на земном шаре останутся жить народы, стоящие на иных ступенях цивилизации, деньги-товар останутся для внешнего обмена.

О чем говорили на финансовом съезде?

Обо всем, но только не о финансах, о настоящих деньгах.

Говорили о передаче местных финансовых отделов в ведение комиссара финансов (очевидно, о «федеративной» централизации).

Говорили о «классовой финансовой политике» (надо полагать, что вперед одни только капиталисты будут работать, пролетариат — собирать плоды).

Говорили о национализации всего вплоть до кооперативных предприятий, конечно, руками чиновников (пока не предполагается национализировать только воздух).

Говорили, подобно самым вульгарным «либеральным буржуям», о прогрессивном подоходном налоге, — на основе доклада Ленина.

Говорили также, как заядливые реакционеры, о «системе косвенных налогов».

Говорили затем о «единовременном чрезвычайном революционном обложении».

Большевики — не похожи на истинных христиан, а потому употребляют имя своей святыни, «революции», всуе. В старину, еще памятную нам, произвол назывался «экзекуцией», а теперь им позорят революцию.

Неспособные к планомерной экспроприации орудий производства, они узаконивают «налеты». В конечном результате за раздуваемую всеобщую разруху отдувается простой

трудовой народ.

В самом конце... «милые» большевики и левые эсеры перессорились, поругались и разошлись до... до очередного творческого бреда Ленина.

На съезде говорили о чем угодно, даже о новых «денежных знаках», но ни слова о настоящих деньгах.

Но ведь от прежних правительств остались не одни бумажки, но и настоящие деньги, настоящий ходкий товар — золотая наличность.

Каждый, даже самый бедный рабочий, у которого имеется в кармане хоть одна рублевая кредитка, имеет право на долю этих денег.

И каждая новая рублевка, выпускаемая правительством народных комиссаров, урезает, уменьшает долю права держателя бумажного рубля.

На финансовом съезде не потребовали отчета у захватчиков народных прав, сколько осталось в точности золотой наличности? Сколько расхищено?

У самозванных народных комиссаров не потребовали отчета, на каком основании они печатают без ограничения кредитки и тем грабят каждого из нас, обесценивают даже грошовые сбережения рабочей и крестьянской бедноты?

У народных комиссаров не потребовали отчета, кто им позволил за наш общий счет содержать дорогую потешную армию потешных наймитов? Кто им разрешил размножать бесконечно чиновничество на спине народа?

Народным комиссарам не указали даже, что ведь все их затеи с централизацией и национализацией — гибель самой идеи федерализма, под знаменем которого они укрылись; что все их мероприятия с подоходными и косвенными налогами для оздоровления финансов требуют восстановления частной, капиталистической собственности в полном объеме и с ней всемогущества буржуазной государственной власти.

Финансовые реформы народных комиссаров несут нас во все лопатки к восстановлению прочных капиталистических порядков, к реакции.

Единственное спасение революции может прийти от ликвидации государственного казначейства, уничтожения государственной монополии на чеканку монеты и заготовление кредитных знаков и передачи дела организации общественного кредита, как и вообще всех общественных служб, включая самооборону страны, самодеятельности народа, его содружествам и кооперативным объединениям.

Но большевистская власть, как и всякая, слепа и косна. Где ей поспеть за ходом истории, уловить запросы текущей жизни! Не пьяным от «яда власти» руководить трезвыми...

13) Свободная торговля

Хлебный голод обостряется до высших пределов. Государственная власть лишней раз доказывает на практике всю свою хозяйственную несостоятельность. Все громче и шире раздаются голоса с требованием отмены хлебной монополии и «твердых цен».

Это требование исходит уже не только из стана «бывших» имущих классов и их идеологов — кадетов. Народные массы и широкие сознательные трудовые слои населения все упорнее настаивают на отмене хлебной монополии. Сами анархисты, взяв под свою защиту «мешочников», в сущности, тоже отстаивают свободную торговлю, при этом выходит, что они защищают самый нежелательный вид частной торговли, самую дорогую ее форму, наиболее поддающуюся крайним проявлениям спекуляции. Ведь «мешочничество», это — кустарная свободная торговля, и как всякий кустарный труд, оно обходится слишком дорого.

Такое парадоксальное явление, что крайние правые и левые сошлись на практическом выводе по отношению к хлебной монополии, вытекает из здравого смысла и из неотложного требования момента.

Перед необходимостью сохранить физическое существование народа должны умолкнуть доктрины и теории. Государственная власть всех трех сменивших друг друга политических порядков, проявила в достаточной мере полное свое бессилие в деле организации хлебного товарообмена по себестоимости и уравнительного распределения продуктов. Настало время предоставить эту сложную задачу общественной самодеятельности. Так поступают врачи у постели больного, когда они не вполне понимают ход болезни: они не мешают самоисцеляющим силам природы.

Но сходство в выводе и общность взгляда на запрос момента между анархистами и кадетами этим исчерпывается.

В дальнейшем кадеты под свободной торговлей понимают восстановление вместо твердых цен, твердых основ частновладельческого капитала и свободную конкуренцию. Для твердых основ нужна и «твердая власть». Вот почему партия, прислуживающая частному капиталу, с такой поспешностью и так позорно откинула «демократическую» маску на Украине и пошла служить единой державной диктатуре.

Анархисты же, требуя отмены хлебной монополии, ни в коем случае не стремятся, подобно кадетам, поставить частную торговлю под покровительство «твердой власти». Еще меньше анархисты идеализируют «мешочничество». Анархисты, подобно врачам, наблюдающим игру живых сил общественного организма, говорят:

«Смотрите, какое обилие потребительских кооперативов расплодилось по всей стране, особенно в больших городах. Все они стихийно стремятся объединиться между собой в

союзы. В Петрограде даже образовалась общегородская кооперативная биржа. Не мешайте кооперативам свободно производить свои закупки. Их объединение в биржи даст возможность регулировать выдачу нарядов на провоз продовольственных грузов, с соблюдением справедливой очереди и учитывая нужды каждого кооперативного объединения населения.

Благодаря кооперативным биржам, разные группы населения будут осведомлены об имеющихся у них излишках запаса продуктов и смогут с взаимными выгодами производить их обмен.

Кооперативная биржа объединит личную инициативу свободной торговли с общественным началом государственной монополии. Из первой она устраним отрицательные стороны спекулятивной конкуренции и побуждения личной наживы, из второй — бюрократическую рутину и дорогостоящие продовольственные организации».

Вот как понимают анархисты свободную торговлю. И это понимание — не измышление отвлеченной мысли, а продиктованный самой жизнью урок.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 67, 24 мая.

14) Безработица и трудовая дисциплина

Наша государственная машина работает полным ходом — без «передышки».

Не проходит недели, чтобы не состоялся то «съезд», то «совещание» тех или иных правительственных органов.

Люди всерьез озабочены.

Все представители разных отделов комиссариатов, комитетов и советов, спуют, мечутся, хлопчут.

А тут какие-то Мирбахи и Хаиль-беи лезут со своими докучливыми нотами.

Так и напрашиваются, чтобы им показать... кулак в кармане.

До них ли теперь вершителям наших судеб? Тут некогда и дух перевести.

Нельзя же лицом ударить в грязь: мировой пролетариат с вершины капиталистической пирамиды смотрит на их работу.

Благо Москва не горит пламенем, а лишь медленно разлагается, тлеет. Не бегут из нее новоявленные Наполеоны.

Шутка ли сказать! Они создают, ни больше и ни меньше, как «социалистический строй».

И непременно во всероссийском масштабе, в пределах «советского оазиса».

Строят социализм.

Руками самих ли рабочих? Всех ли трудящихся?

Что за наивный вопрос!

Нет, конечно. Руками разумных, надежных, признавших советскую власть чиновников.

Чем быстрее вертится правительственное колесо, тем оглушительнее скрипит ржавая, негодная государственная машина.

На днях состоялся съезд комиссаров труда.

О чем они там толковали?

Да все о том же, о безработных.

Их число все растет, их ряды все ширятся.

Все ближе и ближе, уже вплотную нагнала нужда на рабочих без работы. Тают долголетние сбережения, разоряется домашний уют, заботливо собранный вещичка за вещичкой, донашивается одежда, хиреют жены и дети.

А работы все нет, да нет, — и не предвидится...

Я встретил случайно молодого человека. Едет от одного из центральных учреждений в Америку за «информацией». Едет за справками, как установить с Америкой торговлю и тем оживить нашу промышленность.

Умный, образованный, энергичный парень, неунывающий. Даже надеется... в пути научиться говорить по-английски.

Он всё знает, хорошо знает, что нам нужно из Америки.

Я даже не дал себе труда запомнить. К чему запоминать?

Ведь правительство «национализировало» внешнюю торговлю, само ведает и заботится о всех наших нуждах.

Молодой человек рассказал при мне, что еще со времен правительства Керенского стали считать, сколько у нас кожи. Теперь уже досчитали и нашли, что у нас много лишней кожи. Так вот, эту лишнюю кожу нужно содрать, отобрать и сырой отправить в Америку.

Позвольте! А наши безработные кожевники?

Ну, они подождут. Они пусть займутся «строжайшим учетом» и «безусловно равномерным распределением» своей нищеты по рецептам Ленина.

Мой молодой человек еще вслух размечтался, как бы притянуть американские капиталы в наш «социалистический оазис». Но так и не объяснил мне, как примирить «наш» социализм с «их» капитализмом?

Недавно приехал в Москву сын знакомого крестьянина, — сапоги купить. Привез муки.

Его отец — зажиточный мужик. Своим трудом все своё добро нажил, никогда батрака не нанимал. Вот сыновья подросли, пособляют по хозяйству.

У мужика — четыре лошади. И кормит их... месивом из муки. Тоже ведь работники — ухода требуют, и любит он их.

Близко от Москвы живет, всего каких-нибудь 6–7 часов езды. Но ни за какие посулы не назову ни имени, ни села.

Донос доносом, предательство предательством, подлость подлостью останутся, если даже подписаны властью, утверждены законом, — социалистическим, в самом «советском оазисе».

На замечание: «Да как же так?.. Лошадей мукой... Когда...», он указал на свои новые сапоги, — триста целковых за них заплатил.

Дайте мужику не «твердые цены» бумажками без цены, а твердую сталь, прочную обувь, красный ситец, и будет у нас хлеб в изобилии.

Даже из Украины привезут. От немца упрячут, — у того тоже товара нет, — и к нам привезут.

Чтобы иметь товар, нужна работа. Комиссары же труда на съезде говорили, что у нас, кроме безработицы, «катастрофическое падение производительности труда... Местами производительность упала до 80%».

Что это значит? Не саботаж ли это?

Да, это форменный, самый настоящий саботаж.

Это значит, что вы, товарищи — государственные социалисты, не упразднили капитализм, а превратили его из частновладельческого в государственный. Ведь давно же известно, что государство — самый плохой в мире хозяин.

Это значит, что, урезав все права капиталиста, или упразднив их, вы не сделали рабочего хозяином своего труда, а лишь заменили старого хозяина новым — государственной властью.

Что же решили комиссары труда? Как пособить беде?

Они решили поступить так, как поступает каждый хозяин: «установить правила трудовой дисциплины».

Они решили фабрики, заводы и мастерские превратить в казармы и предоставить профессиональным союзам право устанавливать «правила трудовой дисциплины».

Никто из комиссаров труда не дал себе труд подумать: почему это крестьяне без «норм» и без «правил дисциплины» в страдную пору работают от утренней зари до поздней ночи?

Что же, крестьянин из иной глины, чем рабочий? Более развит? Более образован?

А не потому ли, что крестьянин знает: сам пожнет все, что посеял?

Рабочий же в их «национализированной» промышленности отлично сознаёт: сколько ни работай, все равно весь излишек сгинет в ненасытном брюхе чиновничьей-красноармейской «социалистической» республики!

Сделайте рабочих хозяевами своего труда приемами кооперации. Не мешайте всем трудящимся всего общества использовать на кооперативных началах весь общественный капитал, все фабрики, мастерские, промысла, и у нас поднимется производительность труда до полного объема.

Загудят гудки, завертятся колеса, застучит молот, закипит работа, заснут поезда, поплывут пароходы, расцветет производство.

Труд, освобожденный от корысти капиталиста и от гнета власти, скопить богатства.

Наш свободный кооперативный социализм не похож на их государственный.

Их социализм — завистливый, протягивающий цепкие руки власти за каждым лишним пудом хлеба, сеющий междоусобную войну, губящий душу доносами, оплачивающий предательство, — не наш анархистский социализм.

Наш социализм — равенство в «довольстве для всех».

Их социализм — равенство в нищете для всех, в нищете материальной и духовной.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 70, 28 мая.

15) Завоевания революции

Большевицкая власть переживает трудные времена.

Большевицкая власть близка к краху.

Ужасно не любят политические партии расставаться с властью.

Чем ближе конец их господству, тем упорнее они цепляются за власть, за «кормило власти», за «бразды правления».

Даже когда от управления осталась одна фикция, и корабль государства несется беспомощно по волнам стихии.

Чувствуя, как уплывает почва из-под ног, большевики судорожно мечутся, творят вопиющие насилия одно за другим и стараются уверить народ, что без них, без их власти, погибнут все «завоевания революции».

Завоевания революции... Какой злой иронией звучат эти два слова в применении к нынешней действительности!

Мы мечтали завоевать революцией прежде всего свободу: свободно говорить, свободно печатать и распространять напечатанное, свободно сходиться, не быть арестованным, обысканным, засаженым в тюрьмы чиновниками власти.

Что же, мы всё это имеем?

Не запрещают сходки? Не закрывают газеты? Не штрафуют их грабительски? Не арестовывают сотни и тысячи людей? Не обыскивают и не гноят их в тюрьмах?

Мы мечтали завоевать святость и неприкосновенность человеческой жизни, упразднить смертную казнь.

Что же, в застенках чрезвычайной охраны не расстреливают людей по усмотрению чиновников социалистической власти? И с циничной беззаботностью нравственно невменяемых, озверевших мозгов, не афишируют свои «постановления» об убийствах?

Мы мечтали обеспечить для народа полное пользование плодами своего труда, упразднить всех паразитов, дармоедов.

Что же, не объедает народную казну новое чиновничество, развившееся до неслыханных размеров?

Не прибавилось ли еще к чиновникам дорогая и бесцельная наёмная армия? И не высасывают ли последние соки из голодающего народа?

Не подстрекают рабочих на крестовый поход в деревню? Не снаряжают ли отряды с хламом обесцененных бумажных денег и... со штыками и пулеметами?

И с товарами, мануфактурой, скажут иные.

Товары, образцы товаров берутся только для отвода глаз. Товары и без штыков нам принесли бы хлеб даже из чужбин нынешней России, из былых окраин.

Посылают вооруженных рабочих и наемных солдат насильственно отнять так называемые излишки хлеба у крестьянина.

И чем определяется размер этого излишка? Кто обеспечит крестьянина, кто страхует его существование на случай неурожая, если он сам не припасет?

Настоящие излишки народ от чистого сердца отдаст совсем даром своему голодающему брату. Не погасла лампада любви в сердце народном.

Подошла ли революция к нему с проповедью братской любви, солидарности, всеобщей взаимной помощи?

Или мы не слышим от чуждых народу наносных верхов власти, только исступленную проповедь гражданской войны? Только проповедь крови, насилий, разъединения на пользу беспощадному внешнему врагу со стальными канатами вместо человеческих нервов и без совести?

Завоевания революции... Землю ли завоевала революция для народа? Землю, которую нечем обработать, нечем засеять? Земля же, которую обрабатывают и засеивают теперь, эта земля и до революции принадлежала крестьянину.

Завоевания революции... Контроль ли это над промышленностью или «национализация» фабрик и заводов?

Да полно насмехаться, когда промышленность изо дня в день разлагается и выбрасывает на улицу массы рабочих!

Что перечислять! Революция еще ничего не завоевала. Революция находится в стадии разрушения.

Из старых устоев уцелел только один — государственная власть.

Власть находится сейчас в руках партии социалистов-большевиков, и они мнят себя властью революционной. Они завопят о гибели самой революции, если власть ускользнет из их рук.

На самом деле власть сама нас несет на всех парах назад, к контр-революции, тем, что не дает развиваться свободной самодеятельности народа в единении с профессиональными знаниями, чтобы вывести жизнь из всеобщей разрухи.

Подобно тому, как капитализм и помещичье землевладение делили народ на богатых и бедных, так власть делит нас на властвующих и подвластных, власть делит трудовой народ на два враждебных лагеря.

Настоящие «завоевания революции» мы начнем приобретать лишь тогда, когда уничтожим последний пережиток прошлых привилегий — государственную власть.

Только тогда профессиональные союзы трудящихся — синдикаты, и их экономические объединения — кооперативы, получат широкий размах для своего развития и обеспечат деятельность общественных служб, производство, товарообмен и справедливое распределение продуктов, без армии паразитов-чиновников и без произвола и сумасбродств государственной власти.

Не задача анархистов поддерживать те или другие политические партии в их борьбе между собой в погоне за властью.

Не тактика анархистов входит в соглашения с политическими партиями.

Историческое призвание анархистов, их задача данного времени поднять народ для упразднения самого начала власти.

Только этим путем революция станет на верный путь социальных завоеваний.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 80, 8 июня.

16) Пощадите душу!

(К постановлению о снятии памятников в Москве к 1 мая 1918 г.)

Я не эстет. Ни одним из изящных искусств не владею — даже как любитель. Но я человек, и не чужды мне чувства людей.

Памятники — это прошлое, это — сама минувшая жизнь, это её — душа, с правдой и ошибками, с взлётом ввысь и с буднями нанизу.

Из песни слова не выкинешь, из истории страницы не вычеркнешь.

Не разрывайте чужих могил, большевики! Если вам нужна новая могила, для ваших ошибок, — ройте рядом...

Более здоровые души будущих поколений, более проникнутые любовью, — их пощадят.

Моя душа болит, — болит физической болью, что завтра не увижу «опального генерала» на коне, не увижу вдохновлённых солдатиков вокруг.

Пусть их вдохновил «деспот», пусть их гнала к Царьграду «корысть», но чем же их вдохновили, от генерала-слуги до мужичка-солдата?

Они стремятся, они спешат, — и генерал, и солдаты вокруг, — на помощь к братьям славянам.

Он мчится, они бегут заслонить своей грудью от занесённого ножа башибузука утробы матерей, беззащитных детей, сестёр, братьев, стариков...

Пусть Германия отравила жизнь спасённых ядом своего ставленника Фердинанда, пусть она всучила предательское оружие сыновьям освобождённых и погнала их против освободительницы-России, но они — «опальный генерал» и солдатики кругом, чем же они-то виноваты?

Я — анархист, но не меньше вас люблю свободу.

Пощадите душу «опального генерала» и солдатиков вокруг, пощадите взлёт духа великого народа и великой эпохи!

Я вас прошу:

Не огорчайте старушку-Москву!

И если вы содеяли уже зло, то это зло поправимое:

Утешьте старушку-Москву!

30-го апреля 1918 г.

17) «Рукопожатия отменены»

(Посвящаю коллегам врачам Вересаеву-Смидовичу и Семашко)

Не для анархистов я пишу. Не для анархистов, которые, когда кучка решительных заговорщиков подняла народ для захвата власти, пошли с народом против власти.

Не для анархистов, которые в час колебаний других, когда исход борьбы ещё был сомнителен, не поколебались перешагнуть даже через свои начала, не поколебались рискнуть всем вплоть до своей жизни, чтобы не оставить народ одиноким.

Пишу для той кучки большевиков-интеллигентов, которым всё дано: и образование, и воспитание, и глубина анализа, и сокровища знаний; которые, напялив мантию «рабоче-крестьянской» власти, подвизаются на подмостках жизни; — пишу для тех, которые в час

торжества грубой силы ликуют с властью, устраивают торжества, топчут чувства и страдания народные.

Пишу и для тех, которые заглушили крик души, вошли в сделку со своей совестью и пошли служить власти.

Пишу для «рабоче-крестьянской» интеллигенции.

Вы были там?

Там, на Большой Лубянке, в доме № 11?

Приём «просителей» от 11 до 2 ч. дня.

Чрезвычайно, чрезвычайно интересно!

Там заседает всероссийская (слышишь, Николай «всея России», от Карпат до Владивостока и от Архангельска до Закавказья?), всероссийская чрезвычайная комиссия по..., там заседает попросту «социалистическая охранка».

О, зайдём, зайдём скорее! Чрезвычайно, чрезвычайно интересно!

Вывеска: «Страховое о-во *Якорь*». Но вы не смущайтесь. Страхование — буржуазный предрассудок, оно совершенно нам не нужно. Мы ведь, коммунисты, всех обеспечили, и нет на улицах ни нищих, ни калек, ни стариков с протянутой рукой.

Власти упразднили страхование и учредили... охранку. Не третье, а «первое отделение», самое необходимое для большевистской власти «отделение».

Вот и «операционный» зал. Войдите, не бойтесь, — здесь люди добрые.

Вот налево, за барьером, стол по «ликвидации дел анархистов». Помните, в октябре, в советах был «стол анархистов», даже с телефоном. Так вот, тот самый стол, за минованием надобности, упразднили, перенесли сюда.

За столом сидит, — прошу познакомиться, — барышня — «товарищ» Шилова.

Смотрите, какая она изящная, эта рабоче-крестьянская «труженица». Золотые волосы, золотые серьги одалиски, нежная кожа обнажённого бюста... ..Вы не смущайтесь, — она добрая! И золотое сердце у нее... Но отчего это сердце болтается на груди, на золотой цепочке через шею, а не бьётся там, внутри?

«Ликвидация дел анархистов»? Что за недоразумение? Ведь анархистов не преследуют, а преследуют только тех, «бандитов».

Как раз напротив «стола бандитов» — окошечко. Надписи: «Казначей», «Не проверив, не отходить», «Время — деньги» (что за буржуазное понятие!) и главная, самая главная надпись — «Рукопожатия отменены».

У «стола» и перед «окошечком» — два хвоста.

Налево хлопчут о «бандитах», направо «честные» люди получают плату за «честный труд».

Налево лохмотья, сумрачные, измождённые лица, судороги страданий, страх за жизнь близких, вздохи...

Направо — новенькие обмундировки, сияющие, цветущие лица, весёлые смешки и шутки, шуршание новеньких кредиток...

Налево — стоит жена «бандита» Чеснова, Петра Андреева. Молодая, опрятно одетая в поношенную одежду. В пыли канцелярии, в надышанном воздухе мерно раскачивается у неё... трёхмесячный ребёнок на руках. «К мужу... пропуск... третью неделю ходит... Там, дома, ещё двое, 3-х и 5-ти лет... Нужда...» Всплакнула, прильнула губами к младенцу «бандита» Чеснова.

А напротив — люди «честные», наймиты, шутят, гогочут у кассы на гортанном наречии после праведных трудов.

Вот старушка, мать «бандита» Костельцева. Согбенная, маленькая, с палкой в руке, заплата на плечах, забрызганный грязью подол, искривлённые каблуки. К сыну просится, к «анктрусту», или как там иначе, не знает; говорит, улыбается, а через секунду лицо застыло в холоде жизни. Послала ему табак и что нашла, что урезала у себя съедобного. Пишет: «Мама, приходи на свидание»... К чему «бандиту» беспомощная нищенка-мать? Иль он её любит?.. Но почему же он, он, «бандит», он, «грабитель», не приодел, не обул из награбленного свою старушку, свою любимую мать?..

Мужик в очереди ждёт. Широкие плечи, высокий лоб, всклокоченные волосы, рыжая борода, мозолистые руки. К сыну, пятый день ходит, время гуляет. К сыну, к Чугунову Павлу. Плотник, два года на фронте был; вернулся — в красную гвардию поступил, опять пошёл на фронт. Ихнюю дружину крепко помяли, вернули в Москву на пополнение. Всего полторы недели, «как в анархисты записался». «Не расстреляли бы, жив бы остался. Вот, говорят, вожаков 50 душ расстреляли»... — в голосе звучит тоска... Подходит к барышне, к «рабоче-крестьянской власти», почтительно снимает шапку, просительно гнёт шею...

Вот ещё старушка. Какая она измождённая!.. Бледное, худое-худое лицо испещрено густой тонкой сетью морщин. Простоволосая. На шее буро-зелёный платок, парусиновый фартук с голубой каёмочкой на низу.

«К сыну, Булыгину Ивану Алексееву... Мочи нет стоять... Колени подгибаются, голова... темнеет в глазах... Молвите слово, ваше благородие, вас послушают!» — обращается ко мне. Сколько, сколько у этих «бандитов» привязанностей и чувств, сколько вокруг них горя и страданий...

Барышня — «товарищ» всё пишет, всё пишет... Золотое у неё сердце... на груди на золотой цепочке через шею...

А к окошечку напротив, с надписью: «Рукопожатия отменены» всё подходят, всё подходят, и русские, и инородцы, и... студенты. Лица сияют, самодовольно гогочут, кредитки шуршат...

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 59, 15 мая.

18) «Звериные мозги»

Из всех эпитетов, которыми награждали исступленные большевики во время октябрьского восстания своих противников, особенно ярко запечатлелись в моей памяти эти два слова: «Звериные мозги».

«Звериные мозги»... Этими словами ответили замоскворецкие большевики на призыв из центра прекратить бойню и приступить к переговорам.

«Звериные мозги»... Эти два слова неотвязно звучат в моих ушах с того дня, как по простому устному распоряжению кого-то из чрезвычайной комиссии щелкнул курок винтовки, и пуля сразила молодую жизнь идейного труженика на социальной ниве, дорогого товарища Ходунова...

«Звериные мозги»... Едва воспоминания начинают сглаживаться, память забывать, новые и новые распоряжения чрезвычайной комиссии о расстрелах, пробуждают уснувшие кошмарные воспоминания.

Какие мозги должны иметь люди, которые хладнокровно обсуждают между четырех стен, вдали от света, тайком от общественной совести, вопросы о жизни и смерти себе подобных, не дав возможности несчастным, попавшим в их хищные когти, защищаться, оправдываться?

Звери, и те так не поступают с себе подобными!

Кучка людей за определенную плату, за столько-то в месяц, «работает» во славу власти, почему-то прозванной рабоче-крестьянской.

Кучка, из среды которой то и дело разоблачаются разные негодяи, и неизвестно на ком остановится последнее разоблачение!

Эта подозрительная банда имеет бесконтрольное право распоряжаться жизнью и смертью каждого из нас.

Никто не гарантирован, что какой-нибудь предатель, не сделает на него ложный донос, и он не будет схвачен и расстрелян по простому усмотрению «звериной комиссии».

Кому нужны эти расстрелы? Для какой цели льется кровь?

Для предупреждения контр-революции? Для защиты завоеваний революции?

Слепые, тупые, их «звериные мозги» не сознают, что своими административными расстрелами они сами попирают самое раннее, самое святое завоевание революции — отмену смертной казни.

Товарищи, рабочие и крестьяне, ведь это вашим именем расстреливают людей, даже без суда и без гласного следствия!

Жандармы Николая больше считались с ценностью человеческой жизни.

Это во имя советов рабочих и крестьян убивают людей в застенках.

Те, кто присвоили себе имя народных комиссаров, умыли себе руки. Они свалили с себя ответственность за анонимную комиссию.

Товарищи, рабочие и крестьяне, и вы, собратья по перу, все, в ком теплится чувство человечности, возвысьте свой голос, крикните власти, называемой «народной»:

— «Довольно крови! Прекратите расстрелы безоружных, кто бы они ни были! Нам не нужна кровь. Никакая контр-революция не может прийти, пока сами трудовые массы не откажутся от революции.

«Своими административными расстрелами вы отчуждаете идейные трудовые массы не откажутся от революции. Ими вы сами подготавливаете контр-революцию».

Вся ответственность за проливаемую кровь лежит на совете народных комиссаров.

Привлеките их к ответу.

Голос народной совести будет услышан, он должен быть услышан.

19) Ухарь-купец

Удивительные причуды имеет история. Тени давно похороненного прошлого невидимыми нитями держат и направляют настоящее.

Так, до февральской революции, под мистическим ореолом «Божьей милости», Россией правил дух — не либеральной буржуазии, а давно упраздненного помещика-крепостника. Самодержавие распоряжалось жизнью, свободой и достоянием своих крепостных, своих «подданных» по своему усмотрению. Но в нем проглядывала все-таки заинтересованная забота хозяина о своем добре, ревнивое оберегание своей вотчины от загрузивших рук завистливых соседей.

Кто же теперь Россией? Чей дух властвует теперь над великой, безвольной русской землей? Кто позорит теперь имя рабочих и крестьян, подобно тому, как самодержавие

позорило ложную, но все-таки по существу своему философскую, чистую идею о Боге?

Дух помещика-крепостника воплощался в самодержце Николае, чей дух воплотился в самодуре Ленине?

Достаточно ознакомиться с последними выступлениями «главы нынешнего правительства», фактического «верховного хозяина» земли русской и разума правящей коммунистической большевистской партии, чтобы ответить на этот вопрос:

Россией правит ухарь-купец!

Разойдется, бывало, ухарь-купец, бьет дорогую посуду, разбивает кристально чистые зеркала и в пьяном угаре вопит:

— Заплачу! За все заплачу! Все куплю!

Так Ленин со своей пьяной компанией, — пьяной от «подлого яда власти над людьми», — разгромил, разнес, сознательно разрушил всю Россию.

Не обновил, а разрушил ее самооборону.

Не объединил, а вооружил друг против друга разные трудовые слои населения.

Не сплотил народы, а разъединил их, не только вне пределов «державы Российской», но и в самой России.

Ухарь-купец учинил погром над всей Россией и за все теперь платит, все покупает.

Ответственный «глава правительства» с поразительно циничной откровенностью, допустимой только у умственно неуравновешенных, исповедуется:

«Мы бессильны сейчас против внешних врагов»... Ухарь-купец преднамеренно умалчивает, чей кулак разбил хорошую или плохую, но всё-таки народную оборону.

Ухарь-купец тут же беззаботно начинает покупать «красную» опасную и дорогую игрушку, начинает набирать армию из голодных русских, латышей и даже... китайцев.

Ухарь-купец — великий реформатор: он создает для своего господства новый вид пролетариата, — пролетариата, продающего не только свой труд, но и свою кровь, чтобы прокормить и себя, и свою семью.

Такая армия, быть может, окажется пригодной для опоры трона большевистской партии... покуда будет получать хорошую плату, но она совершенно бессильна для внешней обороны страны.

Ухарь-купец, без ума и знаний, подбирает отбросы англо-американского капитализма — наемную армию.

Невежественный и грубый, ухарь-купец улюлюкал, подстрекал против пролетариев умственного труда, — пусть привилегированных в известной части, как и квалифицированные мастеровые по отношению к чернорабочим, но все же пролетариев научных знаний.

Теперь же ухарь-купец смилостивился, согласился «на очень высокую оплату крупнейших из *буржуазных* специалистов» (без человеческого достоинства и воспитания ухарь-купец и тут не удержался, чтобы не сквернословить). Ухарь-купец даже отваливает деньги за свою попку, от 25 до 50 миллионов на «тысячу» рыл!

Ухарю-купцу не купить труда ни крупнейших, ни средних, ни мелких тружеников науки и специальных знаний ни деньгами, ни физическим гнѐтом, как не запечатлеть ему своей дрянной физиономии в кристально чистом зеркале: он может только его разбить.

К нему не пойдут служить идейные люди, а лишь отбросы интеллигенции и голодные рабы.

Пролетариат умственного труда останется с народом, но не в роли «приспешника» власти.

Но самая отвратительная выходка ухаря-купца, это — когда расплачиваясь за свой пьяный угар свободой окраин России, чтобы спасти «советский оазис» своей власти от наседающих внешних кредиторов, ухарь-купец, Ленин, еще издевается над проданными им за призрачную власть окраинами России.

Можно ли себе представить что-либо более отвратительное, чем издевательство Ленина над Закавказьем, истекающим кровью в неравной схватке с турецко-германским нашествием. Цинизм Ленина тут не знает уже предела.

— Они заявили уже о том, — говорит он, — что не признают брестский договор. Это заставило турок двинуться вглубь Закавказья... В результате они пожнут то, что пожала украинская рада...

Брестский договор, чтобы спасти «советский оазис», предал черноморское Закавказье вплоть до «глубины» кавказского хребта и с оплотом его свободы, крепостью Карсом, даже не немцам, все-таки хоть сколько-нибудь «культурным» (пусть в кавычках) европейцам, а турецким башибузукам, — тем самым башибузукам, которые вырезают и в мирное время целые слои населения, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков.

У Ленина не застыла кровь в жилах, не присох язык во рту упрекнуть Закавказье, что оно не признало брестский договор...

Цинизм Ленина, ухаря-купца, торгующего свободой народов для спасения своей власти над «советским оазисом», граничит с безумием.

Кто знает, быть может, будущие историки и психиатры установят, что он был невменяем, но это оправдывает только пьяного от «яда власти» ухаря-купца.

Чем же оправдывается русский народ, особенно его безвольные сознательные слои?

20) Будь ты вечно проклята!..

(впечатление от выступления Троцкого на митинге 14 апреля 1918 г.)

Я его видел, я его слышал...

Еще молодой, черные волосы волной, нос крючком, спина дугой, вытянув палец, он метался по эстраде.

Через очки преломляется уклончивый взор, холодный пот струится с бледного лица.

С нахальством, с бахвальством, облеченный властью, он ответ держит перед толпой во власти тьмы.

— Да, они подписали Брестский мир, мир *позорный*, мир *грабительский*, но... они платили по чужим векселям.

Так говорил приказчик из лавочки всемирно-пролетарских Народных Комиссаров.

И не всколыхнулась толпа, не забушевала стихия, не прогремел глас народный:

— А ваш-то вексель, выданный мне — народу, подписанный вашей рукой, о мире без аннексий, без контрибуций, на основе свободы, куда же вы его дели?

Не забушевала стихия, не запенилась гневом, не призвала к ответу:

— Кто вас уполномочил моим именем, именем народа, платить по чужим векселям?

Молчала толпа... И в это время с далекого юга до истерзанного *сердца России* долетел зловеший, леденящий душу вопль:

«Завладев Ваном и Сарыкамышом, регулярные турецкие войска продолжают наступление к Батуму. На всём своем пути озверевшие турецкие орды убивают и терроризируют местное армянское население. При занятии Вана была устроена Варфоломеевская ночь...»

Царский министр Лобанов давно выдал вексель: «*Армения без армян*». Они уплатили его полностью, они, не предупредив даже нацию, не оговорив срок, признали подлежащим возврату всю турецкую Армению.

Затем они уплатили проценты, уступили половину Закавказья.

Зловещая телеграмма повествует дальше:

«Ардаган и ближайшая к нему местность Ольты заняты турецко-германскими частями. В этом районе турецкие войска были беспощадны по отношению к местному армянскому населению, они учинили резню армянского населения. Даже детям и старикам не было пощады»...

Вы оплатили по чужим векселям, а о вашем векселе чего молчите? Вы, лжецы, злостные банкроты! Не вы ли подписали: «армянам будет обеспечено право свободно определять свою политическую судьбу?..»

С его бледного лица, обвеванного предсмертным дыханием преданной нации, струился холодный пот. С нахальством, с бахвальством, спина дугой, вытянув палец, он метался по эстраде:

— Мы платим по векселям русской буржуазии международному капиталу.

Лжецы! Не вы ли ответили в Петрограде Грузинскому Национальному Комитету, что поддержите Закавказье, если оно станет на ваши позиции «классовой борьбы»?

Безумцы, слепые (о, если бы только слепые!), вы не протянули в последнюю минуту руку помощи вашей жертве.

Слепые, тупые (о, если бы только тупые!), вы не видите, что частный капитал убит войной, и что к Закавказью, к его залежам нефти, протягиваются щупальца государственного капитализма — государственного социализма германского промышленного пролетариата.

Облеченный властью, обливаясь холодным потом, уклончивый взор, спина дугой, вытянув палец, он метался по эстраде...

А там, на юге, — разорение, вопли, стоны, Варфоломеевские ночи, избиение и стариков, и младенцев...

Там идет новая власть.

Там шла власть феодалов — лилась кровь.

Там шла власть капитала — вырезывались целые поколения.

Там идет власть пролетариата — истребляется вся нация.

Хоть Имперская, хоть Советская, — будь ты проклята, вечно проклята, *власть!*

21) Пустоцветы революции

Нам говорят:

— Зачем вы травите большевиков? Ведь они все-таки социалисты. Они — уравниатели. Они перешли от слова к делу.

Позвольте: кто же и кого травит?

В первый час их восстания, кто был с ними? Кто поддерживал их, — не словами, а делом?

В час торжества их партии самый скептический голос из нашей среды лишь сказал:

— «Лозунги большевиков, это — зарево назревшей общественной перестройки; из средства — отжившая государственность. Негодным оружием они затеяли завоевать новый мир».

Это ли травля?

Шесть месяцев, скрепя сердце, попирая свои начала, анархисты старались найти общий язык с большевиками.

Кто нарушил мир? Кто против кого начал травлю, — не словами, а делом?

Кто кого обстрелял, обезоружил, арестовал?

Кто расстрелял, не установив даже личность арестованного, незабвенного товарища Ходунова?..

Отвернемся от прошлого, предадим его временно забвению, хоть свежи раны и горька обида.

Не партийные счета мы сводим с большевиками.

Мы не травим большевиков, мы не нападаем на тех рабочих и крестьян, которые искренне поверили заре «назревшей общественной перестройки», которые наивно доверились «вождям», этим бесплодным пустоцветам революции.

Мы боремся против вскарабкавшихся до верхов власти, — против предержателей права на произвол и насилие над каждым из нас в отдельности, и над всем обществом в целом.

Какие они социалисты?

Разве они уравниатели?

Разве это они перешли от идеи к ее воплощению в жизнь?

Наш социализм порожден ужасной войной.

Ее чудовищные размеры принудили власть, даже самодержавную, скрепя сердце, широко раскрыть общественную казну для применения коммунизма к миллионам, к десяткам миллионов беженцев и пострадавших от войны. Это она пробудила для этой цели широкую общественную самодеятельность, это она создала мощные общественные союзы добровольным объединением всех, без партийных этикетов и демагогических лозунгов.

Самодержавие не сумело пойти до конца в ногу с народом.

Оно затеяло борьбу со стремлением общества к всеобщей взаимной помощи, к социализму, и — оно рухнуло.

Не война ли выдвинула широкие экспроприации частной собственности, под видом реквизиций?

Не война ли ввела начало контроля над промышленностью и торговлей?

Не война ли установила монополию на хлеб и иные продукты первой необходимости? И ввела их уравнительное распределение?

Когда же все это?

Все это было начато при самодержавии, и лишь продолжено временными и советскими властями.

Каким путем? Чьими руками?

Все три режима проводили начала социализма руками чиновников.

Все три режима ревниво оберегали свои прерогативы власти, чтобы творить произвол.

Разве не тем же путем идет советская власть?

Явно бессильная справиться руками чиновников с продовольственными задачами, разве не власть мешает своим тупым упорством живым силам народа, его кооперативным объединениям, взять дело продовольствия в свои руки?

А ведь давно союз домовых объединений Москвы, — Центродом, — просил передать продовольственные заботы в его руки, в руки самого населения, — даже без правительственной субсидии.

Власть бессильна обеспечить общественную безопасность, даже кровавым террором, даже вопиющими административными расстрелами.

А ведь не раз домовые объединения разных участков просили предоставить заботу об общественной безопасности им самим, опять-таки без правительственной субсидии.

Власть запрещает это им. Сама единственная активная контр-революционерка, власть боится общества, боится контр-революции... со стороны народа.

В белокаменной столице нужны жилища.

Для кого? Для народа?

Нет, для армии чиновников власти.

Что же? Власть энергично принялась за достройку многочисленных подведенных под крышу построек в городе? Принялись за ремонт старых? И, попутно, дает работу безработным?

Нет! Власть все теснит население. Все «вселяет» в частные жилища, и не только к «бывшим» богачам.

Куда же она деваает те 40%, которые отбирает у населения из валового дохода домовых комитетов? Куда исчезают эти деньги, долженствующие идти исключительно на общественное строительство в прямом смысле слова?

Не на содержание ли социалистической охраны?

Не на содержание ли социалистических тюрем?

Не на содержание ли армии чиновников?

Не на содержание ли армии вооруженных наймитов, бессильных перед внешним врагом и всесильных над безоружным голодным народом?

Разве перечтешь в беглой статье все злоупотребления и злодеяния власти!

Шестимесячным «романом» мы умудрены опытом. Нас на мякине социалистической власти не провести более.

Мы, анархисты, всегда были народниками.

Мы всегда верили в творческие силы народа, при их объединении с научными знаниями и техническим опытом.

И переживаемая нами эпоха только укрепила нашу веру.

Мы, сознательные анархисты, стремимся просветить бессознательный народ по мере своего разума, — научить его, по мере своего опыта.

Довольно морочили доверчивый народ чудодейственными свойствами власти, как те, другие — чудотворными иконами.

Мы, анархисты, не верим в сверхъестественную силу законов, придуманных в уединении кабинета диктатором, или принятых на бурных и сумбурных собраниях тщеславных, до тупости самоуверенных партийных демагогов, — пусть они величают себя собраниями «народных представителей» или «съездами советов».

Мы лишь говорим народу правду о власти.

И все, что мы о ней говорим, относится к ним ко всем, — ко всем партийным пустоцветам, тянущимся к власти.

Целая пропасть отделяет нас от них.

Если уж кого винить в травле друг друга, то нужно винить большевиков в травле правых социалистов.

Если кого нужно винить в травле, то вините правых социалистов за то, что они нападают на большевиков.

Ведь у них у всех есть общий язык, общая тактика: захват государственной власти.

Наша критика — не травля. Наша критика — не партийная грызня.

Мы не грыземся, а боремся.

Мы не говорим о власти:

— Уйди прочь, чтобы нам самим сесть на твое место.

А ведь смысл борьбы политических партий, их вождей, — этих пустоцветов революции, — сводится к этой лишь цели.

Мы не травим большевиков, мы боремся с пустоцветами революции у власти.

Если они сегодня называются большевиками, то, естественно, не с мумиями фараонов и не с тенями императоров нам приходится скрещивать мечи.

Если же завтра власть перейдет к правым социалистам, то, будьте уверены, наши отношения к ней не изменятся.

Но если власть перейдет, при помощи германцев или союзников, нам безразлично, в руки «приспешников» единоличной диктатуры, как на Украине теперь, то вы все, товарищи, рядовые социалисты, — вы все, которые добиваетесь, чтобы орудия труда находились в руках самих трудящихся, а не служили средством для эксплуатации, — вы, все социалисты, равняйте ваш фронт: вы, нас, анархистов, найдете в авангарде.

22) Саботаж

Мысли выражаются словами, а словам соответствуют понятия о предметах и явлениях. Когда искажается смысл слов, то искажается и сама мысль, выражаемая словами.

Нельзя не протестовать против извращенного применения слова *саботаж*, направленного большевиками для уязвления своих политических противников.

Саботаж и *забастовка* — два совершенно разных понятия. Саботажник — раб, делающий вид, что работает, но портящий работу настолько, чтобы не быть обнаруженным; забастовщик — пассивно восстает, скрестив свои руки на груди, и открыто принимает на себя все последствия своего поступка.

Саботаж — противообщественен, нечестен, ведет к цели темными задворками; забастовка — открытая борьба, восстание культурного человека, избегающего по всякому поводу прямого бунта и кровопролития.

Поддерживающие «мир и дружбу» с германским милитаризмом, большевики переняли у последнего не технику реальной борьбы, а лишь макиавеллистические приемы, не гнушающиеся никакими средствами. Так большевики хотят позорить работников умственного труда за вызываемые ими же забастовки, называя открытую честную борьбу своих идейных противников — саботажем. Забастовка учителей, видите ли, была недопустима, «преступная забастовка», «не щадила детских душ». Забастовка же, примерно сказать, пекарей — допустима, она затронет лишь «детские желудки». Питание — низменная функция, но «души», — о, «души» — священные, неприкосновенны, особенно когда нужно гнуть всё и всех под иго большевизма.

Когда фармацевты забастовали *из-за своих материальных выгод*, это было допустимо, большевики не протестовали, хотя очевидно было, что врачи не могли лечить больных голыми руками. Но ведь то было при Керенском, а при Ленине больничные служители могли глумиться в одиночку и скопом над врачами при исполнении ими своих профессиональных обязанностей, и врачи не должны были сметь отстаивать свою независимость, — тут уже борьба врачей являлась не забастовкой, а саботажем.

Начав с работников умственного труда, большевики постепенно «демократизировали» позорящий эпитет, применением его к типографским и иным обыкновенным рабочим.

Трудно себе представить большее лицемерие, более нечестное употребление слова *саботаж* для борьбы с идейными противниками. И это делают не только какие-нибудь безответственные писаки, невежественные низы, а сами «интеллигентные» вдохновители большевизма — Ленин и Троцкий.

По верхам можно судить о моральной цене партии, воскресившей средневековые варварские приемы гонений и истребления своих противников.

23) Государственная власть и народная оборона

«Услужливый медведь опаснее врага».

Роль услужливого медведя из басни сыграла и продолжает играть государственная власть по отношению к делу народной обороны.

Как бы она ни называлась, — божьей милостью — самодержавной, народной волей — демократической или властью советов — социалистической, — власть тяжёлым камнем уничтожила независимость, волю и хлеб спящего народа.

Какая причина мировой войны?

Нет сомнения, что она не результат злой воли отдельных личностей и даже не последствие политических режимов, а плод противоречий капиталистического хозяйственного строя и существования государственной власти.

Каковы бы ни были причины войны, для переживаемого исторического периода важно, что народ был поставлен стечением обстоятельств лицом к лицу с наличностью войны.

Кто бы формально ни был прав или виновен, но война не аргумент, а голый, грубый факт насилий, поэтому инстинкт самосохранения подсказал народу необходимость самообороны.

Встрепенулось народное сознание для самозащиты, но руководить обороной взялась государственная власть, власть самодержавная.

Она согнала своей волей и по своему усмотрению все народы России от великороссов до полудиких тюркменов на поле брани. Она сотворила столпотворение вавилонское и объединила людей угрозами наказаний вплоть до смертной казни. Она поставила во главе этой орды... вы думаете — лучших специалистов военного дела, людей технических знаний и практического опыта? Вы ошибаетесь. Государственная власть поставила во главе армий карьеристов-генералов, безусловно «стоящих на платформе признания»... монархической власти.

Так впервые политика погубила у нас дело народной обороны.

Вспыхнула февральская революция. Она свалилась без усилий, как зрелый плод с дерева.

Новая власть взялась за реорганизацию обороны.

Что же? Вы думаете, хоть она стала искать специалистов военного дела, людей технических знаний и практического опыта?

Вы ошибаетесь. Государственная власть поставила народную оборону под опеку политиканов-комиссаров, «стоящих на платформе признания»... демократической выборной власти.

Под руководством комиссаров несведущие, неграмотные и полуграмотные люди стали выбирать механическим подсчётом голосов сведущих руководителей сложных специальных технических операций.

Результаты сказались во время июльского наступления.

Вслед за тем государственная власть повернула оглобли к неизбежному для всякой власти приёму принуждения и устрашения. Она ввела в армии смертную казнь.

Политика во второй раз погубила дело народной обороны.

Но вот вспыхнула новая революция, кровавая октябрьская, под главным лозунгом *мира*.

Мира ещё не было. Следовательно, необходимо было до поры, до времени продолжать оборону.

Что же? Вы думаете, новая власть, советская власть стала искать специалистов военного дела, людей технических знаний и практического опыта?

Не тут-то было! Новая государственная власть поставила народную оборону под руководство политиканов, «стоящих на платформе признания»... советской власти.

Недоучка Крыленко, окрыленный Шнеуром, победоносно взял ставку, стал «главковерхом».

Результаты: брест-литовский договор и полная беспомощность разрозненных народов России перед лицом внешнего врага, без пощады и совести.

Политика в третий раз погубила дело народно обороны. Государственная же власть опять вернулась к старым заблуждениям: к принудительному набору и смертной казни.

Кажется, вывод ясен. Услужливый медведь государственной власти опаснее врага.

Дело народной обороны не дело политиканствующих партий, ни монархических, ни демократических, ни государственно-социалистических.

Дело народной обороны — дело профессиональное, задача чисто технических знаний и опыта.

Как для пассажиров на быстро несущемся поезде безразличны политические и общественные верования машиниста, а важны его знание своего дела и опыт, так и дело народной обороны должно быть отделено от государственной власти и от вмешательства политики для передачи специалистам.

Три раза политика погубила дело народной обороны: при самодержавии, при временном правительстве и при народных комиссарах. Пора же научиться уму-разуму у истории.

Разрешение задачи народной обороны заключается в объединении профессиональных технических знаний с народной самодеятельностью — вот основная мысль моей статьи в «Анархии» под заглавием «[\[../A/83.htm\]](#)[[Проблема свободной армии]]».

Пусть этот взгляд народнический, но ведь мы, анархисты, всегда были народниками, стояли за самодеятельность народную, просвещённую чистой и прикладной наукой.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. 28.июня, № 96.

24) Уроки войны

В то время как социалистическая мысль у нас в России с поразительной косностью топчется в орбите не оправдавшихся или изжитых теорий концентрации капиталов, классовой борьбы и веры во всемогущество государственной власти для воздействия на ход общественного развития, любопытно отметить сдвиг в мировоззрении, так сказать, «капиталистически мыслящих» людей за время мировой войны.

Примером такого сдвига служит брошюра об «экономических уроках войны» французского гражданина г. Максима Викэра.

Этот интересный очерк представляет собой общую сводку экономических изменений, происшедших во Франции за время мировой войны.

Г. Викэр не специалист в прямом смысле слова, и еще менее анархист, поэтому именно любопытно проследить, как он старается «выяснить характер будущих экономических отношений, подвергшихся коренным изменениям за время войны».

Самая слабая сторона идеологии современного социализма у нас заключается в неумении усвоить, что процесс эволюции за время мировой войны не только не остановился, но, напротив, развивается ускоренным ходом.

Г. Викэр не впадает в эту ошибку.

Повторяя известную проповедь Бакунина: «дух разрушения — дух созидающий», перефразированную экономистом Лизисом в словах: «подобно всем разрушительным силам, война есть творческое начало», г. Викэр приходит к выводу, что «мы должны... извлечь из экономических уроков войны принципы экономической организации для мирного времени...

Мы должны воспользоваться происходящей войной и работами по восстановлению разрушенного ею, для того, чтобы установить на земле более совершенный и более прочный в политическом и экономическом отношении порядок. Пусть для цивилизованного мира эта война явится началом новой эры...

Уничтожение экономических границ — вот идеал, к которому мы стремимся. В результате культурного прогресса и облегчения сношений мало-помалу стёрлись политические границы. Война должна привести к исчезновению экономических границ, этого остатка предрассудков прежнего времени».

Ещё одно маленькое усилие мысли, ещё немного больше договорённости, и г. Викэр поставил бы точки над всеми «і».

«Уничтожение экономических границ» на обыкновенном языке означает «упразднение межгосударственных таможен».

А если стёрлись и политические границы, то что же останется от современной капиталистической государственности?

Пока что за время мировой войны между народами обеих воюющих коалиций стали непроницаемые боевые границы как в экономическом, так и политическом отношении.

История завела человечество в тупик.

Две мощные государственные коалиции сцепились в смертной схватке. Победа той или другой стороны грозит рабством и обнищанием побеждённой.

Россия убедилась в этом на собственном опыте.

Нет той силы, которая обузда бы упоенных победой. Разум, совесть и заверения идеалистов в политике (не сомневаясь даже в их полной искренности) смолкнут, заглушатся криками ликований в час опьянения победой.

«Горе побеждённым!» — вот железная логика войны. Народы, втянутые в эту войну, ясно сознают положение и напрягают последние силы, расточают остатки своих богатств для самозащиты.

Какой же выход из создавшегося положения?

Выход нужно не придумывать, а предусмотреть. Если война затянется до тех пор, пока обе коалиции истощатся до такой степени, что *la bataille finira faute de combattants* (сражение окончится за отсутствием бойцов), то тогда может установиться тот международный строй без политических и таможенных границ, о котором говорит г. Викэр.

В противном же случае, если победит одна из сторон, то сохранится современная капиталистическая государственность с политическими и экономическими границами, и перед человечеством откроется новая полоса кровавых международных и гражданских войн, внутренних смут и жестоких революций, в сравнении с которыми померкнет всё то, что творится сейчас в расчленённой России.

Дилемма жестокая, но неизбежная.

Её более безболезненное разрешение заключается в международной пропаганде осуществления нашего анархистского понимания будущего международного строя без политических и экономических границ, а до тех пор необходима самооборона до конца.

Этот вывод невольно вытекает для вдумчивого читателя также из этюда г. Викэра.

В заключение два слова относительно вопроса об «обществе», или «союзе народов», которого касается в своей брошюре автор.

Строго говоря, эта идея, как её не называйте, предполагает сохранение государств с политическими и экономическими границами. Она едва ли может вывести человечество из варварского периода международных войн.

Опыт гаагских конференций, инициатор которых так трагически погиб жертвой последствий войн, которые он хотел, но был бессилён предупредить, — опыт гаагских мирных конференций должен был нас убедить в этом. Ведь там тоже предполагалось объединить народы, организованные в строго отмежеванные государства, в союз для ограничения вооружений и предупреждения войн.

Результаты налицо.

Если идеал демократии, по определению г. Викэра, заключался в том, чтобы «обеспечить и укрепить благосостояние наибольшего числа людей и даже, если возможно, всего человечества», то и международный путь к этому идеалу тоже намечается автором разбираемого доклада. Это, по счастливому выражению г. Викэра, *кооператив наций*.

Свободное кооперативное объединение промышленных центров с близлежащей деревней (земством) в хозяйственном и общественном отношениях на каждой данной географической территории, без практически неосуществимого разграничения населения по национальным признакам — вот как мне представляется самоопределение народов.

Затем, сплетение таких территориальных кооперативов в международном отношении, без политических и таможенных границ, — вот тот будущий строй, быть может, очень близкий в наш век феерического развития истории, который вырисовывается, как результат мировой войны, не только для нас, анархистов, но и в понимании, не вполне ещё оформившемся, части наших противников из капиталистического лагеря.

25) Политический атеизм

Из всех политических и общественных течений только анархистское движение не имеет законченной, обязательной для своих сторонников теоретической и практической программы.

Некоторые видят в этом слабость анархизма, но в этой особенности вся жизненность нашего учения.

Анархизм не претендует подвести всю общественную жизнь под заранее намеченные готовые исторические и законодательные формулы, как к тому стремятся в своих программах все партии, признающие государственную власть.

Анархизм не рассматривает общество как сложное, живое, развивающееся целое, вечно меняющееся во времени и пространстве, разнообразное в своих местных, конкретных особенностях, как сама природа.

Анархизм избегает выставлять застывшую формулу-программу этого развития.

Анархизм не претендует на открытие *своих* особых законов социального развития, как он не покушается на навязывание всему обществу обязательных принудительных государственных законов.

Анархизм только следит за развитием теоретической общественной науки, чтобы вовремя извлечь из неё практические уроки прикладной науки.

Но при этом анархизм, в лице своего учителя П.А. Кропоткина, сделал ценные вклады в теоретическую науку об обществе, или социологию, целым рядом трудов по критическому анализу современного общества и его исторического развития («Речи бунтовщика», «Хлеб и Воля», «Взаимная помощь, как фактор эволюции», «Поля, фабрики и мастерские», — исследования по децентрализации промышленности, исторические изыскания и т.д.).

В области практической деятельности, анархизм наложил отпечаток своего мировоззрения на профессиональное (синдикалистское) и кооперативное движения, и продолжает оказывать это влияние в возрастающей степени.

Если бы социология была законченной наукой, то, конечно, анархисты могли бы из неё составить сжатое практическое руководство прикладной социологии, т.е. написать свою практическую программу.

Но в том-то и беда, что наука о возникновении и развитии обществ далека ещё от точных наук.

Мало того, задача осложняется ещё тем, что в социологии сам исследователь, человек, — является предметом собственных же изысканий и потому не вполне может отрешиться от субъективной оценки переживаемого времени. Субъективные явления, — чувства и мысли, — легко передаваясь другим людям и народным массам, разве не влияют на самый ход истории?

Вследствие вышеизложенного, вдумчивые анархисты давно перестали писать программы для своих единомышленников, или вообще для ознакомления общества со своим учением.

Но в чём же суть анархизма?

Анархизм, это — отрицание государственной власти, — отрицание права за человеком властвовать над другим человеком, равным с ним в правах.

«Анархизм оспаривать можно не принципиально, а только *тактически*. Анархия безусловно хороша, но она *не применима* при данном несовершенном состоянии человеческой природы», — говорит один из наших «тактических» противников, профессор Н. Алексеев.

Но позвольте вас спросить, гражданин профессор:

— Как вы думаете, если человека при «несовершенном состоянии его природы» облечь властью, от этого улучшится ли его «природа»? А ведь государствами правят не совершенные боги с неба, а люди!

Анархизм давно доказал полную несостоятельность стремления обосновать государственную власть на абстрактной несуществующей воле народной массы: всего общества или класса — безразлично.

Общественная власть не более логично может опираться на народную волю, чем монархическая — на божью милость.

И та, и другая теория — грубые фикции.

Это прекрасно сознают наши «тактические» противники, говоря: «Анархизм оспаривать можно не принципиально... Анархия безусловно хороша...»

Если она безусловно хороша, то говорите, проповедуйте её всем.

Если ваша «природа» лучше, если вы умнее и образованнее простого трудового народа, то поучайте его, идите в народ, станьте *народниками*, а не домогайтесь власти над ним.

Все мало-мальски развитые «вожди» политических партий сознают, что не на чем обосновать проблему власти, но все они лицемерят перед народом, все они «тактически» обманывают его.

Так ханжи, не веруя в бога, притворяются богомольными.

Мы же, анархисты, прямо говорим народу истину: мы не верим во власть, в чьих бы руках она не находилась.

Те, другие — политические ханжи. Мы же — *политические атеисты*.

26) Снизойдите, ответьте, просветите!

Люблю я читать «буржуазные» газеты...

Особенно люблю я читать самую старинную, самую учёную из них, которая от нашей свободы, от «Свободы России», даже покраснела.

Много истин она говорит.

Разве не правда, что мы все от «эн-эсов» до просто «эксов» разгромили, разнесли всю могущественную российскую государственность?

Разве не правда, что промышленность разорена?

Разве не правда, что мы хронически недоедаем, голодаем?

Но позвольте, кто же из вас, из вас всех, правее анархистов, включительно и вплоть до кадетов, разрушал государственную власть честно, открыто, принципиально, кроме нас, анархистов?

Вы все «демократы», не вы ли воспевали на все лады «власть народа», «власть числа»?

Вы же ее имеете, «власть массы», «власть тьмы», о чём же сетуете?

Или вы мечтали о власти лучезарной, власти абстрактной, власти надсословной?

Так скажите же вы, старые «Русские Ведомости», вы ли утописты или мы, анархисты?

Ваш Белоруссов от демократической власти вострепнулся, очнулся. Он встряхнулся, пересмотрел свою «идеологию» и поправел, но... не отрезвел.

Ваши «кадеты», конституционные демократы, договорились до диктатуры. До «конституционной» ли диктатуры?

Скажите, мудрые «Ведомости», кто же более трезво понимает жизнь?

Мы ли, анархисты, которые говорим: так как люди не ангелы, а черти, то не надо одним чертям давать власть над другими?

Или вы, которые все твердите: люди не ангелы, поэтому нужна власть... чертей над ними?

Вещие «Ведомости», закованные властью в цепи «Свободы России», снизойдите, ответьте на мой вопрос!

Наша промышленность разорена. Но чем же питалась оплакиваемая вами промышленность?

Не вывозными ли премиями? Не таможенными ли рогатками? Не бессовестной ли эксплуатацией труда и родного мужика, и порабощенных окраин, и отсталых народов?

Вы все «демократы», вы сами своей проповедью начали разрушать государственную власть, и с ней промышленность. Мы же, анархисты, подводили итоги вашей деятельности.

Не вы ли, демократы, проповедовали всеобщее выборное начало?

Тёмный народ должен был разобраться, кто лучше сможет вершить его судьбы в учредительном собрании.

Отчего же безграмотному солдату тоже не выбирать своего начальства, своих стратегов? Разве это не столь же логично, как избирать «народных представителей»?

Ну, и что же? Стали избирать. А если от вашего «демократического» начала не поздоровилось вашей армии, и с ней вашей государственности, то мы потираем только руки, мы подводим итоги, мы видим зарю свободы, — истинной свободы, от которой вам не придется краснеть.

Распалась ваша государственность, разложилась промышленность. Как же быть? Вернуться ли к старому — к вывозным премиям, к таможенным рогаткам, к эксплуатации народов, к милитаризму?

Иль мир клином сошёлся на капиталистических порядках? История застыла, и нет иных путей у неё? Нет новых горизонтов для прогресса?

Вы же, ученые, вы же, опытные, «Ведомости», ответьте! Жизнь — движение. Когда история идет вспять, не к смерти ли она ведёт?

Мы голодаем...

Но кто же виноват? Не ваша ли государственность? Не вами ли защищаемый капитализм с его свободной конкуренцией и свободой истреблять целые народы чудовищными войнами?

Вы требуете отмены хлебной монополии, вы требуете свободной торговли.

А мы-то, наивные, теперь только сообразили, что всякая частная торговля — спекуляция. Есть только степени в спекуляции: разница количественная, а не качественная (да и то не всегда).

Неужели мир опять клином сошелся между государственной монополией и свободной частной торговлей, свободной спекуляцией?

Вы же, «Ведомости», осведомлены, вы ведь люди ученые.

Не слыхали ли вы, что в бывшей столице, на одной лишь Петроградской стороне, действуют 444 потребительских общества, из которых 340 домовых?

«Как возникновение, так и работа их никаким из существующих центров не объединяется и не регулируется; стихийная тяга снизу привела в некоторых только районах к образованию районных или подрайонных союзов. По инициативе московского, литейного и

петроградского районов возникает общегородская кооперативная биржа... Биржа должна стать органом кооперативных центров Петрограда и сможет заменить центральную и районные продовольственные управы, которые обходятся населению чересчур дорого» («Новая Жизнь» от 9 апреля 1918 г.).

Не так давно вы, «Русские Ведомости», писали, что «было бы величайшей ошибкой за внешним видом раздираемой внутренними несогласиями России забыть её действительные силы, её великие ресурсы, её бесконечные возможности» (см. «Заявление партии народной свободы» в № 24 1918 г.).

Вы же, ученые, вы ведь, опытные, «Русские Ведомости», — вложите же конкретное содержание в эти «бесконечные возможности»!

Или вы тоже мечтаете побежать за колесницей диктатора?

Мы, анархисты, мы ведь тоже — народъ, об интересах которого вы пишете ежедневно на ваших столбцах.

Вы, демократы, вы уважаете число.

Нас всё больше становится, мы все шире распространяемся.

Снизойдите, ответьте, просветите!

27) «Неразгаданный сфинкс»

Так назвала небольшая группа «пионеров объединения умственного труда» в своей декларации усматриваемый ею новый пролетарский класс: «пролетариат интеллектуальный».

Вопрос идет о пресловутой «интеллигенции». Разберемся, что она из себя представляет.

Слова, которые повторяются часто и которым придают определённое, общепризнанное значение, называются терминами. К таким терминам относится слово «интеллигенция».

Интеллигентом называют развитого человека, выработавшего свое разумение о жизненных явлениях, преимущественно об общественных вопросах. Попросту говоря, интеллигент, это — человек с собственными убеждениями.

Взгляды интеллигента не всегда бывают прогрессивными, а тем менее революционными. Знаменитый Пуришкевич — несомненный интеллигент, но он монархист. Сотрудник «Русских Ведомостей» Белоруссов безусловно интеллигент, был революционером при старом режиме, а теперь форменный реакционер.

Человек, занимающийся умственным трудом, и интеллигент — не одно и то же. Собственно говоря, исключительного умственного труда не существует. В каждой профессии необходимы и физические, и умственные усилия. Когда в данном труде преобладает тот или другой характер, то профессия называется или физической, или умственной. Есть профессии, которые трудно отнести к той или другой категории. Таковы, например, надзиратели за техническими работами, электротехнические рабочие, писаря и т.п.

Не всякого человека, занимающегося умственным трудом, можно назвать интеллигентом. Сплошь и рядом приходится слышать, что такой-то инженер, адвокат, врач, архитектор и т.д. «не интеллигентный человек». Это не значит, что они в своей профессии — плохие работники. Называя «не интеллигентным», хотят сказать, что такой-то неразвитый человек, не обладает разумением жизни, выработанным собственными усилиями, не имеет собственных убеждений.

С другой стороны, часто приходится слышать, что такой-то — «интеллигентный рабочий». Это значит, что рабочий, хотя и не имеет цельного образования, но благодаря своей любви к знаниям, — чтением, беседами, слушанием лекций, — приобрел достаточный запас знаний, чтобы иметь собственное суждение о явлениях жизни.

Из сказанного вытекает, что под словами «трудовая интеллигенция» нельзя подразумевать только работников умственного труда. Существует также интеллигенция физического труда, которая тоже имеет полное право называться «трудовой интеллигенцией». Ясно поэтому, что трудящуюся интеллигенцию нельзя выделить в обособленный от пролетариата класс.

К сожалению, наши пионеры объединения умственного труда путают эти два разных понятия: трудящуюся интеллигенцию и умственные трудовые профессии.

В сущности люди и той, и другой категории у нас давно объединены.

Первые — в политические партии.

Вторые — в профессиональные союзы умственного труда. Некоторые из последних, как юристы и врачи, даже во всероссийском масштабе. Если наши пионеры хотят их перевести «от узкой цеховой политики» «к широкому пролетарскому объединению», то им незачем было выпускать торжественную декларацию, а просто нужно было взять на себя инициативу созвать совещание представителей хотя бы главнейших существующих умственных профессиональных организаций и сделать им конкретное предложение объединиться на таких-то началах. Одним из этих начал, судя по первоначальной декларации пионеров, было желание спаять в единую Московскую Федерацию «огромную аморфную массу» (очевидно, имелось в виду спаять в Московскую Федерацию также «аморфные» частицы всероссийских профессиональных союзов умственного труда), выдвинуть классовые лозунги и провести их «сквозь учредительное собрание».

В новейшей редакции пионеров говорится: чтобы раздавался в советах властный голос аполитической трудовой интеллигенции.

«Аполитичность» такой трудовой интеллигенции будет вне всякого сомнения. Но согласитесь, что от учредительного собрания, через советы, до единственно возможного аполитизма, называемого анархизмом, существует большая дистанция. Чтобы так широко шагать, нужна известная мягкость убеждений. Твердо же убежденный анархист открыто себя называет таковым.

Но, все-таки, спросит читатель:

— А как же насчет разгадки сфинкса?

Насчет сфинкса путешественники рассказывают, что во Франции давно уже существует большой пролетарский союз. Он называется Всеобщей Конфедерацией Труда. Все трудовые профессии, как умственного, так и физического труда, одинаково в нем принимают участие. Там пролетарии умственного труда — люди скромные. Они не выделяются в особый класс и не говорят громкой фразы за тремя подписями вроде следующей:

«Выступая на поле битвы, шлем братский привет земледельческому и промышленному пролетариату!»

Разгадать сфинкс так же было просто, как разрешить Колумбу задачу с яйцом.

Трудно в наши времена открыть Америку... в России.

28) Былина о трёх китах

На редкость причудлива «Жизнь»[2], — жизнь в кавычках.

До сих пор наш советский строй, — на удивление всему миру и наперекор всем международным капиталистам и богатейшим помещикам, — опирался на два столпа: рабочий и беднейше-крестьянский.

Скоро он будет покоиться на трёх классовых китах: на пролетариате, на крестьянстве (беднейшем) и на «аполитичной трудовой интеллигенции». Вы не поняли?

Так слушайте:

Пролетарий — это тот, кто не имеет орудий производства и продает свой труд.

Беднейший крестьянин — это тот, кто не имеет хлеба и всегда голодает (при советском строе не менее, чем при любом ином).

А «аполитичный трудовой интеллигент», — это образованный человек, который не имеет собственных «твёрдых» убеждений, чтобы открыто их назвать, и тоже мечтает попасть в советы.

Нет, любезные друзья, вы наивны!

Чтобы раздавался в советах ваш «властный голос трудовой интеллигенции», чтобы «выявилось ваше подлинное всегда (?) революционное лицо», и чтобы вам «найти всегда защиту своих интересов», вам нужно иметь зычную глотку, тупой медный лоб демагога и «растирающий в порошок» кулак грубой силы.

Нет, вы решительно наивны!

Куда вы «устраемляетесь», вы, тепличные цветы, анемичные, безвольные?

Я слышал от дряхлой бабушки, — от бабушки-истории, — другую быль, о трёх иных китах.

На них покоится вся *Жизнь*, — жизнь без кавычек.

Первый кит, это — *этика*, мораль или нравственность. Не отвлечённая этика отживших свой век обманчивых религий и учений.

Не слащавая этика «условной лжи» сытых сословий.

Не звериная этика изголодавшегося темного человека.

А естественная этика здоровой *Жизни*.

Этика «без санкции и принуждения».

Этика радости существования «всем биением нервов, всем огнем статей».

Этика, вытекающая из живого источника психо-физиологии человека, любящего и плодящегося.

Второй кит, это — *труд*.

Труд разделившийся, усовершенствовавшийся. специализировавшийся.

Труд, черпающий свою плодотворность из другого свойства психо-физиологии человека: из разума, из мышления, из науки.

Труд, создающий богатства.

Труд, питающий любящего и плодящегося человека.

Труд, объединяющий его по отраслям практических знаний в профессиональные организации, в синдикаты.

Третий кит, это — сотрудничество или *кооперация*.

Кооперация тоже питается своими корнями из разума, из мышления, из науки, созданной психо-физиологической природой человека.

Кооперация объединяет слабые разрозненные силы любящего, плодящегося и трудящегося человека в мощные плодотворные организации.

Спокойно и гармонично покоилась *Жизнь* на этих трёх китах в детстве человека, пока злая фея эволюции, пользуясь молодостью неразумного человека, не выпустила ползучую, лавирующую змею *Власти* между профессиональными объединениями трудящихся и не создала профессиональных привилегий.

Власть стала охранять насилиями и принуждением выгоды одних профессий и урезывать права других.

С тех пор человек, — любящий, трудящийся и могучий, — разделился на богатых и бедных, сытых и голодных.

Бабушка-история рассказала ещё, что никогда не было живучих сословий паразитов. Все нетрудящиеся бесполезные паразиты скоро вымирали сами собой. То были больные. Они встречались во всех трудовых слоях, и богатых, и бедных.

Так называемые *классовые противоречия* и *классовая борьба* всегда были противоречиями интересов и борьбой между профессиональными категориями трудящихся за свои привилегии, поддержанные *Властью*.

Бабушка-история ещё шепнула мне, что человек уже вырос и скоро раздавит голову ползучей и лавирующей между привилегиями змее *Власти*, даже советской.

Тогда исчезнет неравенство между людьми и *Жизнь* прочно установится на трёх вечных китах: на этике, синдикатах и кооперации, — на любви, труде и объединении.

А «Жизнь», в кавычках, нам толкует о «властном голосе» интеллигенции, об «аполитической классовой организации», о её борьбе «в защиту своих интересов».

«Жизнь» в кавычках, берёт за свой счёт в кавычки положения из теорий, похищенных марксизмом у Консидерана.

[2] Газета «Жизнь».

29) Мирозерцание анархизма и синдикализм

В наше время увлечения масс так называемыми крайними партиями не бесполезно познакомиться всем, и в частности рабочим, объединенным в профессиональные организации и оказывающим влияние на ход развития общественной жизни, в чем заключается мирозерцание анархизма.

Общеизвестно, что практический анархизм — международное рабочее движение, главным основателем и вдохновителем которого был Бакунин.

Кропоткин, Элизе Реклю и другие развили, — я бы даже сказал: оформили идеологию Бакунина и способствовали дальнейшему развитию международного анархистского движения.

В широких слоях просвещённого общества и, в частности, среди рабочей интеллигенции Бакунина знают, как знаменитого революционера, как великого бунтаря, но сравнительно немногие знакомы с его научным обоснованием своего бунтарства. Бакунин не был бы великим революционером, если бы свои действия и свою проповедь не основывал на научной философии.

Много было знаменитых революционеров и до Бакунина, много было в истории проповедников «ниспровержения существующего государственного строя», но Бакунин первый объединил революционное действие с научным пониманием развития общественной жизни. Бакунин подвёл под революционную проповедь фундамент научного эволюционного мышления.

Эволюционное понимание развития общественной жизни возникло после знаменитого труда Дарвина «Происхождение видов». До Дарвина предполагали, что вид, т.е. каждая порода животных или растений, постоянен, не изменяется; что потомство всегда воспроизводит прародителей неизменно в таком же виде, как, по учению религии, их Бог создал. Дарвин научно доказал, что породы живых организмов видоизменяются под различными влияниями (природы, борьбы за существование, полового подбора).

Эта теория об изменяемости живых организмов была перенесена и в изучение развития человеческих обществ. Она создала общественную науку, или социологию, которая признает изменяемость общественных порядков и учреждений в истории развития человечества.

Мирозерцание анархизма основывается на научной социологии и говорит: государственная власть возникла по известным историческим причинам. Эти причины непостоянны. С их исчезновением должна упраздниться и государственная власть. Эволюция ведет к уничтожению государственной власти, и мы, сознательные анархисты, способствуем этому активным действием. Мы чувствуем ежедневно гнёт власти и знаем, что с её скорейшим устранением всему обществу будет лучше житься.

Кто убежденно борется с анархизмом, кто хочет искренно от него отмежеваться, как это хотят сделать некоторые товарищи синдикалисты, тот должен доказать, что государственная власть необходима и полезна, примерно, хотя бы для их движения.

Синдикализм не может игнорировать государственную власть, так как государственная власть сама не игнорирует ни рабочих, ни рабочий синдикализм.

Пусть товарищи синдикалисты скажут, как они относятся к государственной власти: нужна ли она для «непосредственного действия каждого рабочего синдикалиста в борьбе за освобождение» или нет? Если нужна, то им придётся назваться синдикалистами-государственниками. Обойти же этот вопрос молчанием они не могут. Этого им не позволит ни красногвардеец или милиционер, что стоит на углу улицы, ни завтрашний городской. (Они разнятся только названием.)

Если товарищи синдикалисты в сердцах скажут: «Ну их всех... к дьяволу», то... то они станут анархо-синдикалистами.

30) Размышления о Советской Федеративной Республике

(Посвящается молодым и наивным большевикам)

В широких кругах политически подрастающего поколения и даже в партиях плохо дают себе отчет, в чем суть и чем стремится Советская Федеративная Республика отличаться от всякой иной.

Между тем, очень важно выяснить этот вопрос, чтобы понять, почему новый режим, несмотря на все кричащие противоречия по отношению к лозунгам, под сенью которых он зародился, несмотря на свои возмутительные преступления и неслыханные насилия, все еще находит поддержку в народных массах.

В речи, произнесенной на 3-м Съезде Советов в Москве, Ленин назвал новый политический строй «высшей формой», в которой «уничтожен угнетательный аппарат государства».

Из кого же состоит аппарат государства, как не из чиновников или бюрократии?

Новый политический строй устранил все старые кадры бюрократии, которых нерешительное Временное Правительство коснулось поверхностно, и передал самые широкие полномочия советам на местах. Этим самым он вызвал к жизни широкую самодеятельность местных общественных сил.

В печать проникают, главным образом, отрицательные проявления этой самодеятельности, порожденные низким уровнем общей культуры, но она мало откликается (даже большевистская печать) на чисто практические будничные созидательные стремления народа на местах.

Большевистский режим держится не потому, что народ верит большевистским верхам, а потому, что он не изверился в самом себе.

У народа два исхода: между старой твердой властью, хотя бы прикрашенной «правовыми порядками», и нынешней, безалаберной, он выбирает меньшее зло, он терпит до поры до времени последнюю.

Само Временное Правительство сознавало необходимость смягчения «угнетательного аппарата» чиновничества; идя навстречу духу времени, оно отменило все чины. Правительство Народных Комиссаров подтвердило эту отмену, но, к сожалению, ни то, ни другое, отменив чины, не упразднило самих чиновников.

Чтобы осуществить народные стремления, верно схваченные, но ложно проводимые Лениным, — чтобы упразднить угнетение народа государством, Советская Федеративная Республика должна стать государством без чиновников. Иначе она или погибнет, или приведет к старой сущности под иными названиями.

Чиновники всегда являются исполнителями власти государства, — власти, захваченной той или другой политической партией, а не воли самого народа.

Если сегодня все учреждения власти находятся в руках социалистов, то при чиновничьих, бюрократических порядках они завтра могут быть захвачены даже монархистами.

К сожалению, товарищи-большевики, даже мнящие себя очень передовыми по идеям, не могут себе представить общественный строй без целого ряда чиновников, командующих одни над другими и все вместе над народом, начиная от последнего красногвардейца и кончая самым министром — народным комиссаром.

Если заглянуть в наши участковые комиссариаты, то всякий убедится, что, если они чем отличаются от полицейских участков царских времен, то разве названием и тем, что «благонадежными» стали те, кто громче кричит о революции, а на самом-то деле, кто является, быть может, худшим врагом народа.

Для чего нам нужны все эти «комиссары», их помощники и иные чиновники?

Если бы они были полезными трудовыми элементами, то где-нибудь учились бы своему ремеслу.

Всякому полезному делу нужно учиться и долго учиться. Вот хотя бы сапоги тачать, стол сколотить, детей учить, больных лечить. А комиссаром тебя в две минуты сделают: выправят бумагу, подпишут, печать приложат, и готово!

Комиссаром сделаться — это всё равно, что в магазине одежду примерить: вчера, примерно, ты был «комиссаром по иностранным делам», сегодня тебя сделают «комиссаром-диктатором по продовольствию», а завтра — «военным комиссаром» и в придачу ещё «морским».

Чиновничье это ремесло. Оно осталось у нас от царского режима, да от выборных порядков капиталистической государственности. Ведь при последних тоже избирают депутатов в государственные думы и учредительные собрания, и поручается им вершить все

общественные дела. Малый ребенок, и тот сообразит, что один и тот же человек не может всё знать; он не имеет права даже простой совет дать, не только что обязательные для всех законы издавать по всем общественным вопросам.

И выходило на практике, что всеми общественными делами правила кучка чиновников, старых пронырливых карьеристов, а не народ. Так было не только в России, так было и остается в Западной Европе и в самой Америке, так, в сущности, продолжает оставаться и у нас теперь.

Чиновничество заест и погубит Советскую Федеративную Республику, оно превратит её в старый угнетательный аппарат для всех, если трудовой народ во-время не примет мер, чтобы искоренить снова народившееся у нас чиновничество.

А сделать это очень просто, нужно только вникнуть в самую суть вопроса.

Чем держится чиновничество у нас и везде, во всём мире?

Тем, что оно выкачивает налоги из народа и при помощи денег верховодит всеми общественными делами. Оно составляет годовой бюджет для всего государства, в первую очередь, конечно, для себя, для оплаты своего жалованья. В так называемых демократических странах оно заставляет парламент, или государственную думу, разыгрывать комедию и утверждать государственные приходы и расходы. То же самое установится и у нас в Советской Республике (только вместо парламента государственную смету будет утверждать Съезд Советов, что по существу сведется к тому же), если народ будет продолжать платить подати чиновникам.

Все политические партии, завладевшие властью или домогающиеся её, смотрят на народ, как на малого неразумного ребенка, которым нужно руководить, который не дорос до того, чтобы мог сам вершить свои дела, и над которым нужна опека. Вот этими-то фактическими опекунами и являются чиновники, а всякие там парламенты, государственные думы и даже съезды советов узаконяют только управление чиновников.

Если мы не хотим, чтобы Советская Федеративная Республика тоже превратилась в подобное чиновничье государство, то, прежде всего, не должны выпускать из своих рук все сборы или налоги для общественных или государственных нужд.

Нужно, чтобы в каждом селе мирской сход, — или, по-новому, *сельский совет*, — и в каждом городском доме собрание жильцов или *домовый совет*, сами установили свои налоги сообразно с достатком каждого, по совести и справедливости; нужно, чтобы эти деньги вносились в особые земские и городские народные банки, которые следует учредить в главных городах; нужно, чтобы внесенные деньги оставались на текущем счету в распоряжении мирского схода или домового собрания, а не чиновников, и, наконец, нужно, чтобы без одобрения мира или собрания ни одна копейка не могла быть израсходована.

Раз в год выборный мирской или домовый комитет (примерно, старшина — председатель, писарь — секретарь и казначей) представляют на обсуждение и утверждение мирского схода, или домового собрания, смету расходов на земские и городские общественные нужды. При

составлении смет мирским и домовым комитетам помогут профессиональные союзы разных отраслей общественных служб (учителя, врачи, инженеры, агрономы, лесоводы и т. д.), которые разработают общие земские и городские сметы по каждой отрасли служб для волости, уезда и округа (губернии) или участка, района и города, и затем произведут пропорциональную подушную разверстку на села и дома.

Расходовать же будут ассигнованные суммы профессиональные союзы трудящихся каждой отрасли общественных служб согласно сметам.

Таким образом, государство будет организовано на начале свободной кооперации, сельских (земских) и домовых (городских) общин, вместо принудительного объединения централизованной правительственной властью.

Задача не так уж сложна, дело не так хитро наладить. Всё новое, непривычное обыкновенно кажется трудным, пока не приобретается навык.

31) Откуда пошла контрреволюция?

До февральской революции в России была одна, всеми признанная, никем не оспариваемая контрреволюция: самодержавная власть.

Вспыхнула февральская революция.

Самодержавная власть рассеялась, как тяжелый кошмар.

Вы помните те чудные дни безвластия, те чудные дни анархии, когда даже «гражданин» Николай Романов стал равен всем смертным? Захотелось ему поехать в армию, он свободно туда поехал; захотелось ему вернуться, никто ему не помешал; наконец, он сам понял гибель контрреволюции и надумал отправиться на «покой» в бывший дворец — Ливадию, превратившийся по мановению феи революции, в хутор частного человека.

Тогда человек, гражданин Николай, встречал только жалость и сострадание к себе. Власть же самодержца, — контрреволюция, — оказалась окруженной пустыней.

Тогда контрреволюция никому не была страшна. Тогда у контрреволюции не было преемницы, не было иной организованной государственной власти.

Но недолго продлились свободные дни и радужные надежды революции.

Не долго длилась анархия — мать порядка.

Не долго длилось всеобщее объединение народов России без принуждения власти.

То самое объединение, перед которым опустили руки даже у внешнего врага: он не смел поднять меч на зародившуюся свободу, способную в молодом порыве всеокрушающей лавиной смять посягателей.

Не долго продлилась истинная свобода-безвластие.

Вожди политических партий, от кадетов до социалистов-государственников, не дремали. Они затеяли фарс отречения царя от престола и власти, — царя, который фактически уже был отрешён от всего.

Затем фарс разыграли в комедию «преемственности власти» и водворили контр-революцию, водворили власть Временного Правительства.

Кто же организовал и поддерживал в те дни истинной свободы, в те дни анархии порядок и единение?

Советы.

Советы, не претендовавшие тогда на власть.

Советы, не ставшие еще яблоком раздора для захвата власти.

Советы, объединявшие на местах все трудовые и общественно-полезные слои населения.

Советы, не исключавшие из своей среды инакомыслящих; советы, уважавшие права всех и прислушивавшиеся к голосу каждого.

Советы, двери которых были широко открыты для всякого живого почина, а не заслонялись наемными штыками и пулеметами.

Но вожди политических партий падки на власть, как дикари на водку.

Вместо того, чтобы повести народ, — народ, объединённый вокруг советов на местах, — на борьбу с организовавшейся контр-революцией, с государственной властью, они повели народ на захват власти, за насаждение контрреволюции в самих Советах.

Октябрьская революция, к которой примкнули многие из анархистов в надежде на очищение революций от контрреволюции, от государственной власти, — привела к насаждению контрреволюции в самих Советах.

Теперь мы переживаем времена наивысшего расцвета контрреволюции, необузданного произвола государственной власти.

Ни одно средство, ни один прием из арсенала самодержавия не остался не использованным.

Призыв и принуждение угрозами к доносу, наёмный сыск, произвольные обыски, огульные аресты, гноение в тюрьмах, административные расстрелы, — это ли не контрреволюция?

Запрещение митингов, удушение свободного слова, грабительские штрафы, закрытие газет по прихоти власть предержащих, разрешительная система для периодических изданий, — это ли не контрреволюция?

Суды, нарушающие в угоду власти, для них же изданные законы, выносящие смертные приговоры над политическими противниками, — это ли не контрреволюция?

Расстрелы рабочих на митингах и собраниях, расстрелы волнующегося голодного народа, карательные экспедиции с массовым истреблением сдавшихся повстанцев — это ли не контрреволюция?

В завершение, установление парламентаризма на съездах Советов и чудовищная бюрократическая централизация, — это ли не контр-революция?

Сама *Всероссийская Советская Конституция*, основанная не на свободной, не принудительной федерации самоопределившихся территорий, а на государственной централизации, не есть ли попытка воскресить основное начало *Всероссийского Учредительного Собрания*, — не есть ли контрреволюция?

Стоило ли ломать копья, проливать человеческую кровь, чтобы подменить советский строй, основанный на самодеятельной организации народа на местах, без неизбежно угнетающей центральной власти, — самым подлинным по своему строению буржуазным парламентом и господством наемных чиновников?

Вы говорите, что дали гражданские права только трудящимся, но ведь трудящиеся же всегда составляли народную массу, — где же преимущество? Какое существенное улучшение представляет новая цензовая система голосования?

«Мы уничтожили парламент для богатых, мы учредили парламент для бедных!» — хвалился Ленин в одной из своих речей.

Ваш парламент бедному и трудящемуся народу не нужен.

Он нужен для вашей партийной клики, чтобы выплясывать на спине народа кровавую вакханалию произвола и усмотрения.

Контрреволюция во власти — в чьих бы руках она ни находилась.

Было бы болото власти, черти контрреволюции заведутся.

В болоте власти сейчас царствуют вожаки большевистской партии.

Великану же народу нужна не власть пигмеев, партийных вожаков, а советский строй, очищенный от «подлого яда власти» человека над человеком...

32) «Веский аргумент»

Исторически не так давно Швейцария давала убежище политическим беглецам не только из России, но и из западно-европейских стран.

Когда в конце минувшего века мне пришлось, волей российских порядков, учиться в Женеве, там в университете еще преподавали два мировых светила науки: зоолог Карл Фохт и физиолог Морис Шифф, оба бежавшие от смертных приговоров.

Первый, современник Бакунина и его соратник по борьбе с «Богом», бежал из Германии, второй — из Италии.

Из деятельности Карла Фохта рассказывали следующий колоритный эпизод.

Когда в самый разгар пропаганды дарвиновской теории и естественно-исторического материализма, он читал раз в Женеве с шумным успехом перед битком набитой аудиторией одну из своих знаменитых общедоступных лекций, то бессильные в своей злобе клерикалы кинули в проповедника научных знаний камнем на эстраду.

Маститый ученый нагнулся, поднял камень и потрясая им высоко над головой, перед жадно ловившим каждое его слово собранием, воскликнул:

— *У моих противников веский аргумент!*

Этот красочный эпизод мне вспомнился, когда узнал, что по постановлению наших «революционных» и даже не просто «социалистических», а «коммунистических» властей вновь закрыта, — (уже потерял счёт, в который раз), — вся независимая периодическая печать.

Да, действительно, у гонителей свободного слова *веский аргумент!*

Грубое физическое воздействие вместо обсуждения, застывшая догма — вместо ума, убожеская демагогия — вместо знаний, вот оружия борьбы «нищих духом» у власти, трепещущих в паническом страхе перед светом критики и истины.

Таковой была тактика всякой власти, таковой она остается у «социалистов-коммунистов», завладевших ею.

Разница лишь в том, что новая власть, — без опыта и лоска, стоящая под руководством мутных осадков интеллигенции, преподносит свой произвол без румян и белил «правово-порядковой» законности.

Власть и свобода, это — вода и огонь.

До тех пор пока будет существовать власть, она будет тушить священный огонь свободы.

Вместо тонкости ума, последовательных знаний, исканий свободной мысли — бронированный кулак полицейского воздействия, уличный булыжник, кинутый в науку: вот последний довод всякой власти.

Да, действительно, у власти всегда имеется в запасе «*веский аргумент!*»!

33) Террор

«Плохой революционер, который не понимает, что ничего длительно законченного и незыблемого революция не устанавливает... то, к чему мы имеет намерение призвать все советы... отнюдь не на ослабление террора по отношению ко всем врагам Советской власти, но, наоборот, на самое резкое усиление массового террора».

Так проповедывал на кануне 6-го июля с трибуны 5-го *Всероссийского Съезда Советов* тот, который для иностранных государств призван представлять Советскую Россию и принимать вверительные грамоты послов, признавших ее правительств.

Нашлись люди, которые вспомнили, что «*Всероссийский*» Съезд должен представлять *всю* Россию.

Нашлись люди, которые не забыли, что Украина, Финляндия, Прибалтийский край, Закавказье не добровольно отложились от России.

Нашлись люди, которые не упустили из вида, что сейчас на покорение Советского Бакинского района движутся германо-турецкие войска.

Что же удивительного, что на следующий день люди искренние, люди любящие советский строй вместе со всей Россией, а не мишурную власть одной партии над «оазисом», подняли руку на представителя злейшего врага Советского строя, — на представителя германского милитаризма?

Народные Комиссары говорят, будто опасаются войны.

Войны с «дружественной» Германией из-за одного убитого человека, будь то даже посланник?

Полно притворяться наивными!

Россия — могущественная, самодержавная, не объявила же войны Персии из-за убийства своего посланника Грибоедова в Тегеране, при попустительстве властей?

Франция не объявила войны Италии из-за убийства президента Карно италианцем-анархистом Кассерио?

Кто не понимает, что не из-за убийства австрийского наследника на австрийской же территории возникла и продолжается мировая война?

Из-за таких «частностей» государства не воюют.

То, чего Народные Комиссары боятся, — то, из-за чего они поспешили расстрелять без суда и гласного следствия в первые же дни в Москве 14 революционеров и ползали на животе в своих «правительственных сообщениях», это — опасение потерять поддержку Германии для

своей власти.

Полно кривить душой и запугивать народ войной!

Все прекрасно понимают, что войны быть не может.

Может последовать только *прямая* оккупация германскими империалистами Великороссии, вместо *косвенной*, покорными перед их наглыми притязаниями русскими властями.

Но еще большой вопрос, рискнёт ли сделать этот шаг истощённая, зарвавшаяся в ширь, расшатанная в своих основах Германия наших дней?

А если и рискнет, так что же? Беззащитная Москва во второй раз увидит нашествие завоевателя и затем... его позорное бегство.

Ближе придвинется к нам час конечного освобождения...

Вернемся к террору.

Террор, это средство борьбы слабых физической силой, но сильных духовной правотой.

Расстрелы по суду и по административному усмотрению, не революционный террор, а опозорение и загрязнение светлого идеала революции. Это — жестокая месть-расправа сильного над слабым. Это — убийство, рассчитанное на безнаказанность для убийцы, и без шансов спасения для жертвы.

Революционный террор — не проповедь, не теория, а проявление здорового инстинкта самосохранения сопротивлением.

Что же, Германия, — победоносная даже не в открытом бою, а в закулисной деморализации России, — пощадила народы России? Их единение после февральской революции? Их независимость?

Нет, она цинично принудила подписать Брестский договор, сделав бесцельным даже его прочтение.

Она заставила признать капитуляцию права перед силой, справедливости перед произволом. Московский акт 6-го июля, это ответ на Брестский акт.

Виновников ищите в Берлине!

Великий опыт

1919, источник: [здесь](#). Ал. Атабемян. Великий опыт. М.: Почин, 1919. 16 с.

Неоспоримая заслуга большевиков, — товарищи, склонные безоговорочно критиковать их деятельность, не должны этого упускать из виду, — это то, что они вложили практическое содержание в теорию государственного социализма, произвели «великий опыт» во всерусском масштабе.

Что такой «опыт» был возможен в испытываемых нами формах только в стране классического абсолютизма, в бывшей вотчине Романовых, и каких он стоил и продолжает стоить жертв и страданий народу, — это иной вопрос.

Своим «опытом» большевики показали на деле все отталкивающие свойства, всю несостоятельность, доходящую порой до нелепости, государственной власти, взявшей на себя задачу облагодетельствовать трудящихся, т.е. всю массу населения, преимуществами социализма по своей партийной программе.

Мировая война расшатала основу капиталистических порядков — частную собственность. Своими обширными разрушениями, явными произвольными захватами, или под видом реквизиций, она поколебала в сознании народных масс уважение к святости и неприкосновенности частной собственности. Большевизм же в корне убивает веру в чудодейственное призвание государственной власти, даже претендующей выражать волю трудовых масс и проводить осуществление их благосостояния.

Большевизм изо дня в день, шаг за шагом доказывает, что государственная власть имеет свои неустранимые свойства; она может менять свой ярлык, свою «теорию» и своих слуг, но по существу она остается властью, деспотизмом, и воскрешает старую суть власти в новых образах.

Теорию власти «божьей милостью» сменила власть «народной волей». Последнюю большевизм вытеснил «диктатурой пролетариата», сводящейся на практике — ни для кого это не тайна, — к диктатуре одной партии, ничтожного меньшинства^[1], применяющего во всерусском масштабе свой «просвещенный деспотизм» к народным массам.

Решимость в проведении своей воли, отсутствие вдумчивой критики, свойственное затемненным властью умам и прямолинейным фанатикам, нравственная беззаботность по отношению к последствиям своих действий, — вот характерные свойства большевизма.

Большевики взялись на деле установить социализм при помощи аппарата власти. Не стану входить в легкую критику «маленьких недостатков механизма», — хотя эти недостатки настолько многочисленны, что делают негодной всю машину, — рассмотрим основные области «великого опыта»: производство, товарообмен, распределение продуктов и общественно-политические порядки.

* * *

Государственная власть задалась целью руководить всем производством страны. Для этого она произвела ряд национализаций.

Национализация собственности сводится попросту к ее захвату государственной властью, не считаясь не только с бывшими владельцами, но и с рабочими заводов, фабрик, мастерских или с жильцами домов.

Предержатели власти всегда и во все времена стремились к скоплению государственной собственности для закрепления своего могущества.

Государственная собственность так же стара, как и сама государственность.

То, что отличает большевистскую национализацию, — это широкие размеры ее применения во имя блага трудовых масс.

Какие же преимущества получают трудящиеся от такой национализации? Какая выгода для рабочего от того, что труд его покупает государство, вместо частного хозяина или правления какой-либо акционерной компании?

Получают ли рабочие в свое распоряжение производительный капитал? Могут ли они свободно проявить свои познания, опыт и почин в деле производства, и тем поднять свое благосостояние?..

Власть имеет свою природу и особое свойство: она не любит деятелей, она неизбежно стремится к нейтрализации, к сосредоточению полноты воли в своих руках.

В деле производства мы видим, что планы Высшего Совета Народного Хозяйства являются незыблемыми рамками, железными тисками в ходе производства, из которого все более и более устраняется сам рабочий, все слабее становится его влияние на собственное хозяйственное развитие.

В «великом опыте» наемный труд — салиариат — по существу своему не изменился. От того, что пролетарий продает свой труд государству, он не перестает быть пролетарием.

Государственная власть бессильна обеспечить право на труд, — на работу и заработок; она практически не поставила даже этой задачи и только развила биржи труда, это характерное наследие капиталистических порядков.

А ведь осуществление социализма должно начаться именно с упразднения искателей работы, продавцов рабочих рук. Без уничтожения института salariата, — пролетариев, продающих свою рабочую силу, — не может быть речи о практическом осуществлении социализма. Опыт, который производится над Россией, лишен основного признака социализма.

Высший Совет Народного Хозяйства призван в большевистском общественном строе направлять все производство страны «по заранее выработанному согласованному плану». Но из кого же состоит Совнархоз[2]?

Из смертных людей, конечно. Из людей, ограниченных в своих знаниях, способностях и опыте; — из людей, решающих спорные и сомнительные вопросы механическим голосованием. Истина определяется числом поднятых рук. Мнению Галилея, настаивающему: «А все-таки земля вертится», — нет места в Совнархозе! Грибоедов забыт: люди из Совнархоза могут давать законы, затрагивающие самые основы нашей жизни, и не ошибаться.

Для них, для вождей большевизма, человеческое общество не сложное живое целое, с едва початым изучением его свойств и законов развития, а механическая постройка.

И они проделывают над ним опыты «во всероссийском масштабе».

Знахари проявляют большее понимание свойств природы, сложности жизни.

В результате — рабочий голодает, безработный слоняется за трудом, социальное обеспечение сводится к словам без содержания, нищенство процветает, несмотря на его упразднение декретом. Вместо социализма получился государственный капитализм со всеми отрицательными свойствами и проявлениями частновладельческого капитализма.

Хуже того. С буржуазным капитализмом была возможна борьба; государство-хозяин сокрушает всякое сопротивление, всякий протест против своей воли и прихоти.

Так обстоит дело производства в рабоче-крестьянской республике.

* * *

Перейдем к рассмотрению товарообмена.

О внешнем товарообмене говорить не приходится. Хотя декретом Совнаркома внешняя торговля национализирована, т.е. монополизирована государственной властью, но пока что, вследствие общих практических условий, внешней торговли не существует.

О том, как справились бы наемные чиновники социалистической власти с задачей количественного и качественного определения бесчисленных продуктов народного и промышленного потребления, со своевременной их закупкой и доставкой на места, с

заботой об их хранении, особенно легко портящихся товаров, до времени распределения, можно только гадать, — и гадать едва ли в оптимистическом для социалистической бюрократии направлении.

О внутреннем товарообмене можно говорить уже на основании прямых данных.

Внутренняя торговля тоже национализирована, и эта мера постепенно проводится в жизнь, начиная с предметов первой необходимости и широкого потребления.

Государственная власть взяла на себя заботу добывать для населения все необходимые продукты и распределять их по потребностям каждого.

Дело с приобретением предметов крупного фабричного производства — особенно после национализации многих из них, т.е. с их переходом в руки государства-хозяина, — сравнительно упрощено. Правительственная власть берет все выработанные ими товары на учет и распоряжается ими.

Иначе обстоит дело с продуктами крестьянского хозяйства и мелкой промышленности.

Каковы размеры последних, даже в западно-европейских странах, их устойчивость в конкуренции с крупной промышленностью и земледелием, и часто их превосходство перед некоторыми отраслями крупного производства, можно судить по обстоятельным изысканиям П.А. Кропоткина в его труде «Поля, фабрики и мастерские». Общее количество продуктов мелкого производства и земледелия, особенно в крестьянской России, во много раз превосходит количество фабрикатов крупной промышленности. Тут попытки к учету наталкиваются на такие непреодолимые технические и общественно-психологические препятствия, что социалистическая власть, после ряда бесплодных попыток, вынуждена была отказаться от систематического учета, особенно в деревне, и ограничивается, наподобие прежних режимов, поддержанием монополии на некоторые предметы первой необходимости.

Таким образом, теория государственного социализма, берущего на учет всё производство страны и регулирующего товарообмен (для равномерного распределения продуктов), разбивается о действительность.

Мнимая научная теория оказалась утопией. То, что можно было предусмотреть, на что давно указывал Кропоткин, большевики проверили своим «великим опытом», кровью и насилиями, на живом теле народа.

Власти не присуще признавать свои ошибки, свое бессилие и добровольно уйти. Она упорствует в своих заблуждениях. Для оправдания социалистического смысла своего существования большевистская власть установила так называемые «заградительные отряды». Не гнушаясь приемами и средствами, она стремится косвенным путем упразднить частный и даже коллективный (кооперативный) сбыт жизненных продуктов и заставить производителей сдавать их правительству.

В XX-м веке социалистическая власть воскресила средневековые феодальные рогатки для товарообмена. «Заградительные отряды» вас обстреливают, обыскивают и обирают не хуже прислужников феодалов. И это называется проведением социализма в жизнь!

И все-таки власть не достигает цели. Товарообмен, без которого не может существовать культурное общество, уходит в подполье, дробится в форме мешочничества, мельчает на рынках, жизненные продукты дорожают до крайних пределов и исчезают из потребления прежде всего тех самых беднейших слоев населения, которых социалистическая власть взялась облагодетельствовать.

В погоне за химерой — заменить жизнь своей теорией, общественную самодеятельность — декретами, приводимыми в исполнение чиновничеством, — власть, между требованиями действительности и велениями теории, все время колеблется. То она разрешает «1½-» закупки, то организует рабочие продовольственные отряды — «крестовые походы» в деревню за хлебом, затем упраздняет их, то усиливает заградительные отряды, то ослабляет их и разрешает провоз некоторого количества нормированных (монополизированных) продуктов и снимает ограничения для остальных.

В результате, внутренний товарообмен все-таки не налаживается, города лишены продуктов земледелия, а деревня — фабрикатов.

Правильный социалистический товарообмен терпит неудачу не потому, что он невозможен, а потому, что его нельзя осуществить государственным, чиновничьим путем, а лишь объединением самих производителей, кооперацией.

И в этом один из ценных уроков «великого опыта», производимого государственными социалистами-большевиками над полуразоренной деревней и пустеющими городами России.

* * *

Начало государственного социализма в деле производства и товарообмена терпит неудачу вследствие расхождения теории с действительностью. Практически оно свелось к расширению существовавшей во все времена государственной собственности и к установлению ряда государственных монополий, процветающих в капиталистических странах, наподобие винной монополии, осуществленной в монархической России.

Ни то, ни другое никто не назовет социализмом.

Быть может, социалистическая природа нового режима проявляется в задачах распределения предметов потребления?

Не станем останавливаться на технике распределения. Ее приемы были выработаны за время мировой войны правительственными органами в Западной Европе и общественными организациями у нас в России (преимущественно Всероссийским Земским и Городским

Союзами). Применение техники может быть улучшено, ее приемы — усовершенствованы, это — вопрос времени и опыта.

Разберем самое начало, легшее в основу распределения, и как оно проводится в жизнь.

Распределение называется классовым. Социалисты, делившие всегда общество на два разграниченных класса, на бедных и богатых, на трудящихся и эксплуататоров, решили установить преимущество первых над вторыми.

Нужно заметить, что в «великом социалистическом опыте» трудовое крестьянство почти совершенно изъято из планов распределения продуктов, даже фабрикатов промышленности. Это не мешает все-таки называть захваты разных промышленных предприятий государственной властью «национализацией». Как будто крестьянство, составляющее главную массу населения страны, не равноправная часть «нации». В «рабоче-крестьянской республике» диктаторствующий пролетариат обходит «беднейшее крестьянство». Таким образом, распределение продуктов производится почти исключительно в городах, где сосредоточено рабочее население, и оно проводится по классовому признаку.

Но после того, как в стране вся крупная промышленность и торговля национализированы, или взяты под контроль и на учет, — в стране, где все банковские учреждения захвачены государством и крупные ценности секвестрированы, дома и другие недвижимости «муниципализированы», где бывшие помещики не получают ни одного гроша аренды за землю, — может ли быть поставлен вопрос о богатых паразитах, как о классе?

Демагогическая фраза о классовом пайке бьет по пустому месту.

Классовый паек — пыль, бросаемая партией, цепляющейся за власть, в глаза рабочим. Иначе, почему члены семейств самих рабочих изъяты из преимуществ высших категорий?

На деле под классовым ярлыком стараются провести физиологические категории.

Высшими пайками пользуются не все рабочие безразлично, а трудящиеся профессий, требующих наибольшие физические усилия, следовательно, наибольшую затрату живой энергии. Члены же семейств этих самых рабочих (за исключением матерей, обслуживающих лично многочисленную семью) приравниваются к разряду «нетрудовых элементов».

Все дети без различия происхождения пользуются особыми паечными преимуществами, равно как и матери-кормилицы.

Беременные женщины всех категорий переведены в первую.

Больные, без классовых разделений, могут получать по назначению врачей дополнительные пищевые продукты.

Все это делает, конечно, честь «гуманности» продовольственных органов, но почему эта гуманность не должна открыто распространяться на каждое человеческое существо?

Неужели это так страшно для целостности и чистоты «социалистической этики»?

Или для народного обихода нужна лезть грубым эгоистичным инстинктам темных масс?..

Лживая постановка под классовый ярлык дела распределения продуктов, понятно, уродует и попытки провести физиологические нормы; она создает лишь плодородную почву для расцвета всяких несправедливостей, хищений и злоупотреблений.

Но основной дефект коммунистического (?) распределения вытекает из крушения «великого опыта» в задачах производства и товарообмена. Население городов не получает от социалистических властей и минимальной физиологической нормы для влечения хотя бы полуголодного существования.

Если население городов окончательно не вымерло, то только потому, что одна часть укрылась из сферы воздействия «великого опыта» — разбрелась по деревням; другая — разоряется материально и принижается морально, чтобы протянуть свое полуголодное существование до «лучших дней».

* * *

Перейдем к рассмотрению общественно-политических порядков.

Большевики называют созданное ими государство — федеративной республикой.

Федерация означает добровольный союз самостоятельных единиц, будь то государства, группы людей или даже отдельные личности. Каждая единица, вступающая в федерацию, сохраняет за собой право расторгнуть союзный договор, коль скоро он перестает соответствовать ее потребностям, стремлениям и желаниям, и выйти из союза.

Типичными примерами федераций личностей являются в общественно-политическом отношении — профессиональные союзы, или синдикаты; в хозяйственном — кооперативы. Каждый член может в любое время выйти из синдиката или кооператива. Уставы или союзные (федеральные) договоры этих объединений личностей обыкновенно ясно оговаривают и предусматривают условия этого выхода. Лица, приобретшие таким образом свою первоначальную самостоятельность, могут вступить в новые союзы со своими единомышленниками. Даже не выходя из союзов, члены их имеют возможность образовать новые союзы для удовлетворения иных потребностей и стремлений.

Свободный договор и возможность расторгнуть его — вот основные признаки федерализма.

Федеративное начало применимо и к государственным единицам. Так возникли из самостоятельных кантонов и штатов Швейцарская Конфедерация и Северо-Американские Соединенные Штаты. Но основное свойство современных государств — принуждение власти — с течением времени берет верх над федеративным началом, свободный договор превращается постепенно в мертвую букву, централизация и принуждения союзной власти

искажают свободный характер договора и первоначально вольный союз вырождается в более или менее централизованное государство. Союзное управление превращается в союзное правительство, со стремлением сосредоточить в своих руках полноту власти и по мере возможности распространить ее.

Государственные федерации, чтобы иметь основание носить это название, должны хотя бы в исторический момент своего зарождения исходить из свободного договора.

Можно ли назвать поэтому большевистскую Россию федеральной республикой?

Очевидно, нет. Нынешнее правительство Веллкороссии — прямой преемник аппарата централизованной власти Временного Правительства и монархического строя, а не федеративного происхождения. Большевистская партия еще более усилила сосредоточение правительственной власти, расширением ее влияния на хозяйственную жизнь страны.

Старый империализм с мировыми вожделениями под новыми лозунгами — вот что представляет политический строй большевистской России.

В своем «великом опыте» правящая партия не сочла нужным даже инсценировать исторический момент заложения государственной федерации.

Единственный союзный акт, составленный уже после объявления центральной России федеративным государством, это — договор, заключенный с... башкирским временным правительством, но и этот договор носит явный характер условий, продиктованных сильным слабым, чем свободного договора двух равных в правах сторон.

Преемница старой централизованной власти, большевистская власть воскресила под новыми названиями и формами никудышные учреждения самодержавной России.

Милитаризм в полном расцвете: овальная кокарда заменена звездой, но восстановлены принудительный набор, дисциплинарные наказания и военные суды, налагающие кары вплоть до расстрелов; спутницы военщины — внешние войны и внутренние карательные экспедиции — в полном разгаре.

Нет больше Государственной Думы, но созываются Съезды Советов, а на местах... Советы разгоняются центральной властью по представлению новых всемогущих «сфер» — партийных комитетов и ячеек.

Нет больше цензуры, но без разрешения «комиссара печати» ничего не выпустят из типографии.

Свобода сходов, собраний, манифестаций, союзов, стачек, неприкосновенность личности и домашнего очага — все то, за что распинались до захвата власти, стало «буржуазным предрассудком».

Третье Отделение полиции процветает со всеми своими атрибутами под названием Чрезвычайных Комиссий; правительственный террор доведен до африканских нравов —

расстрела заложников...

«Сперва закрепление завоеваний (?) революции, затем свобода», — «сперва успокоение, затем реформы», — так рассуждали и рассуждают Столыпины всех времен. То, что для них важно, это — удержать одурманивающую власть в своих руках, не разбираясь в средствах.

Социалисты-государственники всегда нас уверяли, что их власть не будет угнетать личность; это будет управление вещами вместо управления людьми.

Своим «великим опытом» большевики на деле показали, как это управляют вещами, не стесняя свободы.

По их теории, в социалистическом государстве все трудящиеся должны быть равны и свободны в политических и экономических правах. На практике политические свободы вылились в еще больший разгул правительственной власти над самими рабочими и их организациями, чем в капиталистических демократических странах. Власть, облачившись в обманчивые «рабоче-крестьянские» ризы, позволяет себе по отношению к трудящимся неслыханные насилия, напоминающие худшие времена царского режима. Разгон Всероссийского Профессионального Союза учителей и конфискация его имущества, преследования союза печатников, требование от комитетов профессиональных союзов сообщать, под страхом ответственности, партийную принадлежность членов, а если беспартийный, то обязательно заявление, кому сочувствует, крутые расправы с рабочими даже за мирные забастовки, убничтожение стачечного фонда, удушение всякого, даже сдержанно-оппозиционного свободного слова и принуждение населения к чтению в течение долгих месяцев исключительно демагогических выкриков казенной и репильной (партийной) печати со специфическим освещением мировых событий, и тысячи иных примеров — тому свидетели.

Произвол и насилия присущи всякой власти, не встречающей достаточного отпора в населении. Большевики только доказали на опыте, что социалистическая власть не составляет исключения.

В социалистическом государстве к политическим цепям прибавились и хозяйственные.

Без материальной возможности печатать и распространять произведения печати, хотя бы чисто культурно-просветительного характера, нельзя воспользоваться и относительной свободой слова, которой не была лишена печать и при самодержавных порядках. Теперь разные органы «народного хозяйства» ведают производством бумаги, распределением его запасов, книжными магазинами и газетным агентством. В результате вся независимая литература замерла, в то время, как официальная и официозная печать и казенные министерские издания заполонили весь спрос и губят, принижают и извращают интерес к литературе. Никакая власть не может быть абстрактной и беспристрастной: «национализировав» производство и распределение, власть, естественно, предоставляет все преимущества своей партии, обходя права подавляющей массы того самого рабочего и крестьянского населения, именем которых она завладела аппаратом правления.

Так осуществила коммунистическая власть управление вещами в деле распределения духовной пищи «по потребностям каждого» — из казенного котла.

Социалистическая власть проводит новую орфографию. Она не проповедует, не убеждает и не стесняет вашу личную свободу. Пишите для себя, как хотите. Но ни одна из управляемых типографий не посмеет набрать ваши писания не по новой орфографии. А завтра и не будут в состоянии это сделать, т.к. прекратится отливка несчастных, быть может, мало полезных «ѣ», «ъ» и «і», но все же имеющих своих защитников, не без заслуживающих внимания доводов.

Власть национализировала (или «муниципализировала») жилые помещения. Пользуйтесь беспрепятственно, — за наемную плату, конечно, — занимаемой вами квартирой. Но если какой-либо орган власти облюбывал ваше жилище, то вас выселят без долгих разговоров, даже если вы самый что ни на есть «трудовой элемент первой категории».

У вас удобная квартира, т.е. не вся ваша семья скучилась в одной комнате. Власти же нужно распихать массу выселяемых. И она устанавливает произвольные «нормы» и вселяет в вашу квартиру, помимо вашей воли, в самый ваш «неприкосновенный домашний очаг», чуждых вам и неизвестных самой власти людей, не по вашему выбору и соглашению, а... по очереди. Если завтра жилец вас оберёт, обидит членов вашей семьи, обесчестит вашу дочь, то власть тут ни при чем: она управляет вещами, а не свободными людьми.

Вы выбились из сил, не поспеваеете за ростом дороговизны, не заплатили вовремя наем. Квартальное управление вашего комиссариата (заведены и таковые вместо домовых комитетов) пишет соответствующую бумагу в жилищный отдел Совдепа, и, без расследования и разбора, не опросив даже вас, самый подлинный судебный пристав старой закваски под коммунистическим ярлыком приходит описывать ваше имущество, предметы вашего личного обихода.

Власть и хозяин слились вместе, интерес у них один, приемы управления упрощаются, а человеческая личность... свободна: управляют недвижимостями, а не людьми.

У вас отрезок материи, приобретенный по карточке, ваши собственные дети обносились в деревне; вы не можете им отправить ни одного аршина, почта не примет. Власть управляет вещами, товарообменом, а не людьми: они свободны.

Без предварительной прописки в полицейском участке — в комиссариате, без российского традиционного паспорта, коммунистические власти вам не выдадут продовольственной карточки.

И так во всем.

«Великий опыт» на практике показал, что хозяйственное управление государственной власти не может не превратиться по самой своей технике в наихудший гнет, напоминающий собой крепостные порядки.

В этом доказательстве путем наглядного опыта немалая историческая заслуга большевиков.

Государство, в роли крепостника, вмешивается во всю хозяйственную и частную жизнь населения. Отсюда и те многочисленные «обязательные постановления» и «трудовые повинности», которые затрагивают широкие народные массы, не исключая и женщин.

Идеал социализма — свободный и привлекательный труд — государственные социалисты превратили в принудительную повинность.

Так при самодержавии существовала «дорожная повинность», когда крестьян выгоняли на постройку дорог. Государственный социализм воскрешает и расширяет старую систему.

В наши дни государство перестало быть, по определению Кропоткина, «союзом взаимного страхования между помещиком, попом, солдатом и судьей». Тем не менее клеймо атавизма тяготеет над всякой государственной властью.

Партийная власть, неправильно называемая классовой, воспроизводит старые формы управления в подробностях, доходящих порой до смешного.

Партийные круги большевиков заменили монархические «сферы» старого режима. Вместо «салонов» процветают партийные «клубы».

Учреждения, площади, улицы, поезда и т.д. имени царских особ заменены партийными: имени Ленина, памяти Володарского, Веры Бонч-Бруевич, Свердлова и других.

А принудительная реформа орфографии не напоминает ли по грубости приемов стрижку бород Петром I-ым?

То смешное помпадурство, то зловещая аракчеевщина — вот в какие формы выливается государственный социализм.

И это неизбежно. В этом виновны не большевики, а сама система по своему построению и происхождению.

Формы и приемы государственного социализма порождены мировой войной.

Партии государственных социалистов, по способам своих действий, — прямые преемницы военных партий, обрушивших мировое бедствие — мировую войну — на человечество.

Одни и те же приемы насилий и устрашений у тех и у других для удержания в повиновении народных масс; те же демагогические лозунги общего блага и высоких целей для усыпления в человеке здравого смысла и естественных инстинктов.

Волна государственного социализма, как и вспышка мировой войны, захлестывает запад с востока. Где бы она ни остановилась, как бы ни ширилась, но на внешних и междуусобных войнах, карательных экспедициях и хозяйственном гнете не обосновать партиям государственного социализма своего благополучия, как не смогли укрепиться на военных насилиях и экономической эксплуатации буржуазные партии.

Анализ «великого опыта» показывает, что он заранее обречен на гибель.

И если революционные брожения с их разрушениями все же ведут к обновлению общества, то на смену принудительному государственному социализму — этой апогее частного капитализма — должны прийти новые порядки, основанные на свободном федерализме: на федерации личностей в профессиональных союзах в общественно-политическом отношении, и в кооперативах — в хозяйственном.

Принудительный государственный строй должен уступить место свободным профессиональным и кооперативным объединениям, спаянным в одно целое — в общество свободных и равных людей — той отраслью общественной психологии, которая называется этикой.

Примечания

[1] Во всей Московской области правящая партия насчитывает менее 3000 человек, из них едва 7 процентов старых партийных работников.

[2] Изуродовав свободное развитие всей нашей жизни, большевизм не пощадил и русского языка. Он ввел в повседневный обиход варварские слова и обороты, заимствованные по своему построению из военно-боевой техники.

Дух погромный

1919, источник: [здесь](#). Ал. Атабекян. Дух погромный. М.: Почин, 1919. 8 с.

Коротка человеческая жизнь в вечности времен. И все же за недолгие годы своего существования много ужасов приходится видеть созданному Богом «по образу и подобию» своему. О многих жестокостях слышит и множество насилий испытывает «венец природы» — человек.

Четыре десятка лет прошло с тех пор; я был еще отроком; неведующим сознанием всматривался в окружающую жизнь.

Всколыхнулась тогда Россия, поднялся народ «от далекого севера до страны южной», ратью боевой, — с редким единодушием, — не в пример японской войне. Матери напутствовали благословениями сыновей в поход, сёстры смачивали слезами сострадания нащипываемую судорожными пальцами корпию для раненых (тогда еще не была изобретена гигроскопическая вата); они проливали слезы сострадания к участи и дорогих раненых, и жертв погромного духа.

Там, на далеких Балканах, громили наших братьев, болгар. Разоряли города и деревни, вырезывали мужчин, распарывали утробы матерей, насаживали трепещущий плод на шашки.

— Кто?.. За что?..

«Правоверные» мусульмане — «нечестивых» христиан.

За иную веру, за чужой род. Там, на величественных высотах Балкан, в «Розовой Долине» под Шипкой, на золотистых полях равнины одни люди истребляли других.

Мусульмане, которые молятся Единому Богу ветхого завета, чтят и Моисея, и Иисуса Христа за пророков, поклоняются Деве Марии, вырезывали христиан.

Одни из сыновей Адама, вооруженные, жестоко расправлялись со своими беззащитными братьями. Так погромный дух народа, менее развитого, менее человеческого, возбужденного властью и духовенством к расовой нетерпимости и религиозному фанатизму, находил в самой беззащитности своей жертвы простор для разгула.

Погромный дух человека-зверя был разнuzдан, различия религии и расы были лишь предложениями.

Прошли годы. Меня, юношу, судьба — нет, бесправная родина — забросила в далекую Европу, в поисках света и знаний. В 1895 году я был в Лионе. На открытие международной выставки приехал президент республики Карно. Случайно я находился в толпе, когда рука анархиста — итальянца Кассерио, в самый разгар казенных торжеств, сразила жизнь президента.

Вслед за тем... за тем разбушевалась толпа, банды громил набросились на квартиры итальянцев, ни в чем неповинных рабочих, с криками злобы, с искажёнными ненавистью лицами выбрасывали из окон 3-го, 4-го этажа их утварь, их одежду, их пожитки и тут же, на улице, сжигали при диком гуле...

Через два дня в мертвецкой медицинской школы профессор Лакассань показывал студентам обуглившиеся трупы, старался установить их личность и, лишь по зубам безщёчных челюстей одного, нашел, что жертва... курила трубку.

Безвестные останки предали земле. Рука друга не украсила могилы, слеза матери не окропила рыхлую землю...

Через несколько дней мальчуганы-разносчики выкрикивали по улицам, что портрет старого президента продают вдвое дешевле вновь избранного. Прохожие лишь ухмылялись остроумию продавцов.

Любовь к родине, уважение к главе государства, отечество, — были ни при чем в событиях. У «цивилизованных» французов проснулся лишь дремлющий в человеке зверь, погромный дух.

Прошли долгие годы. Вспыхнула мировая война. С кавказского фронта стали доходить зловещие вести: курды вырезают армян... Потоки беженцев хлынули в пределы России. Я был там, я работал среди них, я видел их страдания, я слышал их стоны, а трупы, трупы... В Эчмиадзине, у подножия Арарата, под знойным солнцем, не успевали их во время хоронить... Вдоль дорог встречались покинутые умирающие лежали неубранные трупы, или, — из наскоро засыпанных ям, — торчала то рука, то нога...

На одном перевале, придержал лошадь: на самой середине дороги, под ногами у животных, валялись человеческие останки. Позвоночный столб с костями таза, молодые белые зубы челюстей, длинные черные волосы и красные лоскутки одежды, втоптанное в грязь копытами, говорили об ужасах последних часов покинутой на пустынном хребте молодой женщины, быть может матери одного из тех сирот, за собиранием которых я ехал с отрядом молодых товарищей...

Сотни тысяч армян были разорены, разгромлены, вырезаны. Преступная рука власти вооружила человека-зверя, дала простор дикому разгулу — погромному духу.

Русское правительство воюет с германским. Немцы, все немцы, наши ближние, наши долголетние соседи по дому, по лестнице, наши вчерашние товарищи по труду, торговле и промышленности, во всем виноваты. Дух погромный, дух беспощадный, приволок к Москве-реке старика с молоденькой дочерью и утопил их обоих вместе...

Этого позора жестокому сердцу России никогда не смыть с себя.

Вспыхнула октябрьская революция. Тот же погромный дух обернулся без разбора против своих единокровных офицеров, нынешних «военспецов».

Но может ли сравниться что-либо с тем упорством, с той последовательностью, с той жестокостью, с какой преследовали я преследуют рассеянных по всему свету сынов Израиля? Громят, избивают до смерти, беспощадно вырезают, не различая ни пола, ни возраста, не уступая в этом полудиким курдам — башибузукам.

Дух погромный, дремлющий в человеке-звере, не знает ни меры, ни жалости, ни стыда, но все же он нуждается в пище для своего поддержания, он нуждается в оправдании для проявления человеконенавистнических страстей.

Евреи эксплуататоры, — евреи торгуют, обманывают и грабят народ, а между тем не еврейская, а русская пословица гласит: «не обманешь — не продашь». Евреев подозревают в обрядовых изуверствах... Предки пишущего эти строки были христианами с 4-го века, когда о самом русском народе, не только о православной Руси, не было и помину, а потому могу смело сказать: не тем, которые ежегодно символически причащаются плотью и кровью Иисуса Христа, подозревать на основании такого же обряда еврейство в изуверствах. Евреев поносят оскорбительным прозвищем те самые, которые молятся Богу — сыну еврейки, и Богоматери еврейке.

Евреев теперь винят в засильи правительственных учреждений. И кто же? Те самые, которые находили естественным поголовное засилье русскими при старом режиме всех ответственных постов на окраинах России, у других народов.

Им мерещится еврейское засилье лишь потому, что февральская революция вывела было страну на путь цивилизации, уравнила все народы России и евреи нашли доступ во все те, и хорошие, и дурные учреждения, в которых до того они были «изъяты из употребления».

Если бы я был евреем, если бы я, по своим политическим убеждениям, мог занимать и занимал какую-либо ответственную должность в правительственных органах, то, принимая во внимание сгущенную атмосферу, я бы добровольно ушёл, — хотя бы из человеколюбия, я бы ушел с бросающегося в глаза выдающегося поста.

Но если бы я был и русским, если, действительно, евреи, только евреи направляли всю русскую политическую жизнь, властвовали над Россией, то я бы не кричал о том, что достаточно кучки евреев, чтобы закабалить многомиллионный русский народ, как малого, неразумного ребенка. Я стал бы деятельно бороться за раскрепощение своей нации, а не проповедовать, потворствовать или оправдывать избиения и погромы совершенно не причастных к власти людей, вся вина которых в том, что они — иного племени и иной веры.

Нет никакой причины, нет никакого оправдания еврейским погромам, кроме диких инстинктов, звериного погромного духа, чаще позорящего русское имя, чем другие нации.

Волны новых, всё новых еврейских погромов перекатываются по Украине, уносят десятки тысяч жертв человеческих жизней. Призрак разнузданного человека-зверя витает ныне и над Великороссией.

Несметное множество колоколов ежедневно напоминают народу, о Человеке—Боге, принявшем мученический венец за борьбу с погромным духом, за проповедь — любви ближнего, как самого себя. И всё же гулкий звон колоколов не отогнал еще кошмарные призраки возможных погромов.

В начале мировой бойни от внимавшей ужасам войны простой персиянки я услышал слова вечной истины:

У всех есть матери!

Пощадите слезы матерей! Проповедуйте, объясняйте душам, бродящим в потемках, всю непоследовательность, всю необоснованность человеконенавистнических наветов.

Пора нации Толстого понять и излечится от позорной погромной страсти, ибо:

ДУХ ПОГРОМНЫЙ ВНУТРИ НАС.

Москва 1-го сентября 1919 года.

Кооперация и анархизм

1919, источник: [здесь](#). Атабекян Ал. Кооперация и анархизм. М.: Почин, 1919. 12 с.

“ Кооперация — научная практика взаимной помощи.

Элизе Реклю.

Формы кооперации, как и всё в обществе, в органической жизни, в природе вселенной, подвержены изменениям, *эволюции*. Современное понятие о кооперации соответствует последней форме целого ряда явлений, зарождение и развитие которых можно проследить во всей истории человеческих и даже животных обществ.

Теоретики кооперации, возводящие её возникновение к той или другой исторической личности, говорящие, наподобие Туган-Барановского, что кооперация была «придумана» и имела своих духовных отцов, напоминают наивное библейское повествование о сотворении мира: в начале был хаос и мрак, пока Бог не задумал заняться творчеством. Сказанное не уменьшает, конечно, историческую роль выдающихся кооператоров, как пионеров кооперативного прогресса.

Если всмотреться в те организации, которые принято называть кооперацией — кооперация потребительная (торговая), производительная (артели), кредитная (взаимной помощи через доверие), страховая, начавшая вырабатываться кооперация по организации общественных служб (каковы, например, кооперативные учебные заведения — артельные школы преподавателей, или кооперативная организация общественной безопасности, существующая в некоторых городах Северо-Американских Соединенных Штатов, наряду с государственной) — то мы убедимся, что все они преследуют практически полезные цели для своих членов в хозяйственном и духовном отношении. *Объединением личных сил* все они стремятся удовлетворить *непосредственные нужды* всех своих участников.

В этом смысле, слово кооперация, введённое в употребление Робертом Оуэном, оправдывает своё буквальное значение — *сотрудничество* или *содействие*.

Разные формы сотрудничества личностей существовали на всех ступенях общественного развития. В патриархальном быту, при рабовладении, во времена крепостного права, при капиталистических порядках люди тоже объединены для хозяйственных и иных целей, направленных на удовлетворение нужд участников объединений, но тем не менее не все формы сотрудничества можно назвать *кооперацией*, так как во многих из них отсутствует основной признак кооперации — *свободный выбор* при участии или при отказе от участия от той или иной совместной организации.

Капиталистические формы производства и товарообмена в известной мере удовлетворяют этому требованию свободного выбора: *данный* рабочий и хозяин, *данный* торговец и покупатель не связаны между собой. Рабочий может оставить своего хозяина, как и хозяин рассчитать рабочего; покупатель берёт товар сегодня в одном магазине, завтра может покупать у конкурента, предлагающего более дешёвый или лучший товар; — тем не менее в этих явлениях нет ничего кооперативного, так как отсутствует *равенство* сторон в распределении выгод и убытков, вытекающих из сочетания взаимных хозяйственных потребностей и деятельности.

Свободный выбор и равенство в пользовании выгодами и в несении обязанностей и убытков в объединениях отдельных личностей — вот основные признаки кооперации.

В широком и прямом смысле слова кооперацией или *сотрудничеством* следует называть длинный ряд объединений, наблюдаемых в животных и человеческих обществах, преследующих общими усилиями равномерное удовлетворение материальных и духовных потребностей их участников. Кропоткин изучил эти явления под названием «Взаимной Помощи» и он придаёт им значение важного фактора прогрессивной эволюции.

С полным основанием Кропоткин причисляет, с некоторыми критическими оговорками, всю современную юридически оформленную кооперацию к явлениям взаимной помощи и особенно останавливается на русской народной артели — «этом неформленном виде кооперации» (см. стр. 195–196 *Взаимной Помощи*, москов. издан. 1918 г.).

Элизе Реклю, тоже относясь критически к отрицательным сторонам современной кооперации, в свою очередь смотрит на неё, как на «практику взаимопомощи».

«Тем не менее, — говорит он, — серьёзные и искренние анархисты могут многому научиться у таких кооперативных союзов, во множестве возникающих повсюду, которые соединяются одни с другими, образуя всё более растущий организм, захватывающий самые разнообразные области: промышленность, транспорт, земледелие, науки, искусства, развлечения; они стремятся даже образовать организм, охватывающий производство, потребление и ход развития эстетической жизни. Научная практика взаимопомощи распространяется и облегчается, остаётся только придать ей её истинный смысл и нравственное значение, упростив всякий обмен услуг, сохранив только простую статистику производства и потребления...» (*Эволюция, революция и идеал анархизма*, москов. издан. 1917 г., стр. 110).

Взаимная помощь характеризуется, кроме удовлетворения непосредственных материальных и духовных нужд, ещё нравственным началом *справедливости* — равномерным распределением плодов объединённых усилий между всеми участниками.

Не эта ли этическая задача является камнем преткновения для современной кооперации в её поисках более совершенных форм, свободных от искажающего воздействия капиталистических начал?

С другой стороны, кооперативная мысль оказала своё влияние на формы развития капитализма. Акционерные общества с из мелкими вкладами, равномерным распределением

выгод (дивидендов) и равенством прав участников, имеют большое сходство с кооперацией. Основное различие нужно искать в том, что акционерные общества пользуются исключительно *наёмным трудом*, и вытекающей из этого хозяйственной эксплуатацией одних людей другими нарушают равенство всех фактических участников предприятия.

От этого греха не свободна и современная кооперация. Недаром Бакунин относится резко отрицательно к «буржуазной кооперативной системе». Вот как он отзывался о потребительской кооперации: «Известная ассоциация Рочдэльских работников в Англии, наделавшая столько шума и возбудившая столько попыток подражания в других странах, кончилась тем, что создала новую коллективную буржуазию, преспокойным образом эксплуатирующую массу не принадлежащих к ней работников» (цит. по А. Карелину, *Жизнь и деятельность М.А. Бакунина*, стр. 31).

Этот капиталистический элемент, присущий современной потребительской кооперации, существует отчасти и в производительной, *артельной* кооперации, которая тоже допускает, с известными ограничениями, наёмный труд.

Кооперация, допускающая наёмный труд, тем самым нарушает *этическое начало*, лежащее в основе взаимопомощи — *равенство*, и тем отрицает взаимность прав и обязанностей своих участников.

Устранив наёмный труд — к этому ведёт дальнейшее развитие современной кооперации, в этом её ближайшая и самая главная задача, — кооперация окончательно сольётся с явлениями взаимной помощи.

Наёмный труд в производительной, артельной кооперации обыкновенно доведён до наименьшего размера, или совершенно отсутствует. Потребительная кооперация тоже должна идти по стопам кооперации производительной и основываться исключительно на начале свободного договора между объединениями потребителей и производительными артелями.

За последнее время потребительная кооперация, особенно в России, старается искупить свой *капиталистический грех* разными благотворительными, общественно-полезными ассигновками из своих прибылей (совершенно так же, как это делают или делали акционерные общества и частные капиталисты). Но это не разрешение вопроса. Кооперация должна окончательно очиститься от наёмного труда, и только тогда она отмежуеться от капиталистических форм и приобретёт свой основной этический характер взаимной помощи, — этого могучего двигателя общественного развития.

По своему этическому характеру, по стремлению освободиться от наёмного труда и вытекающей из последнего эксплуатации человека человеком, кооперация *социалистична* и не может быть иной, не изменив своей природе.

По другому основному свойству, по свободному объединению личностей, с правом каждой из них в любое время выступить из объединения, кооперация исключает принуждение. Будучи свободной и добровольной по внутреннему построению, кооперация враждебна внешнему насилию — этому неизбежному свойству государственной власти. В политическом

отношении кооперация не может быть ни монархической, ни республиканской, ни демократической (как утверждает В. Кильчевский), ни советской, так как всякой власти присуще принуждение. Даже при самом идеальном государственном строе, при прямом народном законодательстве имущественно равных людей, большинство подчиняет своей воле меньшинство. Кооперация же представляет из себя свободное объединение личностей, их федерацию в полном и чистом смысле слова, причём как меньшинство, так и отдельные личности имеют право выйти из объединения, коль скоро последнее перестаёт соответствовать их материальным и духовным потребностям. По этому признаку кооперация является в политическом отношении анархистской федерацией (это признают Туган-Барановский, Тотомианц и другие теоретики кооперации).

Кооперация не может остаться политически *нейтральной*, не рискуя своим развитием и даже существованием.

При самодержавии в России власть стремилась установить за своими органами право на санкцию над выборами, производимыми в кооперативных организациях. Советская власть пошла дальше, она осуществила участие *чиновников по назначению* в правлении кооперативных объединений. Своими монополиями (национализациями) советская власть уничтожила свободу и независимость кредитной кооперации, сузила и изуродовала потребительскую и парализовала зарождавшуюся учебную кооперацию.

Для защиты своей независимости кооперация должна всегда быть готова для самообороны от посягательств государственной власти. В этом — единственный залог её процветания и даже существования.

Мало того. В своём стремлении организовать общественные службы добровольным объединением *кооперация прямо противоположна государственной власти*. Она соперничает не только с частным капиталом, но и с государством.

Эта органическая противоположность кооперации к государственной власти недостаточно осознана современным кооперативным движением. Кооперация до последнего времени противопоставлялась только капиталистической хозяйственной системе. В течение мировой войны государственная власть настолько широко распространила своё вмешательство в хозяйственную жизнь народов, что превратила удовлетворение материальных потребностей в своего рода монопольные общественные службы. Безумия большевизма, логически последовательного, но лишённого практического здравого смысла в своих предпосылках, только рельефнее выявили несовместимость свободного существования и развития добровольной по своей природе кооперации с государственной властью.

Дальнейшее развитие кооперации должно привести к открытому отрицанию за государственной властью исключительного права на организацию общественных служб: права на принудительное обложение — на взимание налогов, на монополию чеканки монеты и выпуска кредитных знаков, на право санкции (правительственной регистрации) своих договоров-уставов, на казённое народное просвещение, на административное правосудие, на заботы об общественной безопасности и даже внешней обороны территорий, население которых будет объединено, спаяно в одно целое густой сетью кооперативов,

удовлетворяющих все хозяйственные и духовные нужды человеческого общества.

Словом, кооперация представляет ту практическую форму, в которой осуществляется упразднение хозяйственной эксплуатации и политического гнёта человека над человеком. Она расчищает путь к отделению общественных служб от государственной власти и тем ведёт к упразднению последней.

Кооперация, это — одна из теоретических основ и практических путей к свободному анархическому социализму.

Право и власть

1922, источник: [здесь](#). Право и власть. М.: Почин, 1922. 16 с.

Дорогой для меня памяти
Екатерины Николаевны Соколовой

посвящаю этот малый труд о большом вопросе. Прочитав его первая в рукописи, она нашла в нем главное достоинство: изложение отвлеченного предмета просто и доступно каждому.

Москва, 4 августа 1921 г.

А. А.

Две основные деятельные силы направляют развитие жизни; это, с одной стороны, борьба за существование, с другой — взаимная помощь. Какое бы относительное значение мы не придавали тому или другому фактору, но нет сомнения, что борьба за существование в развитом виде происходит не между отдельными особями, а между их объединениями, т.е. тоже принимает характер взаимной помощи для борьбы за существование.

Но объединения для борьбы не устраняют окончательно столкновения интересов внутри самих объединений; а потому общительный инстинкт выдвинул на высших ступенях развития новые формы разрешения противоположных стремлений помимо прямой борьбы грубой силой. Это — правосудие, нормы которого называются правом.

«Первобытная форма правосудия, выражающаяся в формуле „око за око, зуб за зуб“, очевидно, не что иное, как подражание», — говорит Элизе Реклю. «Возмездие, мера за меру, представлялось вещью вполне справедливою и даже на осужденного могло произвести впечатление покаянного действия; кающийся грешник, конечно, должен находить справедливым претерпеть то самое, в чем он погрешил, и в такой же мере»[1].

Таким образом, в основу права, при его зарождении, легло не реальное соотношение сил тяжущихся сторон, не неограниченное господство сильного над слабым, а мерило справедливости — равенство.

С понятием о праве необходимо связывается представление о справедливости. Сила может превысить право, нарушить, но не заменить его. А между тем, чему учат нас современные юристы? «Формальная школа, — пишет Ф. Кокошкин, — определяет право, как господство воли в определенной сфере отношений». По другому классическому определению, «право есть совокупность правил поведения, устанавливаемых суверенной властью». Третьи, мнящие себя «научными» социалистами, утверждают, что «право есть результат борьбы за жизненные блага, общественная охрана восторжествовавших в ней интересов» и

провозглашают диктатуру, т.е. неограниченный произвол власти, проводящей в жизнь те или другие цели, за право.

«Господство воли», правила поведения, устанавливаемые «суверенной властью», охрана ею же «восторжествовавших интересов» могут быть все названы законами государственной власти, но ни в коем случае правом, если они не удовлетворяют нравственному мерилу справедливости.

Связь между правом и этикой явна и неразрывна.

Хотя проф. П.Г. Виноградов находит, что «было бы крайне односторонним смотреть на право, как на минимум моральных предписаний», но нет сомнения, с другой стороны, что никакое право немыслимо без соблюдения моральных норм.

А между тем юристы, отождествляя право с законами государственной власти, слепо приписывают последней, наперекор исторической очевидности и современной действительности, какие-то высшие свойства помимо проявления всевозможных насилий, произвола и страстей, нередко питаемых болезненным душевным и умственным состоянием правителей (особенно когда они воодушевлены религиозными и общественными обновительными стремлениями).

Государственная власть присвоила монополию на отправление правосудия не для охраны права, неотделимого от справедливости, а для закрепления своего господства независимо от нравственного или безнравственного содержания своих велений.

Каким образом она достигает этого? Как зарождается и закрепляется власть?

«Добровольным подчинением объяснял Монтень в анонимном сочинении, долгое время приписываемом Ла-Бозе, — читаем мы у М. Ковалевского, — подчинение личности государству. Как бы ничтожен ни был правитель, если бы им, по выражению Монтеня, был не муж, а человек, *homme*, люди все же следовали бы велениям, изданным его именем и стесняющим их свободу самоопределения. Как бы бессмысленны ни были отдаваемые им приказы, как бы ни противоречили они убеждениям и совести тех, на кого они направлены, послушание им все же было бы общим правилом. Какое заключение должны мы сделать из этого бесспорного и общепризнанного факта — то ли, какое современник религиозных войн и Варфоломеевской ночи [Монтень] выводил из него, говоря: „перестанем только повиноваться, и вековое рабство падет само собой“, или то, что к психологии всех существ, призванных к общественной жизни, коренится неотразимый запрос на руководство.

Те, кто высказываются в первом смысле, слывут в наши дни под названием анархистов. Социологическая доктрина происхождения власти и государства относится отрицательно к их учению, так как связывает вопрос о происхождении власти с более общим — о природе всякого руководства вообще. Источник его она ищет в психологии человеческих групп

и даже групп животных»[2].

Далее М. Ковалевский приводит ряд примеров из жизни животных и первобытных народов и, основываясь на них, утверждает, что «не одна физическая сила, но и умственная, духовная, необходимо предполагается в тех, кто выделяясь из толпы, становится её руководителем. Необходимость же подчиняться чужим указаниям и велениям обуславливается не только большей способностью определённых лиц давать желательное направление общественным процессам, но и естественным, прирожденным влечением большинства воздерживаться от той затраты умственной энергии, которая необходима для всякого производительного акта».

Попытки научно обосновать происхождение государственной власти и, в особенности, установить постоянство причин, зародивших ее, чтобы ими оправдать современное её существование, настолько редки, что стоит подробнее остановиться на доводах такого выдающегося мыслителя и учёного, как Максим Ковалевский, когда он берется «социологической доктриной», т.е. научно опровергнуть анархистское учение.

Прежде всего Ковалевский ссылается на Брэма, который описывает, что у обезьян «способнейший и сильнейший самец избирается вожаком, но достоинство это вверяется ему не общему подачею голосов, а достаётся упорною борьбою с соперниками, т.е. с другими старыми самцами. Спор решается зубами и кулаками; тех, которые не желают подчиняться добровольно, смиряют пинками и подзатыльниками: главенство принадлежит, бесспорно, сильнейшему. Рыцарской вежливости к слабому полу вожак не соблюдает и любви добивается также силою. Самки не смеют заводить любовных интриг с молодыми самцами: властелин зорко наблюдает за ними и строго наказывает провинившихся. В любви он шутить не любит. Он так немилосердно бьет и треплет самок, которые позволяют себе какие-либо вольности, что у них пропадает охота к подобного рода поступкам; виновному молодому самцу достаётся еще сильнее...

...С своей стороны он [вожак] постоянно заботится о безопасности своих подданных и потому суетится больше всех. Он всюду озирается, ничему не доверяет, и, вследствие этого, почти всегда вовремя узнаёт об опасности»[3].

Мы привели эту выдержку из описания общественной жизни обезьян более подробно, чем это сделал сам М. Ковалевский, потому что он ссылается на него как на пример зарождения власти. Но если не принимать образные выражения Брэма «вожак», «властелин», «подданный» в буквальном смысле слова, то едва ли можно найти в описанных явлениях что-либо схожее с общественной властью, кроме разве фактов насилий. Хотя нет власти без насилий, но не всякое же насилие тождественно с нею. Так любую драку можно было бы причислить к проявлению власти.

В описании Брэма ясно обрисованы явления полового отбора, называемые в человеческих обществах любовью и ревностью; столь же неосновательно приравнивать вытекающие из них насилия к зачаткам власти, как и уподоблять ей семейные распри и романтические драмы у людей.

Еще менее убедительна ссылка на слова Топинара, что у слонов «наиболее благоразумный и бдительный является вожаком». С таким же основанием в современных обществах можно было бы отнести к власти имущим вожакам заведующих метеорологическими обсерваториями, которые неустанными, бдительными наблюдениями предупреждают земледельцев и моряков о грозящих их благоденствию или жизни атмосферических невзгодах. Точно так же многие бытовые явления из жизни отсталых народов, приводимые Ковалевским, скорее указывают на зарождение в первобытной среде особых квалифицированных отраслей искусства и знаний, чем власти в собственном смысле слова. Можно ли уподобить хотя бы зачаточным видам современной власти обычай, существовавший у краснокожих Америки, подготавливать себе способных и выносливых кандидатов в военные руководители или вожди («спецов», сказали бы теперь), подвергая их «столь жестоким испытаниям, что многие не способны были выдержать их»?

То же самое можно сказать о весьма распространённом у первобытных племен «руководительстве» старейшин, т.е. людей опытных и сведущих в обычном праве и хозяйственных вопросах. То обстоятельство, что при иной обстановке, на время войны, руководство принимает на себя человек «умственно и физически более квалифицированный», как это практикуется, например, у австралийского племени Курнаи, показывает, что мы здесь имеем дело не с властью в обыкновенном значении слова, а с возникновением различных общественных призваний. Разве не к подобной же квалификации относится признаваемое за кудесниками искусство или «способность посылать дождь и заразу, исцелять болезни, вызывать их и т.д.»? Уподоблять влияние и преимущества чародеев и знахарей в первобытных обществах зарождающейся государственной власти, столь же мало основательно, как было бы странно отождествлять с нею положение современных ученых, врачей и разного рода специалистов, хотя все они или находятся на услужении у государства, или пользуются сами более или менее значительным влиянием в обществе.

Но наилучшее доказательство позднейшего происхождения государственной власти в истории развития человека, а именно в период распада рода-племени, даёт нам М. Ковалевский. «Государство, — пишет он, — не было на первых порах обхватывающим всю жизнь человека общежительным союзом. Оно только восполняло собою деятельность более ранних по времени форм сообщества тотемического клана и сменившего его рода-племени, в среде которых постепенно развивается семья, сперва материнская, а затем отческая. Немудрено поэтому, если и функции государства, полицейские, законодательные, судебные, на первых порах весьма ограничены. Нельзя сказать, чтобы оно с самого начала сосредоточило в своих руках даже ту заботливость о сохранении внутреннего порядка и мира, внешней безопасности и правосудия, которые считаются ныне его исключительным достоянием. Клань и развившиеся из них роды продолжали осуществлять кровную месть, частное посредничество заступало место судебной расправы, осуществляемой от имени государства, а временные союзы кланов и родов под начальством избранного ими временного военного вождя принимали на себя задачу охраны занятой родом территории, независимо или бок о бок с княжеской дружиной, только со временем перерождающейся в народное ополчение.

«...Что в сфере правосудия государству не принадлежит на первых порах решающее слово — это выступает хотя бы из того, что, принимая на себя посредничество между сторонами, князь или действующий его именем и им уполномоченный судья требует от сторон, чтобы они высказали наперед своё согласие подчиниться постановляемому приговору»[4].

Если мы зададим себе вопрос, каким образом могла возникнуть государственная власть и постепенно охватить всю жизнь человека, то начальную причину этого явления придется искать не в мнимом естественном, врожденном влечении человека к подчинению воле других людей, приобретших особые профессиональные знания, — военных руководителей, ученых жрецов, кудесников, чародеев, знахарей и т. д., — как это утверждает М. Ковалевский, а в другой особенности человеческих обществ, в весьма распространенном на разных ступенях их развития институте рабства. Это последнее устанавливалось не каким-то неотразимым влечением человеческой природы к подчинению чужой воле, а иными психологическими свойствами её.

«Человек, — говорит Элизе Реклю, — представляет собою животное, легко поддающееся приручению, вроде того, как например, собака и разные другие виды. Его укрощали то лаской, то угрозой, а потом держали в рабстве уже силою привычки. А кто овладел волею человека, тот располагает его силами и его жизнью»[5].

Без этой податливости к приручению человека человеком существование государственной власти было бы невозможно. Добровольное подчинение личности государству, признаваемое М. Ковалевским вместе с Монтенем как бесспорный и общепризнанный факт, далеко не естественная потребность человеческой души. Оно достигается и поддерживается теми же приемами, как и приручение животных: главным образом наказаниями и устрашением.

Ш. Летурно приводит пример, как в XVII веке католические монахи подчинили себе особое первобытное племя, с почти черной кожей, отличное от краснокожих, обитавшее в некоторых местностях Калифорнии. Эти «дикари» оказались не очень-то свирепыми, так как «католическое духовенство смогло без больших усилий их организовать в своего рода поселения, похожие на парагвайские, подчинить их рабскому труду под кнутом надсмотрщиков, и принудить их к единобрачию»[6]. То, что осуществили католические монахи, так сказать, в порядке опыта, не является ли естественным путем развития государственной власти вообще?

Сходство между частным рабовладением и государственною властью, располагающей свободой, имуществом и даже жизнью своих подданных, полное, не только по своей сущности, но и в приемах закрепления.

Приручение человека человеком не во всяком возрасте одинаково легко удаётся, успешнее всего оно достигается в молодости. Первобытные племена при набегах на своих более слабых сородичей, убивали взрослых и стариков, в плен же и рабство брали молодых, преимущественно подростков, детей и матерей[7]. Нежный детский возраст наиболее благоприятен для приручения. Муравьи-рабовладельцы даже похищают своих будущих рабов в состоянии личинок. Не по этим ли соображениям мало-мальски организованная

государственная власть берёт в свои руки дело народного просвещения, чтобы воспитать подрастающее поколение в покорности и послушании себе?

Но наиболее могучим и действительным средством для приручения народных масс и подчинения их правящему меньшинству было и остается устрашение. Удивительно, как такой вдумчивый наблюдатель, как Максим Ковалевский, не обратил должного внимания на роль карательной системы в создании мнимого добровольного подчинения личности государственной власти.

В этом деле государство поступает столь же сурово и жестоко, как это делали частные рабовладельцы. Наиболее строгие наказания расточаются за неповиновение и противодействие органам власти. Человек не имеет права выйти из подданства данного государства без его согласия, точь-в-точь как раб не мог покинуть своего владельца. Государственная власть, устанавливая налоги, отбирает по своему усмотрению часть достояния своих подданных, точно так же, как рабовладелец располагал плодами трудов своих невольников. Даже сама жизнь человека не всегда ограждена от её усмотрения: в законодательстве большинства стран смертная казнь продолжает существовать далеко не как, платоническая угроза.

Все эти рабовладельческие приемы для удержания в повиновении невольников, государственная власть проводит по отношению к своим подданным под видом права, которое, как мы видели выше, сводится в идеологии государственности, к «господству воли», проще выражаясь, произвола над людьми.

Тщетно мы стали бы искать в деятельности государственной власти ту разумную «затрату умственной энергии, которая необходима для всякого производительного акта», — того особенного почина и изобретательности, которые приписывает ей М. Ковалевский. Склонность держаться старого, если не всегда по форме, то по существу, не меньше свойственна правительственным органам, чем массе. Прогресс подталкивается личным почином из народных же масс, а не из чиновничьих канцелярий. Ярким доказательством сказанному служит сохранение в законах убийства за убийство, — смертной казни, — между тем как уже в отдаленные исторические времена ее заменяли вирой, а в наши дни она решительно противоречит современной этике.

Мало того. Государственная власть попирает нормы даже первобытного права, — воздаяние возмездия мера за меру, — и выносит смертные приговоры в случаях, ничего общего не имеющих с убийствами. Так некогда рабовладельцы умерщвляли невольников за простую попытку к побегу. Подобно рабовладельцам власть сплошь и рядом заменяет право, по характерному выражению самого М. Ковалевского, «судебной расправой».

Таким образом, простой беглый критический разбор этнографических и исторических доводов в пользу государственной власти устанавливает, что она по своей сущности, как в теории, так и на практике, является отрицанием права.

Кто признает власть, тот тем самым оправдывает рабство, ибо государственная власть есть ничто иное, как сохранившийся до наших дней особый вид рабовладения — монополия

рабства.

Примечания

[1] «Человек и Земля», рус. перев., стр. 80 и 176.

[2] «Социология», т. II, стр. 197. П., 1910.

[3] «Жизнь животных», т. I, стр. 606.

[4] Новый Энцикл. Слов. Брокгауза и Ефрона, слово Государство, кол. 555–556.

[5] «Человек и Земля», рус. перев., стр. 156.

[6] *L' evolution politique*, Paris 1890, p. 30.

[7] Последних укрощали естественной материнской привязанностью к детенышам. Известно, что в Южной Африке европейцы, чтобы заручиться негритянкой, как рабыней, похищали у ней ребенка, после чего мать добровольно являлась к похитителю.